1
4
187

4. 187.

АХАЛЪ-ТЭКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

ГЕНЕРАЛА СКОБЕЛЕВА

въ 1880—81 годахъ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ И ПЛАНА

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Д-ра А. В. ЩЕРБАКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1884

(2 вкл)

АХАЛЪ-ТЭКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

ГЕНЕРАЛА СКОБЕЛЕВА

въ 1880—81 годахъ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Д-ра А. В. ЩЕРБАКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1884

2007059289

ГЛАВА I.

На пятый день скучнаго и однообразнаго плаванія по Каспійскому морю изъ Астрахани, пароходъ нашъ прибылъ наконецъ въ Красноводскъ. Это было въ половинѣ Августа. Палящіе лучи знойнаго солнца, накалившіе атмосферу и отсутствіе малѣйшаго признака живительнаго вѣтерка, производили тяжелую духоту, которая еще болѣе увеличивалась на берегу отъ сильно нагрѣвшагося каменистаго грунта земли и голыхъ скалъ, у подножія которыхъ раскидывался Красноводскъ, состоящій изъ нѣсколькихъ большихъ домовъ, десятка три маленькихъ и столько же кибитокъ съ палатками. Воспользовавшись немногими часами стоянки, послѣ которой пароходъ нашъ долженъ былъ отправиться къ слѣдующему военному посту восточнаго берега — Чигишляру, цѣли нашей дороги, я отправился обозрѣть городъ, не обращая вниманія на жарищу, имѣя въ виду въ будущей перспективѣ еще худшее пекло.

Центральная часть городка группируется близъ пристани, на которой были свалены цѣлыя горы шпалъ, рельсовъ и верблюжьихъ сѣделъ. Красноводская пристань, имѣющая прекрасную бухту и 9 футовъ глубины у берега, считается лучшею на всемъ прибрежьи Каспійскаго моря. Близъ

нея построены два паровыхъ опрѣснителя, работающіе поочередно. Отсутствіе прѣсной воды—самый тяжелый недостатокъ въ Красноводскѣ. Вода изъ опрѣснителя отпускается обывателямъ въ опредѣленной пропорціи.

Недалеко отъ берега, по правую сторону пристани, возвышается красивый двухъэтажный домъ съ балконами, — самый большой въ Красноводскѣ. Это домъ начальника Закаспійскаго отдѣла. Парадное крыльцо на боковомъ фасѣ, съ двумя будками часовыхъ, выходитъ на площадь, — гдѣ маленькая деревянная церковь, а за ней гауптвахта. Площадь окаймляется нѣсколькими домами, въ которыхъ живутъ служащіе при отдѣлѣ, со своими семействами и помѣщается канцелярія. За домомъ начальника отдѣла находится одноэтажное каменное зданіе госпиталя и двѣ казармы. Половина одной изъ нихъ очищена и отдана подъ складъ вещей Краснаго Креста, завѣдываніе которыми приняла на себя жена воинскаго начальника Г-жа Новикова. Ряды кибитокъ впереди госпиталя, у самаго прибрежья, служатъ убѣжищемъ для пріѣзжающихъ и носятъ названіе Кибиточной улицы. Вся эта главная или центральная часть города окружена каменной стѣной съ бойницами и угловыми башнями. Какъ защита, ограда эта не имѣетъ значенія, ибо въ случаѣ нападенія съ горъ, жители за оградой могутъ быть перебиты съ окружающихъ высотъ на выборъ. Разнаго рода лавки, почта, телеграфъ, гостинница съ тремя грязными каморками и офицерскій клубъ, находятся внѣ ограды, съ лѣвой стороны отъ казенныхъ зданій, Лучшій изъ этихъ домовъ, офицерскій клубъ, построенъ на возвышенномъ мѣстѣ. Въ немъ—зало, библіотека, столовая и другія комнаты, имѣющія весьма приличный видъ. Передъ клубомъ нѣсколько десятковъ кустиковъ, сожженныхъ солнцемъ, и возлѣ нихъ двѣ, три скамейки, выкра-

шенныя зеленой краской. Все это окружено заборомъ и напоминаетъ о неудачной попыткѣ развести нѣчто въ родѣ садика или огорода.

Съ правой стороны крѣпостной ограды, почти у самыхъ горъ, виднѣются недостроенныя казармы, а лѣвѣе ихъ— лазаретные бараки; постройка ихъ уже приближалась къ концу. Громадные бунты съ сѣномъ и овсомъ и склады дровъ, расположенные на заднемъ фасѣ всѣхъ построекъ, дополняли пестроту маленькаго городка.

На пристани шла усиленная дѣятельность. Множество рабочихъ, прибывшихъ съ западнаго берега, были заняты выгрузкой пришедшихъ судовъ и нагрузкой другихъ, уходившихъ въ Михайловскій заливъ, на восточномъ прибрежьи, гдѣ уже началась укладка желѣзной дороги, назначеніе которой было прорѣзать обширный солончакъ закаспійской пустыни, до перваго пункта оазиса Ахалъ-Тэке.

Шумъ и свистъ пароваго опрѣснителя, выбрасывавшаго густые клубы бѣлаго дыма, и бурливый говоръ толпы, двигавшейся съ пристани на берегъ и обратно, придавалъ необычайное оживленіе городку, окруженному мертвой природой обнаженныхъ скалъ, лишенныхъ всякой растительности. Оживленіе это вызывалось исключительными обстоятельствами — приготовленіемъ къ походу черезъ обширные пески къ центру Ахалъ-тэкинскаго оазиса — Геокъ-Тэпе.

У параднаго крыльца дома начальника отдѣла сидѣло полукругомъ на землѣ человѣкъ до десяти туркменъ — верблюдовожатыхъ; съ ними велъ разговоръ переводчикъ изъ киргизъ, увѣшанный русскими медалями и Георгіевскимъ крестомъ. Мимо туркменъ въ домъ постоянно ходили вѣстовые съ депешами и различными бумагами. Здѣсь же расположилась и группа офицеровъ, прибывшихъ на пароходѣ, которые окончили уже свои официальные визиты къ

начальнику отдѣла. Послѣдній принималъ безъ доклада; входъ къ нему былъ открытъ съ семи часовъ утра до вечера, кромѣ обѣденнаго времени. Въ случаѣ экстренныхъ дѣлъ, пріемъ происходитъ и во всякій часъ ночи.

Въ небольшой высокой комнатѣ съ двумя окнами и незатѣйливой обстановкой, состоявшей въ книжномъ шкапѣ со стеклянными дверцами, пятью или шестью стульями, обитыми клеенкой и скамейки, покрытой коврикомъ, за письменнымъ столомъ, заваленнымъ грудою бумагъ, сидѣлъ начальникъ закаспійскаго отдѣла и въ то же время помощникъ временно командующаго войсками, генералъ-маіоръ Петрусевичъ, служившій въ этомъ краѣ еще при генералѣ Ломакинѣ и назначенный на свою новую должность недавно.

Широкій, открытый лобъ, длинная русая борода и умные голубые глаза производили съ перваго раза впечатлѣніе симпатичнаго лица; но тонкая усмѣшка, по временамъ скользившая съ полуоткрытыхъ губъ и пытливый взглядъ, который генералъ неожиданно устремлялъ на говорящаго, навѣвали ощущеніе какого-то холода, еще болѣе усиливающагося сухими, лаконическими отвѣтами и вопросами его. Не смотря на сильную жару, Петрусевичъ былъ въ суконномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ и, казалось, не чувствовалъ тяжелой духоты. Заваленный разными депешами и бумагами и окруженный посѣтителями, онъ какъ то успѣвалъ выслушивать доклады, дѣлая на нихъ замѣчанія, и въ то же время быстро писалъ или, оставляя перо, принимался за депеши, отдавая словесныя приказанія.

— Очень радъ пріѣзду сестеръ милосердія — обратился онъ ко мнѣ. — Госпитальныя дѣла пойдутъ лучше; больныхъ мало, но будутъ.

На мой вопросъ, гдѣ теперь генералъ Скобелевъ, Пе-

трусевичъ отвѣчалъ уклончиво, прибавивъ впрочемъ, что Скобелевъ скоро прибудетъ въ Чигишляръ.

Съ парохода донесся уже второй свистъ, надо было идти на пристань. Пріѣхавшія со мною сестры милосердія раздѣлились на двѣ группы. Одна осталась въ Красноводскѣ, другая же должна была слѣдовать въ Чигишляръ. Съ послѣднею отправилась и графиня Милютина, выѣхавшая вмѣстѣ со всѣми изъ Петербурга не въ качествѣ сестры милосердія, а друга сестеръ, какъ опредѣляла графиня свое положеніе.

Былъ уже вечеръ, когда пароходъ отчалилъ отъ пристани, направляясь вдоль восточнаго прибрежья.

ГЛАВА II.

Переѣздъ изъ Красноводска въ Чигишляръ въ хорошую погоду совершается менѣе, нежели въ сутки. Въ бурную погоду тратится гораздо больше времени, по причинѣ сильнаго мелководья у чигишлярскаго берега. Суда обыкновенно минуютъ его и идутъ далѣе къ Персидскимъ портамъ.

Часовъ въ десять утра слѣдующаго дня пароходъ нашъ остановился версты на $2^1/_2$ отъ берега и бросилъ якорь. Подойти ближе не было возможности, вслѣдствіе незначительной глубины.

На гладкомъ песчаномъ берегу виднѣлось множество кибитокъ, палатокъ, деревянныхъ домиковъ съ навѣсами и высокіе бунты, покрытые бѣлыми брезентами. Надъ всѣми ими возвышалась сторожевая вышка. Это былъ чигишлярскій военный постъ или, правильнѣе — урочище Чигишляръ. Лишь только пароходъ остановился, какъ къ нему подплыло множество туркменскихъ лодокъ съ парусами и небольшой паровой катеръ. Началась кропотливая выгрузка:

пассажиры размѣстились преимущественно въ катерѣ; другіе, за неимѣніемъ мѣста, расположились въ лодкахъ вмѣстѣ съ грузомъ и все направилось къ деревянной пристани, выдвинутой, посредствомъ высокой насыпи, саженъ на 300 въ море. Для удобства перетаскиванія груза на берегъ, вдоль пристани были проложены рельсы и стояло нѣсколько товарныхъ платформъ. Рельсы тянулись сажень на 100 по берегу, дѣлая въ концѣ два заворота, по бокамъ которыхъ стояли громадные бунты съ мукой, сухарями и другими продуктами. Это былъ интендантскій складъ.

Чигишлярскій постъ дѣлился на двѣ части, Съ лѣвой стороны рельсовой линіи военный посёлокъ, заключавшій въ себѣ стоянки различныхъ частей войска въ кибиткахъ и палаткахъ, артиллерійскій и инженерные парки; тутъ же и деревянный домикъ для командующаго войсками и его канцеляріи. Съ правой стороны расположился торговый людъ, преимущественно армяне; военные жили и тутъ, но немного. Въ этой сторонѣ преобладали различнаго рода лавки въ деревянныхъ лачугахъ или навѣсахъ, которые ограничивали обѣ стороны длинной площади, носившей названіе Лазаревской улицы.

Въ началѣ ея красовалась большая синяя вывѣска, съ надписью восточной редакціи, гласившей «Гостинница Іованесъ съ нумерамъ для пріѣзжимъ». Нумера эти заключались въ двухъ грязныхъ сквозныхъ каморкахъ. Затѣмъ слѣдовало нѣсколько лавочекъ съ консервами и всякаго рода мелочью и при нихъ портной, сапожникъ и даже часовой мастеръ. Двое послѣднихъ не удовольствовались своей спеціальной профессіей, а торговали еще виномъ и табакомъ. Лавка Кузьмича, единственнаго русскаго торговца среди восточныхъ людей, считалась самой лучшей. У него, кромѣ вина, консервовъ, табаку, разныхъ ситцевъ, были

даже игрушки... Появленіе такого страннаго товара въ пескахъ Кузьмичъ объяснялъ желаніемъ обратить особенное вниманіе на его лавку.

— Магазинъ полный-съ,— говорилъ Кузьмичъ, указывая на свое добро:— а эти штучки-съ пестрятъ, въ глаза бросаются. Ну, и хорошо-съ,— намъ выгодно-съ, а покупателямъ веселѣй.

Въ концѣ Лазаревской улицы и нѣсколько въ сторонѣ, въ деревянномъ сараѣ, помѣщается складъ вещей Краснаго Креста, который устроивала и которымъ завѣдывала г-жа Декорваль, пріѣхавшая спеціально для этого изъ Петербурга. Груды нераспечатанныхъ тюковъ возлѣ склада свидѣтельствовали, что устройство его только что начато. Недалеко отъ него, у самаго моря, подъ парусиннымъ навѣсомъ, стояли ледодѣлки Краснаго Креста. А еще дальше, по въ другую сторону, къ пескамъ, изолированные отъ другихъ построекъ, рѣзко выдѣлялись деревянные госпитальные бараки, выкрашенные въ бѣлую краску. Относительно всѣхъ другихъ чигишлярскихъ построекъ, бараки считались роскошнымъ строеніемъ, среди скудной окружавшей природы, заключавшейся въ необозримой песчаной равнинѣ съ колодцами соленой воды, и гладкой, темно-синей поверхности моря, подъ блескомъ жгучихъ лучей ослѣпительнаго солнца.

Пріѣхавшія сестры милосердія и графиня Милютина были встрѣчены на пристани командиромъ Таманскаго казачьяго полка, полковникомъ Арцишевскимъ, который занималъ должность коменданта Чигишляра и начальника Атрекской военной дороги *). Для сестеръ было отведено помѣщеніе въ госпиталѣ, а въ распоряженіе графини Милютиной дали одинъ изъ деревянныхъ домиковъ. Остальные

*) Отъ Чигишляра до передоваго пункта Бами.

пассажиры, пріѣхавшіе на параходѣ, размѣстились по кибиткамъ. Мнѣ и спутнику моему, капитану генеральнаго штаба Педоманскому, съ которымъ я познакомился во время дороги, было предложено поселиться въ одной комнатѣ съ судебнымъ слѣдователемъ. Часовъ въ 12 мы отправились къ полковнику на обѣдъ, получивъ его приглашеніе еще на пристани. Таманскій полкъ расположился позади другихъ частей войскъ, за домикомъ командующаго войсками. Вокругъ кибитокъ, разбросанныхъ на глубокомъ пескѣ, въ которыхъ жили казаки, стояла красивая палатка съ деревяннымъ поломъ и полотняннымъ навѣсомъ. Возлѣ нея — знамя полка и двое казаковъ часовыхъ. Отъ палатки шли деревянные подмостки въ большую кибитку — столовую. Далѣе слѣдовали канцелярія, устроенная тоже въ кибиткѣ; досчатый навѣсъ для лошадей и кухня, помѣщавшаяся въ землянкѣ. Все это составляло владѣніе командира полка. Кромѣ насъ двоихъ, пришли къ обѣду еще нѣсколько пріѣзжихъ, въ числѣ которыхъ былъ и новый отрядный интендантъ Кальницкій. Хозяина въ палаткѣ не было, но громкій голосъ его доносился изъ канцеляріи; тамъ видимо шла кому-то распекація, судя по доносившимся бурнымъ фразамъ. Разносъ кончился угрозой — «перепорю всѣхъ до одного», послѣ чего показалась фигура расходившагося полковника, который, крикнувъ громовымъ голосомъ: «Заяцъ! неси щи и кашу», пригласилъ гостей за столъ. Арцишевскому на видъ лѣтъ 60; онъ невысокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія. Длинные, висячіе, сѣдые усы и остроконечные пучки бровей, торчавшіе надъ маленькими глазами его выбритаго лица багроваго оттѣнка, придавали полковнику очень внушительный видъ. Надвинутая папаха еще болѣе усиливала впечатлѣніе грозности. Одни только сѣрые глаза, сквозившіе лукавствомъ и хитростію, подчасъ выдавали

напускную свирѣпость полковника, не соотвѣтствующую его болѣе мирному, нежели боевому характеру и практическимъ взглядамъ на жизнь. Какъ бы то ни было, полковникъ былъ грозенъ и страшенъ. Его особенно боялись чигиплярскіе торговцы и аробщики, приходившіе въ трепетъ отъ одного только появленія коменданта. Да и немудрено: мѣры, употребляемыя полковникомъ для раскрытія и уничтоженія всякаго рода мелкихъ плутней и мошенничествъ, наводили ужасъ на восточныхъ людей, привыкшихъ къ широкому произволу со времени покойнаго генерала Лазарева. Воспитательная способность полковника была весьма своеобразна. Такъ, напримѣръ, одного торговца, фабриковавшаго тухлую сельтерскую воду, отъ которой у потреблявшихъ ее переболѣли животы, онъ заставилъ выпить чуть ли не весь остатокъ сфабрикованной имъ эссенціи. Разсказывали, что злополучный фабрикантъ, кое-какъ оправившись отъ продолжительной рвоты и рѣзи въ желудкѣ, послѣ обильнаго питья своего произведенія, долго еще бредилъ ненавистной ему сельтерской водой. То ему грезилось, что онъ тонетъ въ ней; то казалось, что изо рта его бьетъ неизсякаемый источникъ этой воды. Къ концу концовъ, фабрикантъ тухлаго питья для окончательнаго выздоровленія отправился обратно домой. Другой восточный человѣкъ, пойманный въ какой-то мошеннической продѣлкѣ, упорно не признавался въ ней. Какъ средство дознанія, были пущены въ ходъ хинные порошки. Виновный, имѣя съ обѣихъ сторонъ по казаку, долженъ былъ глотать порошки въ сухомъ видѣ. При сильной жарѣ и соленой водѣ для питья, средство это оказалось весьма радикальнымъ, такъ какъ провинившійся раскаялся на второмъ же порошкѣ. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ производство дознанія у полковника облекалось въ болѣе страшную форму. Такъ,

напримѣръ, какой-то армянинъ, пойманный, кажется, въ воровствѣ муки или чего-то другаго изъ интендантскаго склада, настойчивымъ образомъ отпирался, не называя сообщниковъ; но когда его вывели за лагерь къ свѣже-выкопанной могилѣ, у которой красовалось нѣсколько казаковъ съ нагайками въ рукахъ, то признаніе послѣдовало моментально. Рядъ подобныхъ случаевъ навелъ въ первое время столько страху на разныхъ любителей поживиться чужимъ добромъ, что они, если и не отказались совсѣмъ отъ заманчиваго ремесла, то сдѣлались много сдержаннѣе и скромнѣй.

Среди всѣхъ торговцевъ одинъ хозяинъ синей вывѣски, Іованесъ, повидимому, не боялся полковника. При появленіи его, Іованесъ дѣлался только очень любезенъ, сохраняя непринужденный видъ и по миновании грозы говаривалъ: «Дла нашему брату такой чилавекъ, какъ полковникъ, нада; лучши будишъ, боялся будишъ. Мнѣ што, мой дѣлъ чистъ». Гостинница Іованесъ составляла единственное мѣсто въ Чигишлярѣ, гдѣ можно было сносно, хотя и дорого поѣсть. Полковникъ совѣтовалъ намъ не ѣхать въ передовой пунктъ, а дождаться прибытія генерала въ Чигишляръ, которое ожидалось въ скоромъ времени. Два раза Скобелевъ былъ уже на половинѣ пути къ тыловому пункту, но появленіе тэкинскихъ шаекъ у передоваго поста заставляло его возвратиться обратно. Мы рѣшились подождать.

ГЛАВА III.

Прошло болѣе недѣли со времени нашего пріѣзда. Генерала еще не было, но его ждали со дня на день. Жизнь на чигишлярскомъ посту тянулась крайне монотонно. Офи-

церство скучало и проводило время въ кибиткахъ, погружаясь отъ безделья въ продолжительную дремоту.

Нѣкоторые пользовались газетами, которыя доходили спустя недѣли три послѣ выхода. Удушливая жара въ 37°—40° и ослѣпляющій блескъ солнца, отнимали всякое желаніе прогуливаться на воздухѣ по горячему песку. Помимо всего этого, частые вѣтры, подымая густыя облака пыли, дѣйствовали вредно какъ на глаза, такъ и на легкія. Многіе изъ солдатъ страдали различными воспаленіями глазъ; вообще же больныхъ по всей линіи и въ передовомъ пунктѣ было не мало; въ особенности въ послѣднемъ — среднее число заболѣвшихъ доходило отъ 13 до 16%. Часть изъ нихъ приходилась на катарры кишекъ, затѣмъ слѣдовали лихорадки, скорбутъ и т. п. Перевозка больныхъ въ госпитали, какъ съ промежуточныхъ постовъ дороги, такъ и съ передоваго, не была еще правильно организована. Больные помѣщались въ арбахъ безъ покрышекъ и безъ подстилокъ, прямо на голыхъ доскахъ; почлежныхъ пунктовъ не было; отъ прибывавшихъ больничныхъ транспортовъ раздавались постоянныя жалобы на плохой уходъ дорогою и неудовлетворительную пищу. Однимъ словомъ, дѣло эвакуаціи находилось въ незавидномъ положеніи. Ждали пріѣздъ новаго отряднаго врача, на котораго возлагались надежды по лучшему устройству врачебно-санитарной части отряда, сообразно потребностямъ. Не въ лучшемъ положеніи находились и нѣкоторыя другія стороны по организаціи тыла экспедиціи.

На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стояла организація верблюжьяго транспорта. Хотя довольство отряда было все привезено съ западнаго берега и находилось въ достаточномъ количествѣ на обоихъ тыловыхъ пунктахъ коммуникаціонныхъ линій (Красноводска и Чигишляра), но

все это нужно было двинуть впередъ на передовой пунктъ и частью на посты обѣихъ военныхъ дорогъ. Въ выполненіи этого заключался насущный вопросъ успѣха экспедиціи и, болѣе или менѣе, продолжительность ея.

Чтобы перевезти черезъ обширные пески, въ опредѣленное время, нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ груза, требовалось, по меньшей мѣрѣ, 15,000 верблюдовъ, составлявшихъ единственную двигательную силу, возможную въ безводныхъ степяхъ. Между тѣмъ, отъ предшествовавшей экспедиціи осталось самое незначительное число ихъ, около 1000, да и тѣ были почти на половину больны, благодаря чрезмѣрному изнуренію и плохому уходу. Вслѣдствіи всего этого, на первыхъ же порахъ по пріѣздѣ въ Закаспійскій край въ маѣ мѣсяцѣ и даже еще раньше, генераломъ Скобелевымъ были приняты самыя энергическія мѣры къ пріобрѣтенію и найму потребнаго числа верблюдовъ. Покупка ихъ въ мангишлакскомъ приставствѣ, въ количествѣ 5,000 штукъ, была поручена тамошнему приставу, полковнику Навроцкому, которому удалось пріобрѣсти только 3,500. Часть изъ нихъ была пригнана къ Красноводску въ іюнѣ, остальные же въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Верблюды эти назначались для движенія по Михайловской линіи. Въ Оренбургскомъ краѣ пріобрѣталось около 5,500 головъ. Пріемка ихъ была возложена на полковника генеральнаго штаба Иванова. Всю эту партію верблюдовъ необходимо было раздѣлить на 5 эшелоновъ. Послѣдній изъ нихъ могъ прибыть къ Красноводску лишь къ началу октября. Что же касается до верблюдовъ, которыхъ обязался доставить купецъ Громовъ, то наемъ ихъ въ Бухарѣ, какъ онъ думалъ сдѣлать, оказался неудобенъ, изъ опасенія нападенія тэкинцевъ, ожидавшихъ выхода верблюжьихъ транспортовъ. Нанимать пришлось у хивинскихъ

іомудовъ въ количествѣ лишь 3,000, а не 5,000, какъ предполагалось прежде. Верблюды эти опоздали къ назначенному сроку. Благодаря всѣмъ этимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, организація верблюжьихъ транспортовъ сильно замедлилась, и только къ октябрю мѣсяцу въ Красноводскѣ могло быть сосредоточено до 12,000 верблюдовъ, на которыхъ, въ опредѣленное число транспортовъ, должно было доставить въ передовой пунктъ бо́льшую часть отряднаго продовольствія. Первый эшелонъ, въ 600 мангишлакскихъ верблюдовъ съ 5,000 пудовъ груза, выступилъ изъ Михайловскаго залива въ передовой пунктъ Бами въ первыхъ числахъ іюля и прибылъ благополучно на мѣсто къ 21 числу того же мѣсяца. Этимъ транспортамъ открывалась новая коммуникаціонная линія, Михайловская*). Что же касается до Чигишлярской или Атрекской линіи, то, какъ уже было сообщено выше, существовавшій на ней верблюжій транспортъ былъ очень не великъ. Считая оставшихся и прикупленныхъ съ большимъ трудомъ у тýркменъ, онъ доходилъ тогда до 1,400 верблюдовъ, тогда какъ необходимо было имѣть отъ 5000—6,000 штукъ, такъ какъ на этой линіи, кромѣ періодическаго снабженія довольствомъ военныхъ постовъ, нужно было свозить впередъ фуражъ, боевыя запасы, орудія и т. п. Организація верблюжьихъ транспортовъ встрѣтила здѣсь не мало препятствій, благодаря, главнымъ образомъ, крайней подозрительности и недовѣрію туркменъ, жившихъ по Атреку и на границахъ Персіи, у которыхъ производилась покупка и наемъ верблюдовъ. Причины этого заключались въ различныхъ злоупотребленіяхъ подрядчиковъ интендантскаго вѣдомства предшествовавшей экспедеціи,

*) До этого времени существовала только одна Атрекская.

которые обсчитывали верблюдовожатыхъ, кормили ихъ въ проголодь и при всякомъ удобномъ случаѣ всячески надували ихъ. Что же касается до властей, къ которымъ обращались обиженные туркмены, то они смотрѣли на все сквозь пальцы, подвергая зачастую обиженныхъ грубому обращенію. Единственный человѣкъ, въ то время съумѣвшій пріобрѣсти къ себѣ довѣріе туркменъ и пользовавшійся значительною популярностью среди нихъ, былъ подполковникъ Щербина, владѣвшій прекрасно ихъ языкомъ и основательно знакомый съ бытомъ и характеромъ этого народа. Генералъ Тергукасовъ поручилъ ему какъ наемъ верблюдовъ такъ и перевозку груза.

Впослѣдствіи таже операція была передана Щербинѣ генераломъ Муравьевымъ.

Вступивъ въ командованіе войсками Закаспійскаго края, генералъ-адъютантъ Скобелевъ поручилъ Щербинѣ приступить немедленно къ формировкѣ большаго верблюжьяго транспорта (около 6,000 головъ), для движенія по Чигишлярской линіи. Щербина черезъ извѣстныхъ ему старшинъ и поставщиковъ, сталъ входить въ соглашеніе съ туркменами относительно поставки необходимаго числа верблюдовъ, за установленную плату съ пуда. Небольшое количество верблюдовъ было уже куплено. Дѣло организаціи транспорта, повидимому, шло на ладъ, но не прошло и мѣсяца, какъ стали ходить слухи о злоупотребленіяхъ и мошенничествѣ, какъ относительно купленныхъ верблюдовъ, такъ и найма ихъ у туркменъ. Скоро обнаружилось, что цѣна купленныхъ верблюдовъ, выставленная Щербиною, не соотвѣтствуетъ дѣйствительной цѣнѣ; такъ, напр., верблюда показывали купленнымъ за 120 или 125 руб., въ дѣйствительности же за него было заплачено 90 р.—85, или даже 80 р.

Нѣчто въ родѣ этого было и съ объявленными цѣнами за перевозку. Доложили объ этомъ генералу Скобелеву, который приказалъ немедленно произвести слѣдствіе. Въ это время случилось происшествіе, которое еще больше усложнило дѣло. Близъ одного изъ военныхъ постовъ Атрекской дороги найденъ былъ убитымъ одинъ изъ поставщиковъ Щербины, у котораго исчезла памятная книжка, гдѣ, какъ говорятъ, были записаны дѣйствительныя цѣны по найму и покупкѣ верблюдовъ. Дѣло приняло плохой оборотъ. Нѣсколько поставщиковъ, уличенныхъ въ мошенничествѣ, были сейчасъ же арестованы, организація верблюжьихъ транспортовъ и перевозка была отъ Щербины взята, а ему воспрещенъ выѣздъ на западный берегъ до окончанія предварительнаго слѣдствія, которое должно было выяснить степень его участія въ противозаконной наживѣ.

Начатое слѣдствіе и арестъ нѣсколькихъ поставщиковъ произвели сильный переполохъ среди армянскаго населенія Чигишляра, непривыкшихъ такъ долго видѣть ничего подобнаго. Переполохъ произошелъ и между туркменами. Многіе изъ нихъ, пригнавшіе своихъ верблюдовъ, стали отказываться отъ поставки; нѣкоторые, еще не прибывшіе въ Чигишляръ, по узнавшіе о происшедшемъ въ дорогѣ, вернулись обратно въ аулы. Въ произведеніи всей этой безурядицы винили, между прочимъ, и сторонниковъ Щербины, заинтересованныхъ въ его дѣлѣ. Надо полагать, что цѣль ихъ была выставить дѣло найма верблюдовъ у туркменъ немыслимымъ безъ содѣйствія Щербины, въ расчетѣ, что безотлагательная нужда въ транспортѣ по необходимости заставитъ повернуть дѣло въ благопріятную, для послѣдняго, сторону. Такъ говорили многіе. Какъ бы то ни было, но слѣдствіе шло энергично и безостановочно. Командированный съ Кавказа отрядный интендантъ, опыт-

ный въ дѣлахъ всякихъ подрядовъ и поставокъ, который прибылъ въ Чигишляръ вмѣстѣ съ нами, успѣлъ пріискать подрядчика изъ восточныхъ людей, нѣкоего Теръ-Аганова, бравшаго на себя поставку необходимаго верблюжьяго транспорта. Ждали только пріѣзда генерала Скобелева, отъ котораго зависѣло утвержденіе контракта.

27-го августа Арцишевскій получилъ депешу, извѣщавшую, что генералъ въ пути и на другой день будетъ въ Чигишлярѣ. Утромъ слѣдующаго дня, прискакавшій казакъ далъ знать о приближеніи командующаго войсками. На сторожевой вышкѣ подняли флагъ. Скоро, окруженная густымъ облакомъ пыли, показалась группа всадниковъ, быстро приближавшихся къ Чигишляру. Это былъ генералъ Скобелевъ со свитой. Заѣхавъ предварительно въ госпитальную церковь, Скобелевъ направился потомъ къ своему домику, гдѣ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ, въ составъ котораго вошли новопріѣхавшія лица.

Вмѣстѣ со Скобелевымъ прибыла и часть штаба его. Несмотря на 50 верстъ пыльной дороги, которую генералу пришлось сдѣлать въ этотъ день, на молодомъ и красивомъ лицѣ его не было замѣтно и слѣдовъ утомленія. Переговоривъ съ каждымъ и привѣтливо пожавъ всѣмъ руки, генералъ сообщилъ, что сейчасъ начнетъ принимать доклады, и отправился въ деревянный домикъ, куда вскорѣ послѣдовали за нимъ и другіе *).

*) При свиданіи моемъ съ генераломъ, я передалъ ему письменную просьбу одной изъ редакцій петербургскихъ газетъ о разрѣшеніи мнѣ корреспондировать въ названную газету. На это генералъ Скобелевъ, хотя и заявилъ мнѣ о существовавшемъ запрещеніи корреспондировать изъ экспедиціоннаго отряда (запрещеніе это редактировалось въ такой формѣ: всѣ свѣденія въ томъ числѣ и телеграммы, посылаемыя изъ отряда, должны быть подписаны временно командующимъ войсками или его помощникомъ), но обѣщалъ свое содѣйствіе. Въ первые 3 мѣсяца мнѣ

Въ числѣ новыхъ лицъ, встрѣтившихъ генерала, былъ, между прочими, и отрядный врачъ Гейфельдеръ, пріѣхавшій нѣсколько дней тому назадъ изъ Пятигорска. Различныя мнѣнія, ходившія про дѣятельность отряднаго врача въ русско-турецкую войну и выставлявшія его, съ одной стороны, прекраснымъ хирургомъ, но плохимъ администраторомъ, или же прямо наоборотъ, дѣлали личность его не безъинтересною. Но, помимо внутреннихъ качествъ, и внѣшній видъ Гейфельдера обращалъ на себя вниманіе. Хотя красноватое лицо его со слѣдами нѣкоторой угреватости нельзя было назвать красивымъ, но сѣрые блестящіе глаза, которые онъ по произволу дѣлалъ томными, слегка закатывая ихъ къ небу, были не дурны. Самъ почтенный хирургъ находилъ въ нихъ что-то магнетическое, увѣряя, что не только женщины, но даже и многіе мужчины не въ состояніи вынести блеска его глазъ. Благозвучный теноровый голосъ, которымъ любилъ онъ распѣвать аріи изъ «Риголетто» и другихъ оперъ во время вечернихъ прогулокъ, производилъ на многихъ пріятное впечатлѣніе. Если ко всему этому прибавить высокій, стройный ростъ и плавную походку, то въ итогѣ получалось нѣчто поэтическое въ оффенбаховскомъ жанрѣ. Къ сожалѣнію, однимъ изъ недостатковъ доктора было плохое знаніе русскаго языка, который онъ коверкалъ иногда до невозможности, вызывая у окружающихъ невольную улыбку. Это не мѣшало ему, однако, пускаться часто въ разсужденія о различныхъ философскихъ теоріяхъ, причемъ онъ перемѣшивалъ русскія слова съ нѣмецкими, а въ случаѣ нужды, дополнялъ смыслъ жестикуляціей. Разсказываютъ, что на прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему коллегами въ Кисловодскѣ, докторъ Гейфель-

было разрѣшено отправить 3 телеграммы, но затѣмъ послѣдовало безусловное запрещеніе со стороны Главнокомандующаго.

деръ, растроганный массою комплиментовъ, сыпавшихся на него отъ не менѣе растроганныхъ коллегъ, произнесъ задушевнымъ голосомъ рѣчь о высокомъ значеніи медицинской корпораціи въ ряду съ другими учеными корпораціями и широкомъ будущемъ хирургіи и т. д., рѣчь почтенный ораторъ почему-то закончилъ маленькимъ разсказомъ о своемъ происхожденіи, гласившемъ, что отецъ его былъ очень умный человѣкъ изъ Берлина, а мать очень нѣжная дама съ береговъ Рейна и что отъ такой счастливой комбинаціи, натурально, могло произойти только нѣчто особенное и геніальное. Все это сказано было трогательнымъ голосомъ и, какъ говорятъ, вызвало у собратъ его слезы умиленія. Несмотря, однако, на свое нѣжное происхожденіе докторъ Гейфельдеръ въ отношеніи къ подчиненнымъ былъ строгъ, а подчасъ и свирѣпъ. Строгость отряднаго врача обнаруживалась преимущественно къ упущеніямъ внѣшней стороны служебной дѣятельности: тутъ онъ былъ неумолимъ. Это высказалось при первомъ посѣщеніи имъ чигишлярскаго госпиталя, гдѣ одному изъ фельдшеровъ, не успѣвшему вытянуться во фронтъ передъ грознымъ начальникомъ, нанесены были такіе вещественные знаки невещественныхъ отношеній, отъ которыхъ провинившійся долго ходилъ съ повязанной щекой.

Вообще докторъ Гейфельдеръ требовалъ къ себѣ изъявленія глубокаго почтенія и чѣмъ болѣе въ этомъ почтеніи изображалось трепета, тѣмъ пріятнѣе это было отрядному врачу. Нерѣдко суровая мина грознаго эскулапа смѣнялось веселой улыбкой, когда, во время разговора съ нимъ молодаго врача, послѣдній, стоя на вытяжкѣ, держалъ все время руку подъ козырекъ. Въ качествѣ военно-медицинскаго представителя въ отрядѣ, докторъ Гейфельдеръ не успѣлъ еще обнаружить своего административнаго та-

ланта: поле дѣятельности предстояло ему въ ближайшемъ будущемъ.

На другой день по пріѣздѣ генерала Скобелева, въ совѣщаніи по поводу медицинской организаціи, генералъ высказалъ неудовольствіе какъ касательно существовавшей эвакуаціи больныхъ, страдавшей множествомъ недостатковъ, такъ и относительно устройства врачебной помощи на постахъ дороги. Въ виду этого, онъ предложилъ отрядному врачу и мнѣ, въ качествѣ представителя Краснаго Креста, объѣхать обѣ коммуникаціонныя линіи съ цѣлью организовать на атрекской линіи ночлежные пункты и медицинскіе околодки, такъ какъ эта линія служила до того времени единственнымъ путемъ для эвакуаціи; произвести затѣмъ тщательный осмотръ михайловской линіи, имѣя въ виду, при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, организовать и ее для транспортированія съ передоваго отряда больныхъ и раненыхъ. Командировка наша требовала нѣсколько времени для снаряженія большаго вещеваго транспорта изъ складовъ Краснаго Креста. Благодаря имѣвшимся въ томъ же Крестѣ перевозочнымъ средствамъ, задержки быть не могло. (Въ Красномъ Крестѣ были фургоны, одноколки и арбы съ необходимымъ числомъ лошадей). Объѣздъ линіи нужно было начать съ Чигишляра, такъ какъ здѣсь находился перевозочный транспортъ и сосредоточивались главныя матеріальныя средства Краснаго Креста.

Выборъ дня отъѣзда я думалъ предоставить доктору Гейфельдеру, но когда обратился къ нему съ этимъ предложеніемъ, то былъ крайне удивленъ его отказомъ ѣхать. Мотивомъ къ этому докторъ Гейфельдеръ объяснилъ свое желаніе остаться при генералѣ Скобелевѣ, чтобы точнѣе ознакомиться и изучить характеръ его. «Мнѣ придется имѣть постоянныя сношенія съ командующимъ войсками,—гово-

рилъ отрядный врачъ,—а потому я, какъ умный администраторъ, долженъ основательно познакомиться съ его, характеромъ и узнать слабыя стороны, чтобы имѣть возможность потомъ эксплуатировать ихъ». Послѣ такой тирады докторъ Гейфельдеръ предложилъ мнѣ исполнить его обязанность во время командировки, т. е. инспектировать все, что будетъ касаться военно-медицинской части, самъ же онъ останется безотлучно при командующемъ войсками. Прежде чѣмъ заняться приготовленіями въ дорогу, явилась необходимость пробыть нѣсколько дней въ Красноводскѣ вмѣстѣ съ генераломъ Скобелевымъ, который торопился туда въ виду значительнаго накопленія дѣлъ по организаціи тыла.

Отъѣздъ свой генералъ назначилъ на 31 августа. Наканунѣ этого дня Скобелевъ командировалъ въ Персію начальника штаба отряда, полковника Гродекова (теперь генералъ-маіора), съ тремя офицерами. Цѣль командировки заключалась въ устройствѣ вспомогательной довольственной базы въ Буджнурѣ, лежащемъ недалеко отъ Геокъ-Тэпе. Предполагалось образовать тамъ 4-хъ-мѣсячный запасъ довольства на 5,000 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы при движеніи нашего отряда къ Геокъ-Тэпе, также и во время осады этой крѣпости и дальнѣйшихъ дѣйствій, можно было бы подвозить запасы изъ ближайшаго пункта. Операція эта, благодаря энергическому содѣйствію нашего посланника въ Персіи, представляла всѣ данныя къ успѣшному выполненію. Генералъ Скобелевъ принялъ эту мѣру въ виду всякихъ случайностей, могущихъ оказать препятствіе въ правильномъ и безостановочномъ движенію верблюжьихъ транспортовъ съ отряднымъ довольствіемъ. Организація этихъ транспортовъ, подвигавшаяся не такъ быстро, какъ это было желательно, благодаря замедленію въ прибытіи

купленныхъ или наемныхъ верблюжьихъ партій, недостатокъ въ количествѣ ихъ и т. д. заставили принять мѣры предосторожности.

31 августа, вечеромъ, генералъ Скобелевъ выѣхалъ изъ Чигишляра и утромъ 1 сентября мы были въ Красноводскѣ. Различныя обстоятельства задержали меня болѣе недѣли. Покончивъ съ дѣлами и получивъ, наконецъ, открытое предписаніе *) на конвой, я поспѣшилъ обратно въ Чигишляръ. Вещевой транспортъ былъ уже тамъ снаряженъ и всѣ приготовленія къ объѣзду линій окончены. Оставалось только выбрать день отправки, который и назначенъ былъ на 17 сентября.

ГЛАВА IV.

Для болѣе яснаго представленія положенія обѣихъ нашихъ коммуникаціонныхъ линій и оазиса Ахалъ-Тэке, необходимо сдѣлать краткое топографическое описаніе юго-западной части Закаспійскаго края.—Обширное пространство между Аму-Дарьей, старымъ русломъ этой рѣки, Каспійскимъ моремъ и горными хребтами Эльборусскимъ и Копетдагскимъ представляетъ изъ себя низменность, понижающуюся на западъ къ Каспійскому морю. Середина этого пространства, вслѣдствіе полнаго безводья, совершенно необитаема. Населенныя мѣста лежатъ по берегу Каспійскаго моря и сѣверной покатости хребта Копетдага, по рѣкѣ Мурзъ-Оби, на одной параллели съ хребтомъ Копетдага, по лѣвому берегу Аму-Дарьи отъ авганской границы и на южныхъ окраинахъ Хивинскаго ханства. Во всѣхъ этихъ

*) Въ предписаніи моемъ, между прочимъ, говорилось «объ исполненіи всѣхъ моихъ требованій комендантами постовъ».

мѣстахъ группируется населеніе туркменъ почти всѣхъ племенъ Ахалъ-Тэке.

Если восточный берегъ Каспійскаго моря, отъ Красноводска до Чигишляра или устьевъ Атрека, принять за основаніе, то образуется трехъугольникъ: одна сторона его на сѣверъ, начиная отъ Красноводска и Балханскаго залива, составляетъ протяженіе горнаго хребта, прерваннаго въ двухъ мѣстахъ. Часть его между первымъ прорывомъ и Балханскимъ заливомъ, въ который когда-то впадала Аму-Дарья, носитъ названіе Большихъ Балханъ; вторая часть хребта между прорывами называется Малыми Балханами. Отъ втораго прорыва далѣе къ югу, до половины горной системы, хребетъ называется Кюриндагомъ. Остальная, южная половина хребта извѣстна подъ именемъ Копетдага или Дашанъ и Кухъ.

Вершину трехъугольника составляетъ узелъ соединенія хребтовъ Копетдага и Эльборуса. И, наконецъ, третью сторону треугольника, южную, составляетъ вѣтвь Эльбургскаго хребта до Каспійскаго моря. Съ южной стороны трехъугольника вытекаетъ рѣка Атрекъ, которая, прорываясь сквозь Эльбургскій хребетъ, входитъ въ самый трехъугольникъ, направляясь отъ хребта къ сѣверу. Въ этомъ пространствѣ беретъ начало Гургенъ, впадающій въ Каспійское море южнѣе Атрека. Верстъ на 100 не доходя до Каспійскаго моря, въ Атрекъ вливается самый значительный притокъ его, Сумбаръ.

Узкая полоса земли, удобная для хлѣбопашества и тянущаяся по сѣверной сторонѣ Копетдагскаго хребта отъ его начала съ Кюриндага у Кизилъ-Арвата до окончанія близъ Персидской провинціи Дарагезъ, есть базисъ Ахалъ, заселенный самымъ воинственнымъ племенемъ туркменъ-тэкинцами. Съ сѣверной стороны этого оазиса лежитъ об-

ширная песчаная пустыня, почти неизслѣдованная. Длина оазиса отъ Кизилъ-Арвата до Гяурса почти 250 верстъ и не болѣе 20—30 верстъ въ ширину. Близъ Геокъ-Тэпе, гдѣ сосредоточена главная масса населенія тэкинцевъ и находится ихъ важная крѣпость Денгиль-тэпе, ширина оазиса доходитъ до 50 верстъ.

Восточное прибрежье Каспійскаго моря своими пунктами Красноводскомъ и Чигишляромъ соединяется съ Ахалъ-тэкинскимъ оазисомъ при посредствѣ двухъ коммуникаціонныхъ линій — атрекской и михайловской. Обѣ линіи сходятся вмѣстѣ на передовомъ посту Бами, лежащемъ по ту сторону Копетдага, у его подножья. Соединеніемъ этихъ путей образуется искусственый треугольникъ, основаніемъ котораго служитъ береговая линія между Чигишляромъ и Михайловскимъ заливомъ.

Постъ Бами, состоящій изъ старинной тэкинской крѣпости, былъ занятъ генераломъ Скобелевымъ безъ всякихъ потерь, вскорѣ послѣ пріѣзда генерала въ Закаспійскій край.

До того времени крайнимъ пунктомъ, занимаемымъ нашими войсками, былъ Дузъ-Олумъ. лежащій почти на серединѣ линіи отъ Чигишляра до Бами. На этомъ протяженіи, около 314 верстъ, располагалось 7 военныхъ постовъ.

Чигишлярская или атрекская линія въ предшествовавшей экспедиціи составляла единственную военную дорогу къ оазису. Что же касается до михайловской линіи, то организована она была недавно — вскорѣ послѣ занятія Скобелевымъ передоваго пункта Бами. По длинѣ ея отъ Бами до Михайловскаго залива было устроено 5 военныхъ постовъ. Эта вторая коммуникаціонная линія заканчивалась не въ Красноводскѣ, а въ Михайловскомъ заливѣ, такъ какъ послѣднее направленіе ея сокращало длину

утомительнаго пути по пескамъ слишкомъ на 100 верстъ; разстояніе, которое совершалось съ удобствомъ и въ короткое время моремъ отъ Красноводска на Михайловскій заливъ, съ послѣдняго началась уже закладка паровой желѣзной дороги. Эту дорогу предполагалось вести по направленію къ передовому пункту.

Количество войска, расположеннаго на постахъ и находившагося вообще въ Закаспійскомъ краѣ, простиралось до 5,000 *). Численность ихъ должна была быть увеличена

*) *Дислокація 1-го сентября 1880 года.* Бами: Саперная рота. 13, 14, 15 и 16 роты 81-го пѣх. Апшеронскаго полка. 4-я рота 84-го пѣх. Ширванскаго полка. Дальнобойныя батар. Морская батар. Взводъ горн. батар. Три взвода 2-й Таманской сотни, 3-я сотня.

Бендесены: 9-я и 10-я роты 83 пѣхотнаго полка. Команда охотниковъ. 2 полевыя орудія, 2 картечницы. 4-я Таманская сотня.

Ходжамъ-кала: 1-я, 2-я, 3-я и 4-я роты 83 пѣхотнаго Самурскаго полка (немобилиз.). Половина 1-й Таманской сотни. 2 полевыхъ орудія, 2 горныхъ орудія и 2 картечницы.

Терсъ-оканъ: 13-я, 14-я и 15-я роты 82 пѣхотаго Дагестанскаго полка полсотни 1-й Таманской сотни.

Дузъ-олумъ: 16-я и 4-я роты 82 Дагестанскаго полка (не мобил.). Половина 5-й Таманской сотни, 1 картечница.

Чатъ: 3-я рота 82 пѣх. Дагестанскаго полка, взводъ 5-й Таманской сотни, 1 картечница.

Яглы-олумъ: 2-я рота 82 пѣх. Дагестанскаго полка. Взводъ 5-й Таманской сотни, 6-я сотня Полтавскаго полка. Конно-горный взводъ.

Караджибатырь: ½ 1-й роты 82 пѣхот. Дагестанскаго полка. Взводъ 6-й Таманской сотни.

Чигишляръ: ½ 1-й роты 82 пѣхот. Дагестанскаго полка, роты 81 пѣхот. Апшеронскаго полка, взводъ 6-й Таманской сотни. 4 сотни Полтавскаго полка, 2 картечницы.

Кизилъ-арватъ: 12-я рота 84 пѣх. Ширванскаго полка, взводъ 4-й Таманской сотни, 2 полевыхъ орудія.

Казанджикъ: 1-я и 2-я роты Ширванскаго полка. Одно полевое орудіе. Взводъ горной батареи.

Бала-ишемъ: 3-я рота Ширванскаго полка. Взводъ горной батареи.

Мулла-кары: Красноводская рота. Желѣзно-дорожная рота. ½ 6-й Лабинской сотни.

почти вдвое новыми полками съ Кавказа, перевести которые, съ западнаго берега на восточный, предполагалось лишь послѣ доставки всего продовольствія въ передовой пунктъ. Дѣлалось это въ видахъ экономіи въ потребленіи довольства, перевозка котораго поглощала много времени и массу труда.

ГЛАВА V.

17-го сентября, на разсвѣтѣ, я выѣхалъ изъ Чигишляра въ Бами, взявъ съ собою большой транспортъ различныхъ вещей, нагруженныхъ въ фургонахъ, арбахъ и одноколкахъ. Транспортъ конвоировали ½ роты солдатъ и 20 человѣкъ казаковъ, которые на половинѣ дороги къ первому посту Караджибатырь *) должны были смѣниться другимъ конвоемъ, выступившимъ къ условленному мѣсту изъ вышеназваннаго поста заранѣе. Было еще очень рано. Солнце только что взошло, но въ воздухѣ стояла уже духота, которая, все увеличиваясь, часамъ къ 10-ти стала печь, какъ въ паровикѣ. Кругомъ, на всемъ пространствѣ, которое могъ обнять только глазъ — голая степь, устланная кое-гдѣ небольшими тощими кустиками сексаула *). На горизонтѣ, казавшемся очень недалекимъ, серебрились разныхъ величинъ обманчивыя озера степнаго миража. Иногда казалось, что озера эти, съ выступавшими изъ нихъ островками или длинными полосами кустарниковъ,

---

Михайловскій заливъ: Желѣзно-дорожная рота.

Красноводскъ: Линейный баталіонъ (остатокъ), рота Апшеронскаго полка. ½ 6-й Лабинской сотни.

*) Разстояніе отъ Чигишляра до Караджибатыря — 40 в.

*) Трава употребляемая въ пищу верблюдами.

совсѣмъ близко — такъ вотъ и въѣдешь въ нихъ. Дорога все время шла гладкая, какъ паркетъ и благодаря смѣшанному грунту изъ глины и песку, не давала возможности колесамъ обоза врѣзываться глубоко въ землю, какъ это было версты на двѣ отъ Чигишляра, гдѣ въ сыпучій песокъ колеса погружались чуть не до оси и требовалось на каждый фургонъ двойное число лошадей, чтобы только вытянуть обозъ изъ этой сухой тины.

Вспотѣвшія лошади, покрытыя мыльной пѣной, стали все чаще и чаще останавливаться. Надобно было дать имъ передохнуть. Судя по числу телеграфныхъ столбовъ, служившихъ и указателями верстъ, и въ то же время проводниками, мы были близъ половины дороги. Невдалекѣ, впереди, засверкали бѣлыми полосками штыки «встрѣченнаго» конвоя, поджидавшаго насъ часа $1^1/_2$. Усталые солдатики наши, смѣненные отдохнувшей полуротой, расположились на кратковременный отдыхъ и занялись кипяченіемъ въ манеркахъ соленой чигишлярской воды для чая и варки каши. Топливомъ для этого служилъ сексаулъ. Отдохнувъ съ часъ времени, мы тронулись дальше и сдѣлавъ еще нѣсколько короткихъ переваловъ, прибыли уже ночью на постъ, возлѣ котораго и расположились на ночлегъ.

Небольшая площадь въ 100 кв. сажень, обнесенная съ четырехъ сторонъ валомъ и окруженная рвомъ, составляла укрѣпленіе поста. Десятка полтора кибитокъ и нѣсколько палатокъ, разбитыхъ на плацу, внутри укрѣпленія вмѣщали въ себѣ все населеніе поста, состоявшее изъ $1^1/_2$ ротъ солдатъ, ротнаго командира, онъ же и комендантъ поста, и его помощника — субалтернаго офицера. Кромѣ того, на посту находилось человѣкъ 20 казаковъ и нѣсколько джигитовъ, поселившихся внѣ укрѣпленія,

у большихъ скирдъ сѣна и склада овса, обнесенныхъ неглубокимъ рвомъ. Близъ входа въ укрѣпленіе построена изъ необожженныхъ кирпичей кухня съ деревянной крышей. Въ кухнѣ — хлѣбопекарня, отапливаемая нефтью. Недалеко отъ кухни сгруппировано нѣсколько колодцевъ. Кромѣ одного, вода во всѣхъ горько-соленая, которой не брезгаютъ только верблюды. Въ колодцѣ съ прѣсной водой приналовлена помпа. Вода изъ нея расходуется очень экономно. Солдатики съ большой осторожностью накачиваютъ ее въ котелки и манерки, тщательно собирая въ посудину воду, льющуюся по сторонамъ, изъ скважинъ рукава помпы. Рядомъ съ колодцами стоитъ недостроенная баня—вожделенный предметъ мечтаній всѣхъ солдатъ и, въ особенности, ихъ ротнаго командира.— Остановка за досками и форсунками; послѣднія для отапливанія нефтью, которая должна замѣнить дрова. Ихъ ждутъ и не дождутся изъ Чигишляра. На всемъ посту царитъ тишина и спокойствіе, какъ будто все вымерло или погрузилось въ спячку. Кое-когда изъ кибитки въ кибитку передвинется солдатикъ или вѣстовой ротнаго выкрикнетъ кого либо по дѣлу. Удушливая дневная жара заставляетъ всѣхъ укрываться подъ войлочный или полотняный кровъ. Развѣ какая нибудь работа заставитъ вылѣзть на воздухъ. Къ вечеру постъ нѣсколько оживаетъ: солдаты производятъ ученье, раздаются пѣсни, затѣваютъ даже игры.

«Скоро ли мы двинемся впередъ?» была первая фраза, съ которой меня встрѣтилъ ротный командиръ, капитанъ Головковъ, послѣ обоюдныхъ рекомендацій. Я сообщилъ ему о предположеніи командующаго войсками, расчитывавшаго, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, находящихся въ связи съ организаціей верблюжьяго транспорта, вы-

ступленіе «отряда вторженія» можетъ быть въ первыхъ числахъ ноября *).

«Дай то Богъ, лишь бы что нибудь не помѣшало», обрадовался Головковъ.

«Тосчища такая смертная, что, право, хоть пулю въ лобъ. Вѣдь ни одна текинская собака не покажется вблизи поста»,—проговорилъ съ отчаяніемъ онъ. Я предложилъ хандрившему капитану нѣсколько книжекъ ежемѣсячнаго журнала и пачку газетъ за прошлый мѣсяцъ, забранныхъ мною изъ склада Краснаго Креста, который любезно снабжала одна изъ редакцій петербургской газеты.

Капитанъ очень обрадовался печатному слову, котораго онъ уже давно не видалъ и повелъ меня показать одну изъ кибитокъ, въ которой былъ устроенъ больничный пріемный покой, называвшійся медицинскимъ околодкомъ. Такого рода медицинскіе околодки, помимо лазаретовъ и госпиталей, обязаны были имѣть, какъ всѣ посты, такъ и вообще всѣ части войскъ. Завѣдывались они фельдшерами и служили для оказанія первой помощи заболѣвшимъ или раненымъ, вслучаѣ нападенія или какихъ нибудь неожиданыхъ стычекъ съ непріятелемъ.

Тщательный порядокъ на постовой стоянкѣ указывалъ на большой педантизмъ въ ротномъ, чѣмъ дѣйствительно и отличался Головковъ, сравнительно съ другими комендантами постовъ. Строгій въ отношеніи дисциплины, Головковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выказывалъ большую заботливость къ солдатамъ, не обременяя ихъ тяжелой работой и улучшая, насколько возможно, качество ротнаго котла. Послѣд-

*) Въ день отъѣзда моего изъ Красноводска, генералъ Скобелевъ поручилъ мнѣ передать начальнику передоваго отряда, полковнику Вержбицкому: имѣть въ виду, что выступленіе отряда вторженія можетъ произойти 5-го ноября.

ній не могъ отличаться пріятнымъ вкусомъ, благодаря отсутствію свѣжей зелени, замѣняемой консервами; но мяса было достаточно. Больныхъ на посту хотя и не было, но общій видъ солдатъ носилъ отпечатокъ какой-то тоскливости и утомленія, чему, конечно, много способствовала безжизненная природа необозримыхъ степей и отсутствіе опредѣленныхъ занятій.

Устроивъ на посту ночлежно-питательный пунктъ для проходящихъ транспортовъ съ больными, я поспѣшилъ дальше къ слѣдующему посту Яглы-Олумъ, отстоявшему отъ перваго на 42 версты. Былъ уже полдень. Прибыть на другой постъ мы могли только на слѣдующій день, такъ что привалъ на ночлегъ приходилось устраивать по пути — на верблюжьей стоянкѣ, называемой Засохшимъ озеромъ (тамъ прежде было соленое озеро). Послѣ коротких сборовъ, въ первомъ часу дня мы двинулись дальше такою-же скучной и однообразной дорогой, какъ и съ Чигишляра на Караджибатырь, въ густомъ облакѣ горячей пыли, ослѣплявшей глаза и крайне затруднявшей дыханіе. Все это, съ знойнымъ солнцемъ, сильно утомляло, какъ людей, такъ и лошадей. Послѣднія отчаянно фыркали и поминутно останавливались. Наконецъ, мы добрались до высохшаго озера, гдѣ и расположились на ночлегъ. Нѣсколько часовъ сна и легкой ночной прохлады значительно подняли наши силы и еще задолго до восхода солнца, мы тронулись снова въ путь и часамъ къ 11 утра стали приближаться къ Яглы-Олумъ. Мѣстность становилась нѣсколько холмистой. Съ права открылся широкій оврагъ, на днѣ котораго протекала небольшая мутная рѣчка Атрекъ. Скоро выступило на возвышенности и Яглы-Олумское постовое укрѣпленіе такого-же типа, какъ и предшествовавшее, только нѣсколько большей величины.

Постъ казался болѣе оживленнымъ, чѣмъ первый, благодаря близкому сосѣдству съ Персіей *). Оттуда наѣзжали различные мелочные торговцы. Близъ укрѣпленія, въ землянкахъ и подъ навѣсами, устроились маркитанты, торговавшіе водкой, табакомъ, сардинками и пр. Было даже устроено изъ брезента нѣчто въ родѣ столовой, которую содержалъ какой-то армянинъ. Въ ней можно было получить шашлыкъ **). Въ самомъ укрѣпленіи, обнесенномъ довольно высокимъ валомъ, пестрѣли группы разбросанныхъ кибитокъ, въ постановкѣ которыхъ далеко уже не было замѣтно той акуратности, какъ въ Караджибатырѣ. Видимо, все было сдѣлано на скорую руку. Да и самъ комендантъ поста, капитанъ Г., имѣлъ какой-то оторопѣлый видъ. Не то онъ что-то забылъ и старается вспомнить, не то потерялъ какую-то нужную вещь.

— Много-ли у васъ больныхъ, капитанъ? спросилъ я, предъявляя ему свое открытое предписаніе.

— «Есть, какъ не быть»,— отвѣчалъ Г., быстро пробѣгая глазами мою бумагу.— «Все цынга да животы, угодно посмотрѣть? Позвольте, ужъ лучше я выведу всю роту»,— проговорилъ онъ скороговоркой и не дождавшись моего отвѣта, выбѣжалъ изъ кибитки. Медицинскаго околодка на посту не оказалось, благодаря отсутствію толковаго фельдшера и медикаментовъ. Больные, менѣе слабые, находились въ строю; тѣ-же, которые съ трудомъ двигались, лежали въ общихъ кибиткахъ. Преобладающая болѣзнь — желудочно-кишечные катарры, а за ними цынга, развитая, впрочемъ, не въ сильной степени. Одною изъ главныхъ причинъ болѣзненности была, мутная, нездоровая вода

*) Пограничной линіей Персіи съ туркменскими землями былъ въ этомъ мѣстѣ Атрекъ.

**) Кусочки баранины, жаренные на вертелѣ.

Атрека, насыщенная всякими инфузоріями. Колодезная-же вода была очень солона.

Хотя въ Яглы-Олумѣ, благодаря случаю, находился небольшой опрѣснитель на паровомъ катерѣ, но воды изъ этого опрѣснителя добывалось немного: ея хватало лишь на привиллегированныхъ.

Чудесное появленіе пароваго катера въ пустынныхъ степяхъ Закаспійскаго края, произошло, благодаря небольшой разсѣянности одного изъ рьяныхъ членовъ морского вѣдомства, который, прежде чѣмъ изслѣдовать глубину рѣки, настоялъ на изслѣдованіи теченія ея паровымъ катеромъ, вопреки совѣтамъ нѣкоторыхъ практическихъ людей, доказывавшихъ безполезность подобнаго предпріятія. Какъ бы то ни было, но катеръ пустили въ рѣчку; сначала онъ пошелъ, но очень скоро остановился. Пошли въ ходъ рычаги, запруды. Опять побрелъ и снова — «стопъ»! Этотъ «стопъ»! сталъ повторяться очень часто.

Тогда употребили въ дѣло нѣсколько сотъ солдатскихъ ногъ и рукъ, и злосчастный катеръ поволокли по сухому пути, пока не дотащили его до поста Яглы-Олума, гдѣ и была назначена ему постоянная стоянка. Катеръ этотъ, вѣроятно, стоитъ и до сихъ поръ, напомнная печальнымъ видомъ своимъ порывы увлеченія неопытности.

Устройство ночлежно-питательнаго пункта и медицинскаго околодка поглотило не мало времени, да къ тому-же, мнѣ хотѣлось дать обозу своему дневку, вслѣдствіи чего я рѣшился отправиться изъ Яглы-Олума только на другой день (20 с.). Часамъ къ 11 слѣдующаго дня, караванъ нашъ выстроился впереди поста въ длинную вереницу и двинулся впередъ съ авангарднымъ конвоемъ впереди, фланговыми разъѣздами по бокамъ и арьергардомъ позади. Предосторожности эти были приняты въ виду не совсѣмъ безопаснаго пути

до третьяго поста Чатъ, отстоявшаго отъ Яглы-Олума на 48 — 50 в. Самымъ опаснымъ мѣстомъ для нападенія разбойничьихъ шаекъ считалась ночлежная стоянка на половинѣ дороги, называемая Тэкенджикомъ, у Атрека.

Неглубокое русло рѣки въ этомъ мѣстѣ и пологій берегъ представлялъ удобства для переправы тэкинскимъ шайкамъ и для набѣговъ на персидскую границу. Здѣсь они часто поджидали верблюжьи караваны и производили нападенія. Одно изъ такихъ нападеній совершено было ими накапунѣ, причемъ они отбили нѣсколько верблюдовъ и ранили одного солдата.

Хотя до Тэкенджика считалось около 26-ти верстъ, но, благодаря значительному отдыху нашихъ лошадей и верблюдовъ, пространство это мы прошли довольно скоро и съ наступленіемъ вечера были уже на стоянкѣ. Въ этотъ разъ на мою долю выпало менѣе хлопотъ по установкѣ обоза, нежели въ предшествовавшія ночи. Кучера мои, наслышавшись, вѣроятно, о нападеніяхъ тэкинцевъ, вышли изъ своей обычной апатіи и сдѣлались весьма расторопны. Въ короткій промежутокъ времени лошади были напоены, имъ заложили овса и снова впрягли, на всякій случай, въ фургоны. Разставивъ по разнымъ концамъ нашего бивуака сторожевые посты, мы скоро всѣ расположились у ярко пылавшихъ костровъ изъ сексаула и принялись кто за кашу, кто за чай. Воды не жалѣли, ея было вдоволь хотя и плохой, но не все-же не соленой.

Шумный говоръ сталъ скоро смолкать. Кое-гдѣ слышались тихіе разсказы о тэкинджѣ*). Вотъ и они прекратились. Начали гаснуть и костры, постепенно замирая...

Бивуакъ засыпалъ...

*) Солдаты называли иногда текинцевъ тэкинджей.

Среди ночи я былъ неожиданно разбуженъ ощущеніемъ горячаго дыханія на моемъ лицѣ. Мнѣ показалось сначала, что кто-то силится стащить съ меня бурку. Проснувшись, я рефлективно схватился за револьверъ, который положилъ возлѣ себя, и чуть не прострѣлилъ голову своей верховой лошади, которая, отвязавшись, подошла ко мнѣ и сначала принялась за бурку, искусавъ ея край, а потомъ начала обнюхивать мою бороду, подозрѣвая въ ней нѣчто съѣдобное. Этимъ эпизодомъ и ознаменовалась ночь, прошедшая благополучно. Хотя мы и видѣли нѣсколько слабыхъ огоньковъ на противуположномъ берегу, но тэкинцы, по всей вѣроятности, высмотрѣвъ нашъ довольно сильный конвой, не рискнули напасть.

Едва только забрезжилось утро, какъ мы тронулись въ путь и прибыли на постъ Чатъ послѣ полудня.

ГЛАВА VI.

Чатъ принадлежитъ къ числу самыхъ нездоровыхъ мѣстъ по Атрекской линіи.

Плохія гигіеническія условія поста во многомъ были созданы полнымъ отсутствіемъ санитарныхъ мѣръ на постовой стоянкѣ въ предшествовавшую экспедицію и заключались, главнымъ образомъ, въ поверхностномъ зарытіи труповъ павшихъ верблюдовъ подлѣ поста. Благодаря рыхлому, глинистому грунту и большимъ проваламъ въ почвѣ, которые образовались во множествѣ, запахъ отъ разлагавшихся труповъ выходилъ изъ этихъ проваловъ, какъ изъ отдушинъ и чувствовался уже на значительномъ разстояніи отъ него. Постъ этотъ былъ бы давно упраздненъ, но занятіе его являлось необходимымъ въ силу стратегическихъ

соображеній. Расположенный на небольшой возвышенности, одна сторона которой обрывалась въ глубокій оврагъ, съ протекавшимъ по дну его грязнымъ Сумбаромъ, Чатъ, болѣе или менѣе, командовалъ прилегавшею мѣстностью, по которой часто передвигались тэкинскія партіи. Рыхлое свойство земли и постоянное просачиваніе Сумбара дѣлали стоянку на посту не всегда безопасною. Бывали случаи, когда проваливались въ землю верблюды съ вьюками и такъ глубоко, что ихъ не могли уже вытащить. Разсказывали про одного казака, который провалился вмѣстѣ съ лошадью, сидя на ней верхомъ и спасся тѣмъ, что, очутившись въ глубокой пещерѣ, нашелъ боковой выходъ, сообщавшійся съ оврагомъ, изъ котораго и вылѣзъ на свѣтъ божій.

Грязноватый медицинскій околодокъ, помѣщавшійся въ дырявой кибиткѣ, былъ наполненъ больными,— преимущественно желудочно-кишечными катаррами; уходъ за которыми существовалъ весьма плохой.

Комендантъ поста, блѣдный молодой поручикъ, съ блуждающими глазами, котораго я мелькомъ видѣлъ въ Чигишлярѣ и въ первую минуту принялъ за больнаго, отличался, какъ разсказывали про него, двумя склонностями: былъ неимовѣрно придирчивъ къ солдатамъ,— часто безъ всякой причины, и чувствовалъ страсть къ дисциплинарнымъ взысканіямъ. Одно изъ этихъ взысканій совпало съ моимъ прибытіемъ на постъ и заключалось въ строжайшемъ запрещеніи солдатамъ пѣть пѣсни по вечерамъ. Поручикъ не прочь былъ и отъ кулачной расправы, къ которой онъ прибѣгалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Дѣлалъ ли онъ это ради скуки, или же мозговая его дѣятельность была не совсѣмъ въ порядкѣ — Богъ его вѣдаетъ! Коменданта этого впослѣдствіи смѣнили другимъ.

Въ Чатѣ мнѣ пришлось остаться до утра слѣдующаго дня и затѣмъ отправиться далѣе, на постъ Дузъ-Олумъ, въ 42 верстахъ отъ Чата, который имѣлъ значеніе передоваго пункта въ прошлую экспедицію; въ настоящее-же время служилъ отчасти среднимъ складочнымъ мѣстомъ продовольствія для Атрекской линіи. Дорога къ нему пролегаетъ въ холмистой мѣстности, пересѣченной кое-гдѣ оврагами, но съ полнымъ отсутствіемъ всякой растительности, какъ и голая степь пройденнаго пути. Дузъ-олумскій постъ по величинѣ принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ постовъ на всей Атрекской коммуникаціонной линіи. Расположенный на высокомъ плоскогорьи, съ крутыми и глубокими оврагами по бокамъ, на днѣ которыхъ протекаютъ рѣчки: Сумбаръ и Чандырь, Дузъ-олумскій постъ, кромѣ того, окруженъ съ трехъ сторонъ скалистыми обнаженными горами и лежитъ какъ бы въ котловинѣ ихъ. Широкое и гладкое плато поста искусственно раздѣлено на три части. Въ самой задней, обнесенной рвомъ, помѣщаются склады хлѣба и овса; во второй части развернуто въ дивизіонныхъ шатрахъ отдѣленіе госпиталя, вторая половина котораго находится въ Бами. Здѣсь-же въ кибиткахъ устроены: медицинскій околодокъ, склады вещей Краснаго Креста и помѣщенія врачей. Наконецъ, въ третьей части, служащей непосредственнымъ продолженіемъ второй, въ кибиткахъ, палаткахъ и землянкахъ—расположены части войскъ. Постъ изобилуетъ маркитантами, торгующими живностью, водкой и ситцами. Они хотя и побаивались коменданта, въ то-же время и воинскаго начальника Дузъ-Олума, маіора Пагирева, постоянно желчнаго и недовольнаго, но, несмотря на страхъ, при удобномъ случаѣ, всячески надували покупателей.

За исключеніемъ пополненія склада Краснаго Креста

различными вещами, устроивать на этомъ посту что-либо мнѣ не приходилось.

Благодаря стараніямъ завѣдывавшаго госпиталемъ, все здѣсь находилось, болѣе или менѣе, въ исправности. Уходъ за больными лежалъ на сестрѣ милосердія Стряковой, прибывшей съ Кавказа въ Закаспійскій край въ 1879 г., но принятой въ сестры милосердія Краснаго Креста только въ настоящую экспедицію.

Съ Дузъ-Олума до передоваго пункта оставалось уже менѣе половины пройденнаго пути. На этомъ пространствѣ находилось три военныхъ поста, организованныхъ въ настоящую экспедицію. Переходъ въ 30 верстъ къ первому изъ нихъ, называемому Терсъ - Аканъ, я разсчитывалъ сдѣлать въ одинъ день, выѣхавъ рано утромъ.

Спустившись съ крутаго Дузъ-Олумскаго плоскогорья, мы очутились среди цѣпи мѣловыхъ холмовъ съ глинистой наслойкой, которые, постепенно переходя въ горные отроги, сливались съ далекой синевой. Глубокій оврагъ съ Сумбаромъ тянулся, извиваясь, во все время пути. По берегамъ его росли кустарники, перемѣшиваясь съ небольшими деревьями. Въ широкой прогалинѣ *), образуемой оврагомъ, на половинѣ дороги, раскидывались уже группы большихъ строевыхъ деревьевъ. Гористый типъ мѣстности и растительность производили пріятное, оживляющее впечатлѣніе послѣ долгой, однообразной пустыни. Къ сожалѣнію, этой рѣдкой цѣнной растительности закаспійской степи наступала уже лебединая пѣсня. Во многихъ мѣстахъ виднѣлись только пни или кучи срубленныхъ полувѣковыхъ деревьевъ, очищенныхъ отъ вѣтвей и съ навинченными на верхушкахъ ихъ бѣлыми стеклянными шляпками. Все это

*) Мѣстность называлась Бекъ-Тепе.

шло на телеграфные столбы. Проволока телеграфа не была еще доведена до передоваго пункта. Она проходила 270 верстъ и оставалось еще провести около 45 верстъ. До Дузъ-олумскаго поста телеграфные столбы были привозные съ западнаго берега, а затѣмъ начинались кривые, сучковатые, мѣстной обработки нашихъ солдатъ.

Странная разсчетливость! Сохранить десятка два тысячъ рублей, а взамѣнъ этого обезлѣсить берегъ единственной рѣчки въ этой части пустыни и тѣмъ подвергать ее высыханію, уничтожая такимъ образомъ и жизненность края.

Вся тяжесть работъ по срубкѣ и обработкѣ этихъ столбовъ лежала, почти исключительно, на солдатахъ Терсъ-окановскаго поста, расположеннаго въ лѣсистой мѣстности.

Приближался вечеръ. Въ воздухѣ подуло вѣтеркомъ и запахло свѣжестью. Спереди доносился шумъ какъ бы отъ водяной мельницы. Мы въѣзжали въ небольшую кустарниковую рощу и стали огибать холмъ, наверху котораго выглядывало горное орудіе и шалашъ сторожеваго пикета. Проѣхали еще немного, и передъ нами открылась, между двумя высокими горами, небольшая лощина, усѣянная множествомъ лиственныхъ павѣсовъ, изъ которыхъ торчали верхушки кибитокъ и палатокъ. Сумбаръ въ этомъ мѣстѣ, благодаря порогамъ на днѣ его, превратился изъ тихой рѣчки въ бурливую и своимъ шумомъ еще болѣе оживлялъ живописную стоянку. Это былъ Терсъ-Оканъ, съ расположеннымъ въ немъ баталіономъ маіора Сивиниса, въ званіи начальника Терсъ-окановскаго отряда.

Принявъ насъ весьма радушно, маіоръ Сивинисъ не замедлилъ тотчасъ-же осадить меня просьбой — оказать помощь его баталіону бѣльемъ, въ количествѣ 500 рубахъ, такъ какъ почти всѣ солдаты, на работахъ по изготовленію телеграфныхъ столбовъ, износились до послѣдней крайности

а интендантство, несмотря на безчисленные запросы, все не высылаетъ требуемаго. Краснорѣчивый маіоръ привелъ, между прочимъ, и тотъ аргументъ, что солдаты его баталіона получатъ эти рубахи не даромъ, ибо они заготовили для Краснаго Креста сѣно и уголь. Какъ бы то ни было, но размѣръ просимаго превышалъ рессурсы моего транспорта и я въ состояніи былъ удѣлить только десятую часть, обѣщая, впрочемъ, похлопотать и объ остальномъ.

Работы по вырубкѣ лѣса для телеграфа, несмотря на всю свою тяжесть, повидимому, мало утомляли солдатъ. Внѣшній видъ у всѣхъ былъ здоровый и оживленный: работа, хотя и трудная, все-же служила имъ развлеченіемъ.

Больныхъ изъ баталіона находилось немного: нѣсколько человѣкъ въ перемежающейся лихорадкѣ, да два или три случая нечаяннаго пораненія во время производства работъ. Помѣщались они на носилкахъ въ просторномъ наметѣ, составлявшемъ медицинскій околодокъ, которымъ завѣдывали два фельдшера.

Скучающее отъ бездѣйствія офицерство, въ томительномъ ожиданіи начала военныхъ дѣйствій, несказанно обрадовалось привезеннымъ мною старымъ газетамъ, которыя быстро разошлись по рукамъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ, отъ скуки, занимались изысканіемъ Терсъ-окановскихъ горъ. Множество окаменѣлостей воднаго и земноводнаго царствъ, встрѣчавшихся на нихъ вмѣстѣ съ кусками лавы и отпечатками на поверхности ея створокъ раковинъ, представляли въ геологическомъ отношеніи весьма интересный и богатый матеріалъ для изученія.

Терсъ - окановскій постъ расположенный въ лощинѣ, представлялъ возможность для неожиданныхъ нападеній тэкинскихъ шаекъ изъ-за горъ. Въ предупрежденіе этого, начальникомъ отряда были вызваны изъ баталіона охот-

ники. На обязанности ихъ лежала постоянная развѣдка окрестностей. Въ виду облегченія дѣла, охотники были раздѣлены на нѣсколько маленькихъ группъ, чередовавшихся между собою. Рыская по всѣмъ уголкамъ Терсъ-окана, охотникамъ приходилось нерѣдко встрѣчать тэкинцевъ, но всегда на почтительномъ разстояніи. Обѣ стороны, ограничиваясь обыкновенно нѣсколькими выстрѣлами, уходили во-свояси. На-дняхъ, однако, произошла и болѣе интимная встрѣча. Случилось это въ сумерки.—Усталая группа охотниковъ, исходивъ въ этотъ день нѣсколько десятковъ верстъ и не увидавъ ни одной тэкинской физіономіи, медленно возвращалась по среднему склону горы въ лагерь на ночлегъ. Параллельно ей, по хребту горы двигалась другая небольшая партія, которая стала спускаться къ первой. Но лишь только обѣ партіи поровнялись, какъ въ ту-же минуту стремительно отскочили другъ отъ друга. Оказалось, что охотники приняли за своихъ тэкинскую шайку. Послѣдняя, вѣроятно, была введена въ заблужденіе татарскимъ языкомъ, на которомъ разговаривали между собою нѣкоторые изъ охотниковъ, такъ какъ многіе солдаты въ Ширванскомъ полку были изъ татаръ, да къ тому же и туркменскій костюмъ нѣсколькихъ, въ который они нарочно переодѣлись, еще болѣе вводилъ въ заблужденіе. Когда минута смущенія прошла и охотники, вспомнивъ о ружьяхъ, бросились на тэкинцевъ—послѣдніе были на горѣ и, давъ нѣсколько выстрѣловъ, скрылись по другую сторону хребта. Пустились за ними въ догонку и, кажется, одного или двухъ настигли и прикололи. Эпизодъ этотъ, развеселившій очень ширванцевъ, варьировался впослѣдствіи на множество ладовъ.

Переднева въ Терсъ-оканѣ и запасшись водой, такъ какъ намъ снова приходилось ѣхать болѣе 50 верстъ без-

водной дорогой, въ сторонѣ отъ Сумбара, мы 27-го числа отправились далѣе въ Ходжамъ-кала.

—

ГЛАВА VII.

Перевалъ къ посту Ходжамъ-кала весьма затруднительный для колеснаго транспорта. Ухабистая, изрытая арыками дорога, тянется почти на всемъ протяженіи пути, лишь изрѣдка смѣняясь ровной дорогой. Ко всѣмъ этимъ неудобствамъ присоединяется еще отсутствіе сносной воды, такъ какъ соленая вода колодцевъ на стоянкѣ, называемой Маргисъ, насыщена въ добавокъ сѣро-водородомъ.

Верстъ за 6 до Хаджамъ-кала, безплодная мѣстность начинаетъ оживляться; кое-гдѣ появляются кустарники и низкоствольныя деревца; въ воздухѣ ощущается нѣкоторая свѣжесть — признакъ близкаго присутствія воды; наконецъ, передъ глазами выступаетъ ярко-зеленой полосой узкая долина съ серебрящимся на ней ручейкомъ. Долина эта, прорѣзывая поперечно степь, тянется далеко на сѣверъ, переходя въ ущелье между Копепетдагскимъ и Кюриндагскимъ хребтами, называемымъ Кизилъ-Арватскимъ. Ущельемъ этимъ образуется проходъ, соединяющій солончаковую пустыню сѣвера съ пустыней юга, а вмѣстѣ съ ними и обѣ наши коммуникаціонныя линіи.

По другую сторону долины, на невысокомъ косогорьи, построено Ходжамъ—калинское постовое укрѣпленіе, вооруженное четырьмя орудіями и картечницей. Несмотря на свое сравнительно возвышенное положеніе, укрѣпленіе Ходжамъ-кала находится въ весьма невыгодныхъ условіяхъ, благодаря сосѣдству съ мѣстностью, рѣзко пересѣченной по всѣмъ направленіямъ и покрытой густымъ кустарникомъ,

что̀ даетъ возможность тэкинскимъ шайкамъ незамѣтно подбираться къ посту или укрываться близъ него. Такого рода положеніе ставитъ въ необходимость держать возлѣ поста секреты и аванпосты, весьма обременительные для незначительнаго гарнизона, выдержавшаго уже не одно непріятельское нападеніе. Небольшой лазаретъ въ 25 мѣстъ наполненъ больными, преимущественно дизентеріей и кишечнымъ катарромъ. Между ними было и нѣсколько раненыхъ.

Въ Ходжамъ-кала заканчивалось телеграфное сообщеніе *) и передача депешъ на передовой пунктъ, также и обратно, производилась посредствомъ геліографа, возможное только въ ясную погоду. Аппаратъ этотъ весьма простъ. Два небольшихъ круглыхъ, слегка вогнутыхъ зеркала, поставленныхъ подъ угломъ другъ къ другу, концентрируютъ солнечные лучи въ свѣтовой фокусъ, видимый на разстояніи 25—30 верстъ. Короткія или длинныя колебанія зеркала, производимыя нажиманіемъ пальца, соотвѣтствующія телеграфнымъ знакамъ «точки и тире», даютъ издали такое же дрожаніе свѣтоваго фокуса, наблюдаемое въ бинокль и записываемое на бумагу. Такимъ образомъ составляется депеша.

Мѣста для постановки геліографныхъ станцій требуются, конечно, самыя высокія. Легкость переноски аппарата дѣлаетъ его крайне удобнымъ и практическимъ во время производства военныхъ операцій, но, къ сожалѣнію, непостояннымъ.

Съ Ходжамъ-кала до передоваго пункта оставался еще промежуточный постъ Бендесены въ 23 верст., съ котораго начинался горный перевалъ къ оазису.

---

*) Въ концѣ октября телеграфъ былъ доведенъ до Бами.

По мѣрѣ приближенія къ Бендесенамъ, все яснѣе и яснѣе очерчивался грандіозный Копепетдагскій хребетъ, остроконечныя вершины котораго кое-гдѣ были подернуты туманомъ. Невдалекѣ, у подножья хребта, на зеленомъ лугу, мѣстами залитомъ водой горнаго ручья, выдѣляется нѣсколько холмовъ и на нихъ сторожевые шалаши.

На холмѣ, примыкавшемъ къ самому подъему, расположены кибитки и виднѣются орудія.

Поверхность вершины его такъ мала, что едва-ли вмѣститъ на себѣ и полуроту. Внизу, у подошвы его встрѣтъ множество желтыхъ шалашей изъ камыша. Въ нихъ живутъ казаки и, кромѣ того, имѣетъ пріютъ команда охотниковъ. Близъ холма огорожено мѣсто, откуда несется по временамъ отчаянное блеяніе — тамъ устроена лечебница для верблюдовъ. Съ лѣвой стороны дороги къ укрѣпленію и шаговъ на 200 недоходя до него, выступаетъ широкій холмъ, со сторожевымъ постомъ на вершинѣ.

По склону этого холма тянутся нѣсколько грядъ большихъ камепьевъ; за этими камнями были убиты: докторъ Студицкій съ двумя казаками, защищаясь, въ числѣ 13 человѣкъ отъ многочисленной шайки текинцевъ. О драматической смерти молодаго врача было въ то время заявлено офиціальной газетой. Краткость сообщенія послужила поводомъ къ разнымъ толкованіямъ и комментаріямъ, какъ мотивовъ происшедшаго случая, такъ и самаго факта.

Постараюсь въ немногихъ словахъ возстановить грустный эпизодъ такъ, какъ онъ произошелъ въ дѣйствительности, 21 іюня. — Дня за три до описываемаго случая, изъ Бами въ почтовое отдѣленіе Хаджамъ-кала былъ посланъ курьеромъ съ бумагами и шифрованными депешами казакъ 5-й Полтавской сотни Каломіецъ, вмѣстѣ съ двумя джигитами. Послѣдніе, прискакавши, спустя нѣсколько ча-

совъ, въ Ходжамъ-кала, заявили начальнику поста, что на нихъ напали тэкинцы, которые убили казака, имѣвшаго при себѣ почтовую сумку; джигитамъ же удалось спастись бѣгствомъ. При полученіи этого извѣстія, тотчасъ была наряжена погоня.

На перевалѣ дѣйствительно нашли обнаженный трупъ казака, но сумки и другихъ вещей при немъ не было. О слѣдахъ пребыванія непріятеля въ этомъ мѣстѣ можно было догадаться по золѣ потухшаго костра и коркамъ недоѣденнаго чурека.

Убитаго казака перевезли въ Бендесены*) и похоронили близъ выше описаннаго холма.

Неточность показанія джигитовъ и нѣкоторая подозрительность, внушаемая ими, вызвали желаніе со стороны генерала Скобелева выяснить, насколько возможно, обстоятельства смерти казака и родъ пули, которой онъ былъ убитъ.

Съ этою цѣлью, два дня спустя послѣ происшествія, докторъ Студитскій выѣхалъ изъ Бами въ Бендесены въ сопровожденіи 12 казаковъ. Кромѣ этого конвоя, Студитскаго должна была сопровождать 10-я рота Самурскаго полка, возвращавшаяся въ Ходжамъ-кала. Торопясь прибыть скорѣе на мѣсто, докторъ Студитскій уѣхалъ съ казаками двумя часами ранѣе выступленія пѣхотнаго конвоя.

По прибытіи въ Бендесены, Студитскій отдѣлившись, съ двумя казаками, отправился на могилу убитаго, для вырытія его трупа. Оставшіеся люди спѣшились и принялись поить лошадей. Въ этотъ моментъ изъ-за холма показалось нѣсколько тэкинскихъ всадниковъ. Завидѣвъ

*) Поста тамъ въ это время не было.

ихъ, Студитскій крикнулъ: «За мной! поймаемъ ихъ живьемъ!» поскакалъ на встрѣчу къ нимъ, но сейчасъ-же вернулся обратно...

Болѣе 200 человѣкъ конныхъ тэкинцевъ съ пронзительнымъ гикомъ высыпалось на холмъ и въ долину.

Въ первую минуту Студитскій съ казаками помчался къ полуразрушенной башнѣ, находившейся въ одной верстѣ отъ холма. Но было уже поздно. Часть тэкинцевъ перерѣзывала имъ дорогу. Оставалось одно средство — занять скорѣе ближайшую позицію: это были вышеупомянутыя гряды камней. Въ одинъ моментъ, казаки, бросившись съ лошадей, засѣли за камни и, давъ подъѣхать ближе непріятелю, сдѣлали по немъ дружный залпъ, свалившій нѣсколько тэкинцевъ. Тогда непріятель спѣшился и занялъ ближайшія возвышенности, съ которыхъ началъ обстрѣливать горсть осажденныхъ перекрестнымъ огнемъ. Одинъ изъ казаковъ былъ раненъ, другой убитъ. Въ это время тэкинцы стремительно бросаются въ аттаку; ихъ снова встрѣчаютъ дружнымъ залпомъ и двухъ, полѣзшихъ на камни, зарубаютъ шашками... Выстрѣлы неожиданно раздаются уже изъ-за гребня холма, гдѣ была позиція защищавшихся: непріятель обошелъ ее въ тылъ. Положеніе осажденныхъ становилось до нельзя критическимъ. Не теряя мужества, Студитскій раздѣлилъ казаковъ на двѣ части — одни защищали тылъ, другіе фронтъ аттаки; самъ-же онъ быстрымъ скачкомъ думалъ перейти ко второму гребню — ближе къ вершинѣ холма, но не успѣлъ сдѣлать и шагу, какъ свалился смертельно раненный пулею въ сердце, успѣвъ проговорить: «Прощайте, братцы! поклонъ женѣ»...

Оставшись безъ руководителя, казаки не унываютъ и, сберегая патроны, стрѣляютъ только на вѣрнякъ. Изъ

13 человѣкъ у нихъ уже трое убитыхъ и пять раненыхъ; послѣдніе, истекая кровью, продолжаютъ стрѣлять. Одинъ изъ уцѣлѣвшихъ, вольно-опредѣляющійся, съ нѣмецкой фамиліей, совѣтуетъ «сдаться». Его пригрозили убить. Позорное предложеніе болѣе не повторялось.

Было уже четыре часа по полудни. Восемь часовъ горсть храбрецовъ, рѣшивъ умереть до послѣдняго, держится противъ многочисленнаго врага. Фатальная развязка близка. Вдругъ непріятель сталъ быстро оставлять свои позиціи и, сѣвъ на коней, поскакалъ по направленію къ Бами, на перевалъ. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда раздается батальный залпъ. За первымъ слѣдуетъ перекатною дробью второй. Это подошла 10-я Самурская рота, выступившая изъ Бами двумя часами позже отъѣзда Студитскаго. Непріятель ограничившись нѣсколькими выстрѣлами по нашей пѣхотѣ, ускакалъ въ горы. Герои были спасены.

Тѣло Студитскаго вмѣстѣ съ двумя казаками похоронено въ Ходжамъ-кала. Надъ общей могилой ихъ стоитъ деревянный крестъ съ надписью: «Павшіе геройской смертью въ Бендесенахъ д-ръ Студитскій и казаки: Иванъ Кучаръ и Лазарь Мосенко». Уцѣлѣвшіе казаки получили по 2 Георгіевскихъ креста.

По прибытіи въ Бендесены, мнѣ пришлось таки значительно опустошить свой вещевой транспортъ, въ виду настоятельной просьбы начальника поста, войсковаго старшины Верещагина*)—оказать помощь командѣ охотниковъ, которая, благодаря своимъ частымъ странствованіямъ по горамъ, износилась до послѣдней нитки и ходила въ лохмотьяхъ.

---

*) Брата художника.

Команда эта организована была для развѣдочной службы, вскорѣ послѣ занятія генераломъ Скобелевымъ Бамійской крѣпости.

Составъ ея отличался большимъ разнообразіемъ элементовъ. Тутъ были: апшеронцы, дагестанцы, ширвашцы, самурцы и т. д., всего до 120 человѣкъ. Поступая въ команду по доброй волѣ, люди эти отличались выносливостью, настойчивостью и беззавѣтной удалью, — имѣя въ перспективѣ: Георгіевскій или деревянный кресты.

Рыская постоянно въ горахъ и ущельяхъ на 80-ти верстномъ радіусѣ окружности для выслѣживанія текинскихъ шаекъ, немудрено, что охотники износились до крайности, тѣмъ болѣе, что пополненіе вещами изъ частей, которыя они оставили, было весьма затруднительно. Да и самимъ частямъ не всегда удавалось выцарапывать слѣдуемое отъ интендантства.

Внѣшнимъ видомъ своимъ команда походила на толпу вооруженныхъ оборвышей, готовыхъ идти въ огонь и воду. Коротенькіе полушубки съ тысячами заплатъ, у другихъ вывороченные шерстью вверхъ, или туркменскій балахонъ съ латками изъ солдатскаго сукна, все это одѣтое часто прямо на голое тѣло, безъ грязной тряпки, напоминавшей слѣды рубахи. На головѣ дырявая шапка или просто сшитый мѣшкомъ кусокъ бараньей шкуры. Вмѣсто сапогъ лапти, а то и однѣ тряпицы. Вотъ и весь костюмъ стражи бендесенскаго перевала. При командѣ охотниковъ находился военный врачъ Малышевскій, помогавшій имъ гдѣ только было нужно и одинаково съ ними терпѣвшій невзгоды походной жизни. Впослѣдствіи Малышевскій былъ прикомандированъ къ штабу генерала Скобелева *).

*) Докторъ Малышевскій былъ тяжело раненъ съ раздробленіемъ плеча во время рекогносцировки 12-го декабря.

Переночевавъ въ Бендесенахъ, мы на слѣдующій день, съ восходомъ солнца, двинулись на перевалъ черезъ Копетдагъ.

Подъемъ со стороны поста не представлялъ особеннаго затрудненія: крутые волнообразные всходы лишь изрѣдка прорѣзывали общую плоскость наклона, тянувшуюся верстъ на восемь вверхъ и переходившую въ гладкую площадку на вершинѣ хребта, откуда сразу начинался крутой зигзагообразный спускъ съ отвѣснымъ обрывомъ по краю узкой дороги, входившимъ въ глубокое ущелье. Это мѣсто перевала было самое трудное и опасное для колеснаго транспорта. Малѣйшая неосторожность—и все полетѣло бы въ обрывъ. Въ широкую прогалину ущелья, между высокими громоздившимися скалами, открывались вдали необозримые пески таинственной пустыни, никѣмъ не изслѣдованной и Богъ вѣсть гдѣ оканчивавшейся. Это песчаное море—туркменскія кочевья, лежатъ по ту сторону оазиса Ахала, узкая полоса котораго, прилегая къ подошвѣ Копетдага, скрывается отъ глазъ отрогами хребта.

Изрытая арыками и каменьями дорога въ ущелье идетъ, все понижаясь до горнаго ручья, съ которымъ уже вмѣстѣ тянется кривыми, пересѣченными заворотами до болѣе ровнаго предгорья, сливавшимися непосредственно съ оазисомъ.

Вечерѣло. Причудливыя тѣни горъ все быстрѣе и быстрѣе сгущали сумерки. Стало совсѣмъ темно. Впереди заискрились огни костровъ и началъ доноситься шумный говоръ. Гдѣ-то раздался окликъ часоваго. Мы подъѣзжали къ передовому пункту Бами, составлявшему преддверье оазиса.

ГЛАВА VIII.

Бами занято было генераломъ Скобелевымъ, какъ уже упомянуто выше, въ маѣ мѣсяцѣ. Тэкинцы оставили свою крѣпость безъ боя и удалились въ Геокъ-тэпе, отстоявшее отъ Бами на 112 верстъ.

Завладѣвъ первымъ опорнымъ пунктомъ Ахалъ-тэкинскаго оазиса, генералъ Скобелевъ отдалъ распоряженіе: привести его въ строго оборонительное положеніе, имѣя въ виду образовать здѣсь промежуточную базу, для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій на югѣ. Вмѣстѣ съ постройкой укрѣпленія, сюда стали свозить запасы отряднаго довольства, доставка которыхъ вначалѣ происходила весьма медленно, благодаря ограниченности перевозочныхъ средствъ.

Уборка хлѣбныхъ посѣвовъ тэкинцевъ, находившихся въ окрестностяхъ Бами, была возложена на части войскъ, которыхъ снабдили для этой цѣли серпами и косами. Работы производились подъ прикрытіемъ конвоя *).

Кромѣ сооруженія укрѣпленія и уборки хлѣба, дѣятельность передоваго отряда въ первое время поглощалась частыми ученіями, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самаго генерала. Внезапныя ночныя тревоги или сборы въ походъ, дѣлаемые имъ неожиданно, пріучили солдатъ ориентироваться при всякихъ случайностяхъ.

Одновременно съ устройствомъ передоваго пункта, начата была организація второй коммуникаціонной линіи — михайловской (красноводской), порученная генералъ-маіору Петрусевичу.

Въ инструкціи, данной по этому поводу генераломъ Ско-

*) Всего пшеницы собрано 2877 пуд. 9775.

белевымъ своему помощнику, заключалось, между прочимъ, слѣдующее:

«Возлагаю на Ваше Превосходительство изслѣдовать пути отъ Михайловскаго залива до Кизилъ-Арвата *) и устройство этой линіи. Вашему Превосходительству разрѣшается вызвать одинъ мобилизованный баталіонъ для слѣдующихъ цѣлей:

«1) Приступить къ организаціи коммуникаціонной линіи Михайловское-Бами съ окончательнымъ выборомъ и отчасти занятіемъ необходимыхъ опорныхъ пунктовъ.

«2) Имѣть возможность въ крайности поддержать передовой отрядъ въ Бами и Ходжамъ-кала. Отъ этихъ цѣлей зависятъ тѣ мѣры въ порядкѣ постепенности, которыя будутъ приниматься Вашимъ Превосходительствомъ, сообразно съ обстановкою и средствами. Обѣ эти, хотя и важныя цѣли, подчиняются соображенію для насъ первостепенному, на которомъ основанъ успѣхъ всей Ахалъ-Тэкинской экспедиціи — не заводить въ глубь края войска, не сосредоточивъ въ преддверіи оазиза на всѣ дѣйствующія войска отряда вторженія пропорціи довольствія, обезпечивающаго безпрепятственность перехода къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Пропорція эта должна быть шестимѣсячная, какъ минимумъ.

«Въ настоящее время выяснилось, что при выгодахъ двухъ коммуникаціонныхъ линій, таковыми пунктами для всей экспедиціи являются Ходжамъ-кала и Бами.

«Всѣ прибывающіе по линіи Красноводскъ-Михайловской верблюжьи, вьючные, конскіе и аробочные транспорты и Дековилевскую конно-желѣзную дорогу также поручаю усиленной заботливости Вашего Превосходительства. Прошу имѣть въ виду, что двигать впередъ хотя бы одинъ пудъ,

*) Въ 53 верстахъ отъ Бами.

есть выигрышъ для общаго дѣла; слѣдовательно, чѣмъ скорѣе будутъ двинуты верблюжьи транспорты въ Бами, тѣмъ лучше.

«Прошу Ваше Превосходительство имѣть въ виду, что я нахожусь въ положеніи торговца, кредитующаго на биржѣ превыше своихъ средствъ, на основаніи ожидаемаго издалека, черезъ океанъ, цѣннаго груза, имѣющаго прибыть въ срокъ. Для передоваго отряда таковымъ является первое августа, слѣдовательно, къ этому сроку должна прибыть хоть часть верблюдовъ.

«Если бы, по прибытіи въ Красноводскъ, Ваше Превосходительство убѣдились въ невозможности поддержать отрядъ въ Бами довольствіемъ и вообще организація подвозовъ встрѣтила бы значительныя трудности, то прошу меня предупредить возможно скорѣе, такъ какъ мнѣ нужно время, чтобы выслать необходимое, хотя частью изъ средствъ нынѣшней коммуникаціонной линіи. Обращаю вниманіе на своевременное принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ, для обезпеченія слѣдованія верблюдовъ мангишлакскихъ, оренбургскихъ, громовскихъ и т. д.»

Получивъ эту инструкцію, генералъ Петрусевичъ занялся немедленно выполненіемъ ея.

Къ началу іюля мѣсяца бамійское укрѣпленіе во многихъ частяхъ своихъ было уже готово, покончена была также и уборка хлѣба.

Въ это время генералъ Скобелевъ получилъ извѣстіе о намѣреніи текинцевъ, подъ предводительствомъ Махмутъ-Кули-Хана, идти на Нухуръ, близъ Бендесенъ, чтобы заставить преданныхъ намъ нухурцевъ бросить свою землю и переселиться въ Геокъ-Тэпе.

Въ виду этого и съ цѣлью: 1) выяснить дѣйствительныя силы и намѣренія текинцевъ по пути изъ Бами въ

Геокъ-Тэпе; 2) поддержать нухурцевъ и черезъ нихъ войти въ торговыя сношенія съ Персіей; 3) уничтожить по дорогѣ запасы непріятеля, которыми мы не въ силахъ воспользоваться, чтобы ослабить его; 4) заставить тэкинцевъ съ семействами и стадами еще болѣе сгруппироваться въ Геокъ-Тэпе, чѣмъ увеличить бѣдствіе противника, ибо уничтоживъ кормъ, стадамъ ихъ угрожала бы гибель; 5) взять въ руки инициативу и доказать непріятелю и, въ-то же время, своимъ войскамъ наше превосходство, не взирая на малочисленность, и 6) если окажется возможнымъ, выяснить подступы къ Геокъ-Тэпе. На основаніи всего этого, генералъ Скобелевъ предпринялъ движеніе впередъ, какъ для рекогносцировки Геокъ-Тэпе, такъ и пути слѣдованія къ нему.

Рекогносцировочный отрядъ состоялъ изъ *) 3¼ роты, 10-ти орудій, 3-хъ сотенъ казаковъ, ракетной батареи и хора музыки Дагестанскаго полка, всего—350 штыковъ, 311 сабель и 10 орудій.

Довольствія бралось на 12 дней.

Движеніе съ такимъ малочисленнымъ отрядомъ къ центру средоточія непріятельскихъ силъ было рискованно и слишкомъ смѣло; но въ послѣднемъ заключался также и залогъ успѣха.

Генералъ Скобелевъ глубоко вѣрилъ въ свое знаніе Азіи, и боевое чутье рѣдко обманывало его.

---

*) 1) Взводъ 3-й роты 2-го Кавказскаго баталіона, 2) 3-й и 4-й роты Самурскаго полка, 3) сводной роты Красноводскаго мѣстнаго баталіона, 4) 1-й и 2-й сотни Полтавскаго казачьяго полка, 5) 6-й сотни Таманскаго полка, 6) ракетной батареи, 7) полубатареи 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады и 8) 4 морскихъ картечницъ. Обозъ состоялъ изъ 13-ти войсковыхъ фургоновъ и 2-хъ одноколокъ Краснаго Креста. Патроновъ на человѣка въ пѣхотѣ—120, въ кавалеріи—80. Снарядовъ на дальнобойную батарею 300, на горную — 54 и 80 боевыхъ ракетъ.

«Непріятель храбръ и искусенъ въ одиночномъ бою,— говорилъ онъ — но дѣйствуетъ въ разсыпную или отдѣльными кучами, мало послушными волѣ предводителя, а потому неспособенъ, несмотря на свою подавляющую многочисленность, къ единству дѣйствій и маневрированію массами. Будемъ бить противника тѣмъ, чего у него нѣтъ; будемъ бить его сомкнутымъ, послушнымъ, гибкимъ боевымъ порядкомъ, дружными, мѣткими залпами и штыкомъ, всегда страшнымъ въ рукахъ людей, сбитыхъ дисциплиной, чувствомъ долга и круговой порукой въ одно могучее тѣло — колонну».

Въ этотъ боевой символъ крѣпко вѣрилъ офицеръ и солдатъ его войска.

Отрядъ выступилъ изъ Бами 1-го іюля, вечеромъ, и 5-го числа, утромъ, сдѣлавъ переходъ около 100 верстъ, подходилъ къ непріятельскому укрѣпленію Егинъ-батырь-калы, въ 14-ти верстахъ отъ Геокъ-Тэпе.

Во время движенія отряда, шайки тэкинцевъ, хотя и безпокоили его, но это не мѣшало топографу Сафонову произвести тщательную съемку всего пути слѣдованія. Непріятель оставилъ Ягинъ-батырь-калы еще до прибытія туда нашего отряда.

Овладѣвъ непріятельскимъ укрѣпленіемъ, которое должно было служить опорнымъ пунктомъ рекогносцировки слѣдующаго дня, а также и ночнымъ бивуакомъ для отряда, генералъ Скобелевъ приказалъ привести его, какъ можно скорѣе, въ оборонительное положеніе. Солдаты дружно принялись за дѣло и, въ короткое время, продѣлали въ стѣнахъ бойницы и амбразуры для орудій и устроили эспланаду, для чего пришлось пожертвовать частью краснваго сада, насажеинаго въ кишлакѣ. Обозъ помѣщенъ былъ во

внутренней цитадели *), имѣвшей форму квадратнаго домика безъ крыши, но съ высокими глиняными стѣнами. На случай ночной аттаки со стороны непріятеля, разложили костры кругомъ лагеря и поставили секреты.

Съ наступленіемъ вечера, генералъ Скобелевъ, собравъ около себя офицеровъ и начальниковъ частей, въ коротких словахъ напомнилъ задачи каждаго изъ нихъ въ предстоящей рекогносцировкѣ слѣдующаго дня и въ случаѣ ночнаго нападенія тэкинцевъ на бивуакъ...

...«Убѣжденіе въ большое боевое сердце ваше даетъ мнѣ право увѣренно рѣшиться рекогносцировать Геокъ-Тэпе»,—говорилъ онъ. Генералъ, между прочимъ, обращалъ ихъ особенное вниманіе тщательно слѣдить за выдающимися группами непріятеля, ибо успѣхъ, по мнѣнію его, рѣшается не массою присутствующихъ людей въ полѣ, а успѣшнымъ движеніемъ впередъ отдѣленныхъ группъ молодцовъ,—почему нужно быть крайне внимательнымъ къ появленію такихъ группъ, сосредоточивая противъ нихъ всю силу своего огня, въ противномъ случаѣ, группы эти, оставленныя безъ большихъ потерь, ростутъ необыкновенно быстро и рѣшаютъ побѣду.

Примѣняясь къ данному случаю, генералъ Скобелевъ высказалъ: «Имѣя дѣло съ фанатизированною неорганизованной толпой, совѣтую гг. начальникамъ всѣхъ частей еще зорче слѣдить за появленіемъ подобныхъ передовыхъ группъ, ибо несомнѣнно, что, съ уничтоженіемъ ихъ, будетъ въ корнѣ уничтожена вся сила иниціативы оставшейся массы,—вотъ почему нельзя достаточно рекомендовать держать въ рукахъ огонь, и чтобы великое слово это не осталось на бумагѣ, а перешло бы на практикѣ въ дѣло, необходимо,

*) По-туркменски «урда».

чтобы начальникъ части передъ боемъ еще сердцемъ обвѣнчался бы съ сердцемъ части, и чтобы часть эта являлась у него въ рукахъ, въ критическій моментъ боя, выраженіемъ наибольшаго усилія воли духа ввѣренныхъ ему людей».

Ночь съ 5-го на 6-е прошла, однако, благополучно. За часъ до восхода солнца, отрядъ тихо выступилъ изъ укрѣпленія и, построившись въ боевой порядокъ, двинулся вдоль горъ на рекогносцировку кишлака Янги-кала, отстоявшаго версты на три отъ Геокъ-Тэпе.

Обозъ былъ оставленъ въ укрѣпленіи подъ прикрытіемъ полуроты и одной картечницы, ввѣренныхъ начальству войсковаго старшины Верещагина.

Замѣтивъ движеніе нашего отряда, тэкинцы въ Геокъ-Тэпе извѣстили объ опасности окрестные кишлаки пушечнымъ выстрѣломъ. Скоро вся равнина, на которой расположена обширная непріятельская крѣпость съ прилегавшими укрѣпленіями, покрылась группами наѣздниковъ, которые, стянувшись полукругомъ, стали тѣснить отрядъ къ горамъ, открывъ по немъ густой ружейный огонь. Съ обѣихъ сторонъ завязалась упорная перестрѣлка, приправленная нашею шрапнелью. Послѣдняя заставила тэкинцевъ кинуться въ разсыпную.

Версты три не доходя до Янги-калы, отрядъ неожиданно наткнулся на засаду въ нѣсколько сотъ человѣкъ непріятельской кавалеріи, стремительно бросившейся на него изъ-за бугровъ, аттакуя фронтъ, но будучи встрѣчены дружными залпами, наѣздники немного смѣшались. Въ этотъ моментъ приказано было пустить въ ходъ ракетную батарею.

Быстро поставили станокъ, вложили ракету — первыя двѣ разорвались въ станкѣ, третья, хотя и вылетѣла, но упала тутъ-же близъ офицера, командовавшаго этой бата-

реей, который рефлективно отскочилъ отъ шипѣвшей ракетной гранаты, но знакомый звучный голосъ, раздавшійся надъ нимъ:

«Поручикъ, надо умѣть умирать!» заставилъ его сейчасъ-же оправиться.

У шипѣвшаго снаряда очутился генералъ Скобелевъ; ракету разорвало, слегка поранивъ лошадь его. Изумленные присутствующіе невольно двинулись къ нему ближе. Одинъ только казакъ-наводчикъ казался безучастнымъ въ происходившемъ, продолжая спокойно накладывать ракету за ракетой, не обращая вниманія на ихъ разрывы, пока не напалъ на удачныя, которыя, съ рѣзкимъ шипѣніемъ влетѣвъ въ непріятельскую конницу, произвели страшный переполохъ между лошадьми, умчавшими своихъ всадниковъ въ разныя стороны. Угрюмое лицо наводчика озарилось тогда иронической улыбкой и онъ самодовольно проговорилъ:

«А що, не залюбивъ, сучій сыну?»

Наступленіе отряда длилось недолго; скоро приказано было остановиться, и артиллерія, выѣхавъ на позицію, открыла огонь. Топографъ и нѣкоторые изъ офицеровъ занялись набрасываніемъ кроки непріятельскаго укрѣпленія и прилегавшей мѣстности. Впереди всѣхъ, на бугрѣ, находился генералъ Скобелевъ, который тщательно осматривалъ крѣпость въ бинокль. Въ это время большая партія текинцевъ, выбѣжавъ изъ Янги-калы, засѣла въ ближайшій садъ, откуда стала сильно безпокоить отрядъ ружейнымъ огнемъ. Сейчасъ-же посланъ былъ взводъ Красноводскаго мѣстнаго баталіона, чтобы ихъ выбить оттуда. Очутившись въ сильномъ огнѣ, мало привычные къ бою солдаты нѣсколько смѣшались и залегли въ первый попавшійся арыкъ *), откуда и начали перестрѣлку. Но это дли-

*) По-туркменски канава или небольшой ровъ, промытый дождемъ.

лось только нѣсколько минутъ. Скобелевъ былъ уже между ними и тихимъ, церемоніальнымъ маршемъ, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, довелъ ихъ до назначеннаго мѣста. Нѣсколько мѣткихъ учащенныхъ залповъ, и тэкинцы были выбиты изъ сада.

Къ 2-мъ часамъ дня рекогносцировка была окончена. Войска, перемѣнивъ фронтъ, подъ звуки музыки и хора пѣсенниковъ направились обратно въ Егинъ-батырь-калы.

Наступилъ самый трудный моментъ для отряда.—Массы непріятеля и коннаго, и пѣшаго, тѣснили его со всѣхъ сторонъ, осыпая градомъ свинца, но, въ свою очередь, встрѣчаемыя картечью, пятились назадъ. Ружейные залпы раздавались непрерывно. Орудія то и дѣло снимались съ передковъ. Нѣкоторые изъ тэкинскихъ всадниковъ ворвались прямо въ нашу цѣпь, въ которой распоряжался адъютантъ Скобелева, Эрдели, забравшій къ себѣ также деньщиковъ и другую прислугу. Револьверъ не сходилъ у него съ рукъ. Приходилось браться и за шашку. Отрядъ, не взирая ни на что, стройно двигался подъ звуки марша къ опорному пункту. Веселый, слегка картавый голосъ Скобелева, по временамъ доносившійся въ части, электризовалъ всѣхъ... Невдалекѣ показалась Егинъ-батырь-калы. Ряды непріятеля стали уменьшаться. Нѣсколько партій тэкинцевъ, оставивъ своихъ, поскакали впередъ къ горамъ противъ занятаго нами укрѣпленія. По прибытіи въ Егинъ-батырь-калы, всѣ части отряда быстро заняли свои мѣста и стали приготовляться къ ночной оборонѣ.

Кругомъ лагеря заготовили большіе костры, которые въ то-же время могли служить условными знаками для опредѣленія дистанціи; орудія наведены въ измѣренные пункты. Обозъ поставленъ былъ въ болѣе удобное мѣсто, чтобы его безъ замедленія двинуть въ путь; назначены

секреты и, кромѣ того, строжайше приказано, въ случаѣ нападенія, тотчасъ засыпать всѣ огни внутри лагеря. Объ отдыхѣ никто не думалъ. Утренняя рекогносцировка давала полную возможность непріятелю узнать наши силы и можно было не сомнѣваться, что онъ воспользуется ночью для аттаки нашего бивуака.

Наступилъ вечеръ. Кругомъ лагеря не было замѣтно ни малѣйшаго движенія. Лишь вѣтеръ слегка шелестилъ листьями деревьевъ, да тихій говоръ солдатъ слабо нарушалъ наступившую тишину...

Ночная мгла, смѣнивъ вечернія сумерки, скоро задернула всю окрестность непроницаемой пеленой. Только красноватые отблески сигнальныхъ костровъ рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ ночи. Но и тѣ стали слабѣть, сливаясь съ полуночнымъ мракомъ...

Огни лагеря были уже давно погашены, кромѣ палатки генерала, освѣщенной стеариновой свѣчей. Скобелевъ не спалъ, но что-то чертилъ и дѣлалъ замѣтки. Не спали и люди.

Былъ уже второй часъ ночи. Вдругъ раздалось нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ и черезъ нѣсколько секундъ все пространство кругомъ лагеря покрылось сплошнымъ ружейнымъ трескомъ и бѣшенымъ крикомъ тысячи голосовъ. Текинцы аттаковали лагерь съ 3-хъ сторонъ. Отвѣтомъ на этотъ вызовъ служило гробовое молчаніе отряда....

«Не выказывать силы огня, пока непріятель своимъ упрямствомъ не вынудитъ!» Это приказаніе любимаго генерала твердо помнили офицеры и солдаты...

Выстрѣлы со стороны непріятеля дѣлаются рѣже; стихаетъ немного и гулъ, среди котораго раздаются отдѣльные громкіе голоса, выкрикивающіе кого-то по име-

намъ. Это начальники тэкинцевъ ободряютъ другъ друга къ наступленію....

Проходитъ нѣсколько времени томительнаго молчанія. Снова не человѣческій вой съ пронзительнымъ гикомъ, покрываемый грохотомъ ружей. Непріятель уже близъ ограды и съ ревомъ кидается на нее. Но въ этотъ разъ его встрѣчаютъ картечью и непрерывными залпами. «Цѣльсь ниже, горячиться нечего», слышится въ разныхъ мѣстахъ спокойный голосъ Скобелева, обходившаго въ эти минуты части отряда*).

Голоса тэкинцевъ удаляются. Ружейная дробь затихаетъ, но съ нашей стороны залпы переходятъ въ батальные... Все погружается въ тишину....

Третья непріятельская аттака также отбита...

Востокъ уже бѣлѣетъ...

На горизонтѣ блеснули красныя полосы... Изъ лагеря прогудѣлъ заревой выстрѣлъ съ прощальной гранатой къ Геокъ-Тэпе. Солдаты громко читаютъ молитвы подъ торжественные звуки національнаго гимна. Всѣ части въ сборѣ. Хоръ музыки, окончивъ гимнъ, играетъ маршъ добровольцевъ и отрядъ выступаетъ изъ укрѣпленія. Построившись затѣмъ въ боевой порядокъ, отрядъ направляется къ пескамъ, для обратнаго слѣдованія новою дорогою въ передовой пунктъ.

Во все это время толпы тэкинцевъ, расположившіяся у подошвы горъ, неподвижно наблюдаютъ страшную для нихъ картину, но, вѣроятно, опомнившись, кидаются съ гиканіемъ вслѣдъ отряду, пытаясь окружить его тѣснымъ кольцомъ. Минутами кажется, что массы непріятеля сот-

*) Вспоминая эту ночь, покойный Скобелевъ разсказывалъ, что было одно мгновенье, когда у него мелькнуло сомнѣніе въ вѣрѣ въ себя, но это было только мгновеніе.

рутъ эту небольшую горсть людей — до того она мала сравнительно съ противникомъ; но это только кажется. Отрядъ какъ бы окруженъ стальной броней. Ни перекрестный рой пуль, вырывающій кое-гдѣ по солдатику, ни бѣшеные натиски противника, не измѣняютъ боеваго построенія современной фаланги. Прекрасный мотивъ марша добровольцевъ, заглушая визгъ свинца, какъ бы пронизпрустъ надъ страхомъ смерти и тяжелый переходъ въ другую жизнь совершается незамѣтно.

Послѣ неудачныхъ одновременныхъ аттакъ на фланги и тылъ, непріятель мѣняетъ тактику и устремляется всею массою на правый флангъ. Отрядъ, перемѣнивъ фронтъ, встрѣчаетъ его картечью изъ 6-ти орудій и батальнымъ ружейнымъ огнемъ; тогда противникъ начинаетъ уже отступать. Былъ моментъ, когда паша кавалерійская цѣпь, тѣснимая текинцами, стала съуживаться. Въ это время впереди цѣпи, на походномъ креслѣ, очутился генералъ Скобелевъ, который спокойно осматривалъ въ бинокль движеніе непріятеля. Послѣ этого Скобелевъ не выѣзжалъ болѣе изъ цѣпи.

Съ наступленіемъ вечера преслѣдованіе текинцевъ почти прекратилось.

9-го числа отрядъ прибылъ обратно въ Бами, сдѣлавъ въ оба конца 230 верстъ. Всѣ посѣвы непріятеля по дорогѣ были уничтожены.

Потеря съ нашей стороны заключалась: въ 3-хъ убитыхъ, 8 раненыхъ и 8 контуженныхъ. Непріятель потерялъ до 400 чел. *), въ числѣ которыхъ было убито и нѣсколько именитыхъ людей: такъ, напр., Худеяръ, ханъ Бегерден-

*) Рекогносцировка эта, между прочимъ, служила у туркменъ основаніемъ легенды о Скобелевѣ, какъ о личности стихійнаго начала, имѣвшей сношеніе съ шайтаномъ. И только глубокая вѣра ихъ въ Аллаха давала надежду побороть врага.

скій, три сердаря изъ Мерва. Потеря послѣднихъ особенно поразила тэкинцевъ.

Результаты, добытые рекогносцировкой, давали возможность, болѣе или менѣе, оріентироваться при выработкѣ плана дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій.

Между солдатами и казаками передоваго отряда, знавшими прежде Скобелева лишь по наслышкѣ и видавшими его теперь въ бою, вѣра въ генерала сдѣлалась фаталистической.

«Кого не побѣдитъ Скобелевъ, того никто не побѣдитъ», говорили они, считая его заговореннымъ отъ пули.

Вскорѣ послѣ этой рекогносцировки генералъ Скобелевъ отправился въ объѣздъ коммуникаціонной линіи, назначивъ въ Бами командующимъ передовымъ отрядомъ начальника артиллеріи — полковника Вержбицкаго, начальникомъ-же штаба его — капитана Мельницкаго. Бамійскій постъ въ это время представлялъ изъ себя довольно сильное укрѣпленіе, вооруженное 25 орудіями и расположенное въ сторонѣ отъ полуразрушенной непріятельской крѣпости, на обширной площади, переходившей непосредственно въ предгорье Копетдагскаго хребта. Вода изъ горнаго ручья была проведена посредствомъ множества канавокъ во всѣ части войска, стоявшія въ укрѣпленіи, что̀ значительно оживляло бивуакъ. Кромѣ того, устроено два бассейна для купанья и баня.

Прибывъ въ Бами 1 октября, я нашелъ всѣхъ обывателей его въ напряженномъ ожиданіи начала военныхъ дѣйствій. Послѣднимъ предвидѣлось, однако, нѣкоторое замедленіе, благодаря различнымъ препятствіямъ въ организаціи транспортовъ съ довольствіемъ, еще не выступавшихъ изъ Красноводска. Тѣмъ не менѣе, сообщенное мною начальнику отряда, полковнику Вержбицкому, порученіе отъ

генерала Скобелева относительно движенія впередъ, весьма оживило стараго ветерана.

— Ну, если выступимъ и не 20-го октября, а въ первыхъ числахъ ноября, то и слава Богу, — отвѣтилъ онъ мнѣ.

Полковнику было уже лѣтъ за 60. Весь въ сѣдинахъ и морщинахъ, съ очень добрымъ и симпатичнымъ лицомъ, онъ любилъ, однако, постоянно ворчать. Въ отрядѣ его называли «дѣдомъ» и, не смотря на доброту, все-таки побаивались.

— Если бы не Скобелевъ, ушелъ бы на боковую; давно ужъ пора, старъ сталъ — похварываю, — говорилъ полковникъ какъ-то за вечернимъ чаемъ.

«Вотъ на старости лѣтъ навѣсили бѣленькій, указывалъ онъ на Георгіевскій крестъ въ петлицѣ*)! Да что-же прикажете дѣлать! Скобелевъ мнѣ въ сыновья, а то и во внуки годенъ, а я вотъ, старикъ, служу у него и буду служить хоть до самой смерти. Уменъ онъ, батюшка мой, большой умница, люблю такихъ».

Вся кропотливая дѣятельность по отряду лежала на молодомъ капитанѣ Мельницкомъ. Какъ начальникъ штаба передоваго отряда, Мельницкій дѣйствительно былъ правою рукою Вержбицкаго, или даже «двумя руками», въ чемъ признавался самъ полковникъ. Его очень любили и называли «кипятилкой», такъ какъ не было ни одной минуты, когда Мельницкій былъ спокоенъ и безъ работы. За что бы онъ только ни брался, все дѣлалъ съ лихорадочной поспѣшностью, что̀ не мѣшало ему быть, однако, точнымъ въ исполненіи и въ отдачѣ приказаній.

*) Полковникъ Вержбицкій получилъ Георгія за рекогносцировку 6 іюля, гдѣ онъ лично командовалъ артиллеріей. За штурмъ Геокъ-Тэпе онъ получилъ Георгія 3-ей степени и произведенъ въ генералъ-маіоры. Болѣе года тому назадъ онъ умеръ.

Жизнь на передовомъ пунктѣ замѣтно отличалась своимъ оживленіемъ отъ жизни на другихъ постахъ. Офицерство устроило здѣсь нѣчто въ родѣ клуба, помѣщавшагося въ большомъ дивизіонномъ намётѣ, гдѣ были разставлены вѣнскіе стулья и ломберные столы, доставленные на верблюдахъ изъ Красноводскаго клуба. На столахъ аккуратно разложены журналы и газеты, хотя и очень поздней получки. Раза два въ недѣлю клубъ освѣщался по вечерамъ стеариновыми свѣчами, играла полковая музыка, и собравшаяся публика услаждала себя общественнымъ чаемъ, картами, разсказами интересныхъ эпизодовъ и даже пѣніемъ любителей. Прекраснаго пола, конечно, не было: онъ существовалъ только въ грезахъ и воспоминаніяхъ. Утро посвящалось ученію солдатъ; нѣкоторые занимались охотой, но по близости, что бы не попасть въ тэкинскія лапы.

Обѣдали въ скадчину — кружками. Но болѣе многолюдный столъ имѣла артиллерія, гдѣ участвовалъ тоже и «дѣдъ».

Полевое казначейство столовалось съ контролемъ; послѣдній состоялъ изъ одного представителя—Тархова *), котораго можно было видѣть очень часто у продовольственныхъ бунтовъ, тщательно провѣрявшаго количество и вѣсъ кулей, а также усушки и утечки интендантской фабрикаціи и т. д.

День прихода почты былъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ. Ждалась она съ великимъ нетерпѣніемъ, и лишь только прибывала, какъ мгновенно разбиралась.

Ночь не рѣдко разнообразилась легкою перестрѣлкою

*) Въ послѣднее пребываніе генерала Скобелева въ Бами—передъ выступленіемъ впередъ, генералу была подана жалоба на Тархова за какія-то придирки во время провѣрки вѣса и т. д. Въ отвѣтъ на эту жалобу, генералъ Скобелевъ сдѣлалъ визитъ Тархову и благодарилъ за внимательное и честное отношеніе къ дѣлу.

съ подползавшими къ лагерю тэкинцами. Въ началѣ перестрѣлки вызывала тревогу, но потомъ ихъ стали игнорировать, а часовымъ и секретамъ строго приказано стрѣлять только въ крайности.

Былъ, впрочемъ, случай, когда голый тэкинецъ, вымазавшись саломъ, чтобы лучше вырваться, отнялъ ружье отъ часоваго; другой, неожиданно облапивъ караульнаго у склада, силился обезоружить его и полоснулъ даже шашкой по спинѣ, но солдатъ отплатилъ — прострѣливъ ему голову пистолетомъ, который онъ успѣлъ вытащить у тэкинца изъ-за пояса во время ратоборства.

Не смотря на хорошую ключевую воду и обильную, хотя однообразную пищу, между солдатами существовала болѣзненность. Страдали преимущественно цынгой и лихорадкой. Больныхъ помѣщали въ полугоспиталѣ, половина котораго находилась въ Дузъ-Олумѣ.

Скудныя средства его пополнялись изъ склада Кр. Кр. Прошло нѣсколько дней пребыванія моего въ Бами. Вержбицкій получилъ уже извѣстіе о выходѣ изъ Красноводска на Михайловскую линію двухъ большихъ продовольственныхъ транспортовъ, въ нѣсколько тысячъ верблюдовъ.

Извѣстіе это вызвало шумное оживленіе. Всякій чувствовалъ близость похода. Вопросъ оставался за Атрекской линіей, на которой транспортировка почему-то затягивалась. По поводу этого ходили слухи о крупномъ интендантскомъ воровствѣ, покрытомъ, будто-бы, самимъ генераломъ Скобелевымъ въ Чигишлярѣ, вслѣдствіи чего всѣ интендантскіе подрядчики и поставщики верблюдовъ со страху разбѣжались. Все это были только слухи, вѣрныхъ-же свѣдѣній никто не имѣлъ. Какъ-бы то ни было, но въ Чигишлярѣ, повидимому, произошло что-то неладное.

«Дѣдъ», при словѣ «интендантъ» приходилъ въ свирѣ-

пость. Да врядъ-ли кто другой могъ-бы равнодушно отнестись къ этой хищнической организаціи.

Приведя въ порядокъ и дополнивъ складъ вещей Краснаго Креста, я сталъ торопиться въ обратный путь, и 9 октября утромъ, въ сопровожденіи 30 человѣкъ казаковъ, отправился изъ Бами верхомъ въ объѣздъ сѣверной линіи, по направленію къ Михайловскому заливу.

ГЛАВА IX.

Михайловская коммуникаціонная линія имѣетъ протяженіе около 275 верстъ.

Направленіе ея отъ Бами слѣдуетъ въ началѣ: параллельно Копепетдагскому и Кюриндагскому хребтамъ, у ихъ подошвы; затѣмъ дорога переходитъ въ обширную солончаковую пустыню, сначала гладкую, ровную, какъ-бы выполированную, а затѣмъ волнистую, пересѣченную множествомъ бархановъ. Въ этомъ мѣстѣ, по обѣ стороны направленія ея, но въ значительномъ отдаленіи, тянутся Большіе и Малые Балханы.

Послѣдній участокъ линіи въ раіонѣ Михайловскаго залива, гдѣ пролегаетъ старое русло Аму-Дарьи (Узбой), лежитъ среди холмовъ и бугровъ глубокаго сыпучаго песка, которые, во время сильныхъ вѣтровъ и степныхъ урагановъ, мѣняютъ не только свои очертанія, но не рѣдко и все мѣстоположеніе. Этотъ участокъ пути, на разстояніи 25—30 верстъ, представляетъ неимовѣрныя трудности для перехода и переѣзда, благодаря песчаному грунту.

Отсутствіе воды по пути кромѣ двухъ мѣстъ, а также и растительности, за исключеніемъ сексаула, тыгыря и нѣкоторыхъ другихъ степныхъ травъ, составляетъ характер-

ную особенность этой части пустыни Закаспійскаго края, съ пролегающею въ ней Михайловской военной линіей, преимущество которой передъ Атрекской дорогой можетъ заключаться только въ болѣе ровномъ протяженіи, помимо, конечно, ея стратегическаго значенія, какъ второй коммуникаціонной линіи.

Доѣхать до перваго поста Кизилъ-Арватъ (въ 53 вер. отъ Бами) пришлось лишь къ разсвѣту слѣдующаго дня, вслѣдствіе долгаго розысканія въ половинѣ пути, водопоя нашимъ лошадямъ.

Искомый ручей этотъ находился въ сторонѣ отъ дороги—въ одномъ изъ горныхъ ущелій Копетдага. Когда, наконецъ, продолжительные поиски его увѣнчались успѣхомъ и казаки, спѣшившись, принялись поить лошадей, вдругъ, гдѣ-то, по близости, прогремѣлъ ружейный залпъ и вслѣдъ за нимъ изъ-за бугра, еще въ неразсѣявшемся пороховомъ дыму, показалась кучка людей. Кто-то крикнулъ: «Тэкинцы!»..

Бросивъ поводья коноводамъ, мы стали поспѣшно взбираться на вершину холма, у подножія котораго протекалъ ручей.

Тамъ представлялась самая удобная позиція для защиты.

Но не успѣли мы еще добраться къ намѣченному мѣсту, какъ веселый голосъ одного изъ казаковъ, крикнувшаго: «Вашеско-бл-діе, то се наши! Що ошы, бисовы сыны, палять!»—мигомъ вывелъ насъ изъ напряженнаго положенія и даже произвелъ нѣкоторое смущеніе. Дѣйствительно, въ кучкѣ людей, принятыхъ нами за тэкинцевъ, развѣвался значекъ 3-ей Таманской сотни, которая отправилась изъ Бами, нѣсколько дней тому назадъ, на фуражировку.

Послѣ взаимныхъ перекликаній и маханія папахами,

мы черезъ нѣсколько минутъ съѣхались вмѣстѣ съ миопическимъ врагомъ, чувствовавшимъ себя въ болѣе неловкомъ положеніи, нежели мы, благодаря сдѣланному имъ преждевременному залпу; но такъ какъ происшедшее недоразумѣніе не имѣло плохихъ результатовъ, то его скоро забыли и, перекусивъ чѣмъ было, мы поспѣшили далѣе.

По мѣрѣ приближенія къ посту, оттуда все громче и шумнѣе доносился неистовый ревъ и звонъ тысячей бубенчиковъ. Это оказался первый большой верблюжій транспортъ, почти въ 3,000 головъ, съ хлѣбомъ и юломейками, отправленный изъ Красноводска въ Бами. Онъ только-что прибылъ въ Кизилъ-Арватъ, и вожаки занимались разгрузкою его для отдыха верблюдовъ, которые отчаянно ревѣли, лишь только заставляли ихъ опускаться на колѣни для снятія груза.

Маленькое постовое укрѣпленіе, вмѣщавшее на площади своей десятка полтора палатокъ и вооруженное 3-мя орудіями, выходило одной стороной въ оврагъ, на днѣ котораго протекалъ горный ручей прозрачной ключевой воды, составлявшій главное богатство поста. Во всемъ остальномъ, начиная съ жилищъ и кончая ротнымъ котломъ, чувствовался весьма ощутительный недостатокъ, несмотря на усиленную заботливость начальника поста, добродушнаго капитанъ-лейтенанта Зубова *). Прибытіе транспорта встрѣчено было съ живѣйшей радостью, въ надеждѣ заполучить изъ него кое-что необходимое.

О медицинскомъ околодкѣ, при отсутствіи средствъ, не могло быть и рѣчи. Заболѣвавшіе солдаты отправлялись въ Бами, а не то, — лежали въ своихъ палаткахъ до оказіи. Уходъ за ними Зубовъ взялъ на себя.

Геліографное сообщеніе съ Бами дало возможность вы-

*) Зубовъ умеръ отъ раны, полученной имъ при осадѣ Геокъ-Тепе.

требовать изъ склада Краснаго Креста необходимыя вещи для устройства околодка.

Передневавъ въ Кизилъ-Арватѣ, я съ тѣмъ-же казачьимъ конвоемъ отправился далѣе на второй постъ Казинджикъ, отстоявшій отъ Кизилъ-Арвата въ 87 верстахъ.

Дорога къ нему все время тянется у подошвы Кюриндагскаго хребта, перерѣзываясь во многихъ мѣстахъ рытвинами и промоинами, которыя образовались весной отъ стока съ горъ таявшаго снѣга. Безплодная степь съ правой стороны, вмѣстѣ съ горнымъ хребтомъ и его отрогами слѣва, лишены почти всякой растительности, кромѣ рѣдкихъ колючекъ, да выжженной солнцемъ степной травы.

Отъѣхавъ верстъ 30 отъ Кизилъ-Арвата, у подошвы высокаго холма *) вырыто нѣсколько колодцевъ. Мѣсто это носитъ названіе Ушаки и служитъ стоянкой для каравана. Вода въ этихъ колодцахъ не всегда годна для питья. Иногда насыщеніе ея сѣроводородомъ настолько велико, что ее не пьютъ даже верблюды. Въ другое время достаточно продержать эту воду нѣсколько минутъ на воздухѣ, и она дѣлается годною для употребленія.

Крещеніе холма «горой маіора N.» произошло благодаря слѣдующему обстоятельству. Спустя мѣсяцъ или даже болѣе послѣ моего проѣзда Михайловской линіи, шайка тэкинцевъ близъ Ушаковъ напала на нашъ верблюжій транспортъ и, несмотря на упорное сопротивленіе, завладѣла имъ **). Во время нападенія тэкинцевъ на транспортъ, когда немногочисленный конвой, на половину перебитый, отчаянно отбивался отъ непріятеля, находившійся при транспортѣ маіоръ N. ***), вѣроятно съ переполоху, вскарабкался на вер-

*) Холмъ этотъ названъ въ шутку «горой маіора N».

**) Вскорѣ транспортъ этотъ былъ отбитъ обратно.

***) Маіоръ N. былъ не во главѣ конвоя, а только находился при транспортѣ.

блюда, умчавшаго его на вершину холма, у подножія котораго, какъ упомянуто выше, вырыты колодцы. Съ этихъ поръ холмъ этотъ сталъ носить названіе «горы маіора N.», данное ему солдатами и казаками. Названіе это было видимо такъ удачно, что, много мѣсяцевъ спустя, когда уже война была окончена и желѣзная дорога по близости, проѣзжая по линіи, я слышалъ не разъ кличку этого злополучнаго маіорскаго холма.

Въ Ушакахъ мы сдѣлали часовой привалъ, а затѣмъ поторопились дальше.

Прибыть на постъ удалось только на зарѣ, хотя всю ночь мы ѣхали почти безъ остановки.

Казанджикское постовое укрѣпленіе, весьма незначительное по величинѣ, выстроено на крутомъ гребнѣ одного изъ большихъ отроговъ Кюрпидагскаго хребта, у подошвы котораго, внизу укрѣпленія, съ давнихъ временъ вырыто нѣсколько колодцевъ. Вода въ нихъ прѣсная, вполнѣ годная для питья и только во время сильной жары получаетъ иногда солоноватый вкусъ и слабое присутствіе сѣроводорода, быстро исчезающаго на воздухѣ. Вода изъ маленькаго ручья, по близости укрѣпленія, менѣе вкусна, нежели колодезная, благодаря большей насыщенности солями.

Площадка укрѣпленія, дорогой къ которому служитъ узкая крутая тропинка, вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько кибитокъ съ юломейками и два орудія на углахъ. На двухъ другихъ углахъ, съ цѣлью устрашенія текинцевъ, положены трубы съ желѣзныхъ печей, которыя издали кажутся жерлами пушекъ. Часть команды поста, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, располагается въ палаткахъ у подошвы хребта, гдѣ колодцы.

Возвышенное положеніе Казанджикскаго укрѣпленія надъ

прилегающею къ нему обширною степью, давая возможность командовать ею на нѣсколько верстъ въ окружности, тѣмъ не менѣе, ставитъ укрѣпленіе въ неудобное положеніе, въ случаѣ нападенія съ горъ, относительно сосѣднихъ высотъ, возвышающихся надъ нимъ.

Какъ бы то ни было, но мѣсто это, по близости колодцевъ, представляется болѣе удобнымъ.

Больныхъ на посту было немного: нѣсколько солдатъ и киргизовъ, — послѣдніе въ тифѣ.

При отсутствіи необходимыхъ медицинскихъ средствъ, не было вдобавокъ и ухода за ними. Помѣщались они въ тѣсной юломейкѣ, прямо на землѣ. Ближайшій лазаретъ находился верстъ за 100 и переправить больныхъ туда представляло громадныя затрудненія, требуя для этого особый конвой и колесный экипажъ.

Съ Казанджика на слѣдующій постъ Бала-ишемъ мнѣ приходилось отправляться безъ казачьяго конвоя, сопровождавшаго меня до втораго поста. Конвой этотъ предназначался слѣдующему верблюжьему транспорту, ожидаемому со дня на день со стороны Михайловскаго залива. Оставалось ограничиться 10-ю киргизами, изъ числа находившихся въ распоряженіи начальника поста.

На слѣдующій день, задолго до восхода солнца, я оставилъ Казанджикъ и въ сопровожденіи киргизовъ, съ моимъ вѣстовымъ казакомъ, рысью двинулся впередъ, питая надежду, хотя и слабую, доѣхать къ полуночи въ Бала-ишемъ, находившійся въ 100 верстахъ отъ Казанджика.

Спустившись съ возвышенности Казанджикскаго укрѣпленія, приходится ѣхать верстъ около двухъ каменистымъ предгорьемъ, а затѣмъ сразу вступаешь въ обширный солончакъ, тянущійся на сотни верстъ къ сѣверо-востоку. Въ этомъ мѣстѣ Кюриндагскій хребетъ, рѣзко обрываясь,

переходитъ въ солончаковую равнину, на нѣсколько десятковъ верстъ длины, а затѣмъ, въ концѣ прорыва, начинаясь цѣпью холмовъ, образуетъ снова горную систему подъ названіемъ Малыхъ Балханъ. Съ правой стороны, почти параллельно имъ, въ синѣющей дали громоздятся Большіе Балханы. Ровная поверхность солончака, съ черепицеобразно-надтреснувшей глинистой корой и бѣлыми полосами соли, представляетъ изъ себя какъ бы фотографическій снимокъ гигантской торцовой мостовой послѣ дождя, освѣщенной лучами солнца.

Иллюзія была настолько сильна, что я постоянно мѣнялъ направленіе лошади, не желая въѣхать въ фантастическую лужу, оказывавшуюся въ дѣйствительности наслойкой соли.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, гладкая поверхность пустыни стала переходить въ волнистую, съ постепеннымъ возвышеніемъ.

Одинъ изъ провожавшихъ меня киргизовъ, ѣхавшій до того времени спокойно впереди, вдругъ повернулся назадъ и, подскакавъ ко мнѣ, сталъ что-то объяснять, указывая рукою въ даль. Въ это время на горизонтѣ показалась какъ бы неподвижная сѣроватая полоса, которая, при разсматриваніи въ бинокль, превратилась въ широкую вереницу верблюдовъ. Я былъ увѣренъ, что это есть ожидаемый въ Казанджикъ транспортъ, но, во избѣжаніе недоразумѣній со стороны конвоирующихъ его относительно моихъ киргизовъ, которыхъ легко было бы счесть и вблизи за- шайку текинцевъ, благодаря пикамъ, дырявымъ халатамъ и лохматымъ бараньимъ шапкамъ, я приказалъ своему оборванному конвою остаться позади, а самъ съ казакомъ поскакалъ впередъ къ транспорту.

Казачій авангардъ замѣтилъ насъ еще издали и при-

нявъ за непріятеля, двинулся рысью впередъ, вынувъ ружья изъ чахловъ, съ тѣмъ, чтобы, подъѣхавъ на ружейное разстояніе, закатить по насъ залпъ; но бѣлый китель мой и фуражка, приведя ихъ въ полнѣйшее недоумѣніе, заставили остановиться, пока я не подъѣхалъ совсѣмъ близко.

Начальникъ транспорта оказался знакомый мнѣ офицеръ К—овъ, состоявшій ординарцемъ у генерала Скобелева. Отъ него я узналъ, что генералъ разогналъ чуть не всѣхъ своихъ ординарцевъ сопровождать верблюжьи транспорты, а самъ со штабомъ все время былъ занятъ организаціей ихъ въ Красноводскѣ, присутствуя лично при нагрузкѣ и отправкѣ, благодаря чему транспортировка продовольствія по Михайловской линіи была уже почти закончена. Между прочимъ, К—въ сообщилъ, что за нѣсколько дней до его отправки изъ Красноводска, тамъ было получено неблагопріятное извѣстіе объ организаціи транспортовъ по Атрекской линіи, которая совершенно пріостановилась вслѣдствіе какихъ-то интендантскихъ злоупотребленій. Извѣстіе это крайне встревожило генерала Скобелева, такъ что генералъ въ ту-же ночь отправился на экстренномъ пароходѣ въ Чигишляръ.

Распростившись съ К—вымъ, я поспѣшилъ дальше и съ закатомъ солнца мы были уже у Айдинскихъ колодцевъ *), отвратительная вода которыхъ до того насыщена сѣроводородомъ, что запахъ его слышится за нѣсколько шаговъ не доходя до нихъ. Здѣсь приходилось сдѣлать часовой привалъ, для отдыха лошадей. Мерцавшіе вдали огоньки у Большихъ Балханъ принадлежали, по всей вѣроятности, какой-нибудь разбойничьей шайкѣ, которая тутъ кочевала.

*) Около 40 верстъ до Бала-ишема.

Приказавъ киргизамъ не разводить огня, чтобы тѣмъ не привлечь тэкинцевъ, я завернулся въ бурку и расположился возлѣ своей лошади; но не прошло и часу, какъ возгласъ моего казака: «Вашеско-діе, утекать надо!» заставилъ меня вскочить на ноги. Остатокъ предательскаго костра, разложеннаго киргизами, вопреки приказанію, еще былъ не вполнѣ затушенъ. Его наскоро засыпали пескомъ.

Въ мертвой тишинѣ пустыни чуть слышно доносился топотъ...

Ругнувъ свой безпечный конвой и, въ особенности, казака, который сильно пристрастился къ чаепитію, я сѣлъ на лошадь и всѣ мы понеслись въ карьеръ, сначала по направленію къ Малымъ Балханамъ, а потомъ, сдѣлавъ широкій полукругъ, поскакали къ Бала-ишему. Топотъ, слышанный нами, сначала усиливался, а потомъ сталъ замирать, пока совсѣмъ не исчезъ въ лѣвую сторону. Передъ разсвѣтомъ мы были уже на мѣстѣ. Усталыя и взмыленныя лошади наши едва держались на ногахъ.

На посту всѣ были въ ожиданіи нападенія тэкинцевъ, такъ какъ шайки ихъ нѣсколько дней какъ рыскаютъ и даже угнали 5 верблюдовъ.

Постовое укрѣпленіе въ Бала-ишемѣ самое большое изъ всѣхъ, находившихся по Михайловской линіи. Близъ него много колодцевъ съ соленой водой. За непмѣніемъ лучшей, солдаты кое-какъ пьютъ и ее.

Укрѣпленіе занималъ Ширванскій баталіонъ, командиръ котораго, подполковникъ Гогоберидзе, былъ временный начальникъ поста, такъ какъ вскорѣ онъ долженъ былъ выступить съ баталіономъ въ Бами.

При баталіонѣ находился лазаретъ на 20 мѣстъ, устроенный Краснымъ Крестомъ. Больныхъ въ немъ лежало немного. Лазаретомъ завѣдывалъ баталіонный врачъ.

Въ Бала-ишемѣ заканчивалось телеграфное сообщеніе съ Михайловскимъ заливомъ и Красноводскомъ. Дальнѣйшее проведеніе походнаго телеграфа временно замедлилось — трудностью доставки подводъ, для перевоза проволоки и столбовъ.

Пробывъ нѣсколько часовъ на посту, я поѣхалъ дальше, оставивъ конвой изъ киргизовъ въ Бала-ишемѣ, кромѣ своего казака и проводника съ вьючной лошадью.

Миновавъ полупостъ Кутолъ, въ 20-ти верстахъ отъ Бала-ишема, ровная мѣстность становится все болѣе и болѣе холмистой и, версты 4 не доѣзжая до поста Мулла-Кары, начинается сыпучій песокъ и широкіе барханы, между которыми двигались толпы рабочихъ персовъ съ тачками, кирками и лопатами, усиленно работая надъ полотномъ желѣзной дороги. Безплодная, съ отсутствіемъ всякой растительной жизни мѣстность, кипѣла дѣятельностью.

Проѣхавъ верстъ $1^1/_2$ близъ насыпи впередъ, начинается голова укладки желѣзной дороги, а еще версту вдоль рельсовъ и кругомъ по песку и на буграхъ разбросано множество кибитокъ, палатокъ и юломеекъ. Болѣе ровная мѣстность занята дивизіонными шатрами желѣзнодорожнаго лазарета на 50 мѣстъ и при немъ двѣ большія кибитки съ вещами Краснаго Креста, которымъ снабжается лазаретъ.

Близъ рельсовъ, нѣсколько товарныхъ вагоновъ исполняютъ назначеніе желѣзно-дорожной станціи, у которой сходятся запасные пути, со стоящими на нихъ платформами, вагонами и нѣсколькими локомотивами. На $^1/_2$ версты въ сторонѣ — площадь, обнесенная валомъ, служитъ стоянкой казачьей сотни. Все это вмѣстѣ составляетъ постъ Мулла-Кары или первую станцію Закаспійской желѣзной дороги,

въ 20-ти верстахъ отъ Михайловскаго залива. Станція была открыта только нѣсколько дней тому назадъ.

Постройка Закаспійской желѣзной дороги съ Михайловскаго залива, по направленію къ Кизилъ-Арвату, начата была въ августѣ. Предполагалось, что, къ первымъ числамъ октября, доведутъ ее до Бала-ишема (50 верстъ).

Между тѣмъ, наступила уже половина октября и дорога едва дошла до Мулла-Кары (т. е. 30 верстъ ближе предположеннаго пункта). Да и этотъ законченный участокъ не могъ имѣть значенія для настоящей экспедиціи, такъ какъ верблюжьи караваны изъ Красноводска минуютъ Мулла-Карынскій постъ, оставляя его въ сторонѣ *). Стоимость Мулла-Карынскаго участка, на протяженіи 20 верстъ, считая и подвижной составъ, обошлась около 800,000 руб. Стоимость одной версты до 25,000 руб. Что-же касается до узко-колейной, въ аршинъ шириною, конно-желѣзной дороги де-Ковиля, то хотя, по проекту, она должна бы теперь пройти за Бала-ишемъ, въ дѣйствительности-же она шла только нѣсколько верстъ далѣе паровой и служила, главнымъ образомъ, подспорьемъ при укладкѣ первой, доставляя желѣзно-дорожный матеріалъ и опрѣсненную воду для рабочихъ. Послѣдняя присылалась изъ Михайловскаго залива **).

Проведя нѣсколько часовъ въ Мулла-Кары, я передъ

*) Перевезеннымъ съ Михайловскаго залива 180,000 пудамъ овса и сваленнымъ по близости Мулла-Кары, приходилось лежать довольно долго, ибо для подъема ихъ и дальнѣйшей отправки требовалось повернуть отъ караваннаго пути, чтобы потомъ снова вернуться назадъ.

**) Проведеніе желѣзной дороги съ Михайловскаго залива, а не съ Красноводска, было, вопреки мнѣнію человѣка, спеціально знакомаго съ этимъ краемъ, генерала Петрусевича. Покойный генералъ, защищая свое мнѣніе (начать дорогу съ Красноводска), видѣлъ существенное неудобство при началѣ ея съ Михайловска — ежегоднымъ обмелѣніемъ залива, которое можетъ дойти, пожалуй, и до высыханія. Мнѣніе это теперь, отчасти, подтверждается.

вечеромъ отправился по желѣзной дорогѣ въ Михайловскій заливъ, устроившись на одной изъ платформъ, которыя составляли поѣздъ. Паровозъ отапливался нефтью. Дрова, какъ трудно доставаемый матеріалъ, служили только для растопокъ паровика. Часа черезъ полтора поѣздъ прибылъ въ Михайловскій заливъ.

На берегу залива шла дѣятельная работа по установкѣ большаго пароваго опрѣснителя Нобеля, изготавливавшаго, въ случаѣ нужды, до 40 тысячъ ведеръ въ день. Въ настоящее же время работалъ меньшій опрѣснитель, вода изъ котораго служила для потребленія живущихъ въ Михайловскѣ и въ Мулла-Кары, куда она доставлялась въ металлическихъ цистернахъ.

Берегъ казался весьма оживленнымъ, благодаря присутствію большаго количества рабочихъ, выписанныхъ съ западнаго берега. Кромѣ нихъ, здѣсь стоялъ желѣзно-дорожный баталіонъ. Помѣщеніемъ для всѣхъ служили вагоны и кибитки.

Часовъ въ 10 вечера, я перебрался на маленькій пароходъ, который скоро снялся, направляясь въ Красноводскъ. Спутникомъ моимъ въ каютѣ былъ интендантскій чиновникъ, кажется, смотритель продовольственнаго магазина въ Красноводскѣ. Онъ былъ вызванъ для какихъ-то объясненій въ Михайловскій заливъ и теперь возвращался обратно.

Съ озабоченнымъ, не то испуганнымъ лицомъ, чиновникъ былъ занятъ какими-то цифровыми выкладками на клочкѣ бумаги.

Надѣясь узнать что-нибудь о Чигишлярѣ, я обратился къ нему съ вопросомъ, но онъ, не давъ мнѣ договорить, отчаянно махнулъ рукою и объявилъ: что ни къ чему не причастенъ, ничего не знаетъ, а видитъ только одно, что

служить при такихъ условіяхъ нельзя и нужно немедленно выходить въ отставку, пока голова на плечахъ.

— Пропадешь вѣдь ни за грошъ! Можно-съ очень хорошо-съ воевать и ничего не понимать въ хозяйствѣ. Да-съ! Наше дѣло вѣдь та-же наука-съ!?..

На этомъ и кончилось объясненіе интенданта. Изъ него я ровно ничего не понялъ и бросилъ всякую дальнѣйшую попытку къ возобновленію разговора.

Часовъ въ 9 вечера слѣдующаго дня, пароходъ прибылъ въ Красноводскъ. Генерала Скобелева тамъ не было: онъ уѣхалъ въ Чигишляръ, куда отправился также и генералъ-Петрусевичъ.

Въ Красноводскъ прибывали уже съ западнаго берега кавказскія войска.

Я поспѣшилъ въ Чигишляръ, отправившись туда на первомъ почтовомъ пароходѣ.

ГЛАВА X.

Бурная погода, при отходѣ изъ Красноводска, не помѣшала пароходу прибыть во-время, хотя сильное волненіе у берега заставило бросить якорь версты на полторы далѣе обыкновенной стоянки.

На Чигишлярскомъ посту происходила лихорадочная дѣятельность, благодаря усиленному снаряженію и отправкѣ верблюжьихъ транспортовъ съ боевыми запасами и продовольствіемъ. Кромѣ того, постоянное ученіе частей войскъ, прибывавшихъ съ западнаго берега, и въ особенности въ артиллерійскомъ паркѣ, гдѣ обучали верблюдовъ возить орудія,— все это придавало скучному посту особенное оживленіе, котораго здѣсь никогда не было.

Переѣхавъ на берегъ, я наскоро привелъ въ порядокъ замѣтки мои о командировкѣ и отправился вечеромъ къ генералу Скобелеву, который жилъ въ отдѣльномъ деревянномъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ. Спѣшные доклады къ нему въ эти часы обыкновенно заканчивались.

Засталъ я генерала за часмъ, вмѣстѣ съ старикомъ Жирарденомъ, его бывшимъ гувернеромъ, который такъ привыкъ къ своему прежнему воспитаннику, что часто сопутствовалъ ему въ походахъ, несмотря на свои преклонные годы.

Скобелевъ принялъ меня радушно. Онъ только-что оправился отъ болѣзни, продержавшей его недѣли полторы. Слѣды болѣзненности еще не исчезли съ его исхудалаго, симпатичнаго лица, но глаза блестѣли всегдашнимъ оживленіемъ и тонкая, полунасмѣшливая улыбка не сходила съ губъ.

Длинное повѣствованіе мое о мѣсячномъ путешествіи по обѣимъ военнымъ линіямъ генералъ скоро перебилъ фразой:

«Все это вы, конечно, изложили въ рапортѣ, милый докторъ, а теперь пришла мнѣ охота разсказать, какая встрепка досталась интендантамъ. Коса нашла на камень. Только смотрите! (генералъ сдѣлалъ при этомъ грозную мину) ни слова въ газету. И такъ мнѣ досталось за васъ *).

*) Отправляясь изъ Петербурга въ Закаспійскій край, я разсчитывалъ, что мнѣ на мѣстѣ будетъ разрѣшено по временамъ корреспондировать въ газету. Дѣйствительно, скоро по пріѣздѣ, мнѣ было позволено отправить двѣ депеши, за подписями генерала Петрусевича и генерала Скобелева, и два письма. Но, затѣмъ, кромѣ безусловнаго запрещенія писать для печати, я получилъ еще въ добавокъ за напечатанное (которое было разрѣшено и, слѣдовательно, не нарушало ни одного изъ пунктовъ приказа по войскамъ въ Закаспійскомъ краѣ) замѣчаніе отъ

Послѣ! когда-нибудь»... и сердитое выраженіе его смѣнилось обычной улыбкой.

Разсказъ свой генералъ Скобелевъ закончилъ выводомъ, что людская честность измѣряется своимъ спеціальнымъ масштабомъ, неприложимымъ развѣ за немногими исключеніями. (Честенъ на 10 т., а на 100 т., смотришь—и урвалъ).

Эпизодъ «встрепки заправителя отряднаго хозяйства» я сообщу въ краткихъ чертахъ, оставляя въ сторонѣ подробности и частности дѣла, представляющія интересъ болѣе для практики слѣдователя.

Исторія заключалась въ слѣдующемъ: командированный съ Кавказа въ Закаспійскій край, новый отрядный интендантъ К., на мѣсто своего предшественника, угодившаго подъ слѣдствіе, вскорѣ послѣ своего пріѣзда (въ августѣ) заключилъ контрактъ съ нѣкоимъ подрядчикомъ Теръ-огановымъ на поставку верблюдовъ по Атрекской линіи, для перевозки 105 тысячъ пудовъ груза въ опредѣленное время и по установленной цѣнѣ. Контрактъ обезпечивался залогомъ въ 17 тысячъ руб. Въ силу условія контракта, спустя 15 дней со дня его заключенія, должна была быть начата поставка и перевозка.

Отрядному интенданту было, конечно, извѣстно, что крайній срокъ перевозки необходимаго довольствія и боевыхъ снарядовъ есть декабрь мѣсяцъ, такъ какъ дождливая погода въ это время года дѣлаетъ Атрекскую дорогу почти непроходимой для верблюжьихъ каравановъ, въ особенности въ гористыхъ частяхъ ея, благодаря скользкому и вязкому пути *). Такимъ образомъ, если бы перевозка

Главнокомандующаго кавказской арміей. Генералъ Скобелевъ, узнавъ объ этомъ, принялъ вину на себя.

*) Широкая и плоская стопа тонкой верблюжьей ноги крайне неустойчива на скользкомъ, глинистомъ грунтѣ, въ особенности — когда

грузовъ замедлилась, то наступательныя дѣйствія отряда пришлось бы отложить. Но такъ какъ потребленіе довольствія войсками на постахъ и въ передовомъ пунктѣ шло бы своимъ естественнымъ порядкомъ, то въ короткое время, всѣ перевезенные запасы были бы уничтожены, а вмѣстѣ съ этимъ, роковымъ образомъ уничтожалась бы и начатая экспедиція, неся за собой только громадныя потери. При такомъ положеніи дѣлъ, вопросъ о состояніи экспедиціи становился бы вопросомъ чести командующаго ея отрядомъ.

Возможность подобнаго исхода могла быть принята только въ соображеніе, но за опасеніе его не имѣлось данныхъ, такъ какъ всѣ условія складывались благопріятно. Къ тому-же, и личность отряднаго интенданта нѣсколько подкупала въ его пользу. Энергическое, открытое лицо его, казалось, служило выраженіемъ честности и правдивости, а высказанный имъ мотивъ пріѣзда — служить у русскаго героя изъ за чести и желанія смыть грязь предшественниковъ, вызывалъ не малую долю симпатіи и довѣрчивости.

Оставивъ Чигишляръ и пріѣхавъ въ Красноводскъ, генералъ Скобелевъ всецѣло занялся близкимъ ему дѣломъ, будучи увѣренъ въ благопріятномъ окончаніи организаціи транспортовъ по Атрекской линіи.

Однако, увѣренности этой пришлось скоро поколебаться. Свѣдѣнія, получаемыя генераломъ отъ отряднаго интенданта, стали все болѣе и болѣе расходиться съ извѣстіями изъ Чигишляра отъ другихъ лицъ. Въ послѣднихъ сообщалось не только о плохомъ ходѣ организаціи транспортовъ, но даже и объ остановкѣ ея. Кромѣ того, говори-

верблюдъ нагруженъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, верблюдъ постоянно падаетъ и ломаетъ себѣ ноги.

лось о различныхъ злоупотребленіяхъ въ интендантскихъ складахъ.

Генералъ Скобелевъ встревожился, но, со свойственной ему дальновидностью, онъ объяснилъ себѣ причину остановки дѣла въ слѣдующей приблизительной формѣ мышленія, которое, по его мнѣнію, происходило въ головѣ заправителя отряднаго хозяйства:

«Задержка въ поставкѣ верблюдовъ къ опредѣленному сроку вызоветъ критическое положеніе экспедиціи, въ силу чего явится возможность вынудить согласіе у временно-командующаго войсками на значительное повышеніе цѣнъ по перевозкѣ. Фиктивное увеличеніе дастъ интендантскую экономію до 300,000 руб. Покрывъ расходъ по уплатѣ залога и приплатѣ кому слѣдуетъ, въ карманѣ заправителя очистится отъ 150 до 200,000 руб. Не дурно!!»

Прійдя къ такому выводу относительно отряднаго интенданта, генералъ Скобелевъ отдалъ секретное распоряженіе — приготовить экстренный пароходъ и, вмѣстѣ со своимъ штабомъ, немедля выѣхалъ почью изъ Красноводска.

По прибытіи въ Чигишляръ, генералъ сейчасъ-же потребовалъ къ себѣ отряднаго интенданта, приказавъ, въ то-же время, нѣкоторымъ офицерамъ своего штаба произвести внезапный осмотръ и обыскъ въ продовольственныхъ складахъ и въ лавкахъ торговцевъ.

Когда, нѣсколько смущенный неожиданнымъ пріѣздомъ временно-командующаго войсками, отрядный интендантъ явился къ Скобелеву, отъ него были потребованы подробныя свѣдѣнія о ходѣ организаціи транспортовъ за истекшіе дни.

Свѣдѣній этихъ не оказалось. Не оказалось также и

верблюдовъ *), хотя контрактные дни были совсѣмъ на исходѣ.

Сбивчивыя объясненія, начатыя интендантомъ, скоро оборвались въ неловкое молчаніе, прерванное, наконецъ, Скобелевымъ, который все время смотрѣлъ на него въ упоръ.

Генералъ сообщилъ свое заключеніе, сдѣланное имъ еще въ Красноводскѣ, и вставъ со стула, обратился къ интенданту со словами:

«Вы понимаете, милостивый государь, что я проникъ въ вашу душу? Если вы не сдѣлали еще преступленія, то потому, что вамъ помѣшали»!

Послѣ этого Скобелевъ ушелъ въ другую комнату.

Испуганный интендатъ до того смутился, что, по уходѣ генерала Скобелева, обратился къ Петрусевичу, присутствовавшему при этомъ объясненіи, со страннымъ вопросомъ: «Въ которомъ часу завтра состоится вторичный докладъ»?

Въ отвѣтъ на это, генералъ Петрусевичъ молча указалъ ему на далекій горизонтъ моря — по направленію къ западному берегу.

Обыски и провѣрки магазиновъ съ лавками, произведенные въ этотъ день, обнаружили расхищеніе сукна, сахара, спирта и пр.

Кое-кого арестовали. Это вызвало страшную панику среди торговцевъ и продовольственныхъ чиновниковъ, отразившуюся рикошетомъ даже въ Красноводскѣ и въ Михайловскомъ заливѣ.

Между тѣмъ, время не терпѣло. Приходилось какъ

*) Небольшое число верблюдовъ, находившихся въ Чигишлярѣ, не имѣли, конечно, значенія, такъ какъ они составляли каплю въ морѣ съ тѣми, которые требовались.

можно скорѣе воспользоваться всякими мѣрами, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія. Тогда генералъ Скобелевъ обратился къ купцу Громову *), котораго онъ зналъ лично,— со времени своихъ туркестанскихъ походовъ и къ которому имѣлъ довѣріе.

«Можешь взяться за поставку и перевозку»? спросилъ его генералъ.

«Постараюсь», отвѣчалъ тотъ.

«Есть у тебя деньги»?

«Тысячъ полтораста наберется, ваше превосходительство»!

«Ну, берись съ Богомъ! Не хватитъ денегъ,— дамъ своихъ. Ты вѣдь понимаешь положеніе дѣла»?

Въ тотъ-же день изъ Чигишляра въ мирные туркменскіе аулы помчались джигиты и прикащики Громова.

На третій день у домика Скобелева толпились уже туркменскіе старшины. Среди ихъ, въ черкескѣ и съ толстой пачкой денежныхъ депозитокъ, выдѣлялась высокая фигура купца Громова. Владѣя въ совершенствѣ туземнымъ языкомъ, онъ быстро заключалъ съ ними условія, раздавая при этомъ денежныя пачки. Росписокъ съ туркменъ въ полученіи задатковъ не бралось, что̀ еще болѣе внушало имъ довѣріе.

Не прошло и недѣли, какъ Чигишляръ сталъ наполняться тысячами верблюдовъ.

Дѣло выгорѣло и Скобелеву вздохнулось свободнѣй.

Что-же касается до заправителя хозяйства, то онъ и

*) Громовъ попалъ въ Закаспійскій край, благодаря поставкѣ партій верблюдовъ изъ Бухары на Михайловскую линію. Пригнавъ верблюдовъ вмѣстѣ со своимъ прикащикомъ, Громовъ, искренно привязанный къ Скобелеву, пожелалъ остаться при немъ во время экспедиціи, что̀ и было ему разрѣшено.

нѣсколько лицъ изъ той-же породы, были удалены и замѣнены офицерами частей войскъ.

Съ устраненіемъ препятствій по организаціи транспортовъ на Атрекской дорогѣ, выдвигался другой важный вопросъ — цѣлесообразное устройство военно-медицинской части въ экспедиціонномъ отрядѣ, которая находилась въ крайне шаткомъ положеніи, благодаря отсутствію необходимыхъ матеріальныхъ средствъ и толковаго представителя по этой части.

Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ со дня пріѣзда новаго отряднаго врача, не было принято ни одной раціональной мѣры для улучшенія существующаго. Недостатокъ чувствовался во всемъ, хотя онъ и пополнялся, на сколько возможно, Обществомъ Краснаго Креста.

Слабый администраторъ, едва владѣвшій русскимъ языкомъ, отрядный врачъ былъ поглощенъ иными интересами, которые не замедлили обнаружиться весьма наивно въ оффиціальномъ письмѣ его къ временно-командующему войсками. Текстъ этого курьезнаго письма *), вполнѣ характеризующій представителя, привожу ниже:

«Чигишляръ.
21 октября 1880 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаилъ Дмитріевичъ!

«Вашему Превосходительству извѣстно, что я по должности отряднаго врача ввѣренныхъ Вашему Превосходительству войскъ, вмѣстѣ съ тѣмъ занимаю должность инспектора госпиталей, а слѣдовательно нахожусь въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ чинами какъ медицинскаго, ад-

*) За № 2692.

министративными и Краснаго Креста мнѣ подвѣдомственными. Въ числѣ этихъ лицъ большинство въ одинаковыхъ со мной чинахъ, а уполномоченный Краснаго Креста и оберъ-контролеръ даже выше, то, при истекающихъ изъ необходимости требованіяхъ моихъ, къ исполненію разныхъ экстренныхъ распоряженій, вызываются отъ меня такого рода бумаги и словесныя приказанія, законная форма которыхъ не совсѣмъ сочувственно принимается какъ отъ лица по чину равнаго, а въ отношеніи другихъ даже меньшаго и, естественно, ставитъ меня въ неловкое положеніе. Представляя изложенное мнѣніе, вниманію Вашего Превосходительства, осмѣливаюсь просить Васъ для пользы дѣла произвести меня въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и т. д.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.»

Само собою разумѣется, письмо это вызвало только гомерическій хохотъ въ штабѣ отряда и осталось безъ послѣдствій.

Съ открытіемъ наступательныхъ дѣйствій, вопросъ о медицинской помощи, долженствовавшей принять болѣе широкіе размѣры, становился неотложнымъ. На первыхъ же порахъ являлась насущная потребность въ организаціи помощи въ передовомъ отрядѣ и въ организаціи обоза, для эвакуаціи больныхъ и раненыхъ; а затѣмъ — устройство лазаретовъ и другихъ врачебныхъ пунктовъ по пути наступленія «Отряда вторженія». На все это требовались средства, а ихъ-то и не было у медицинскаго вѣдомства, хотя оно располагало и временемъ, и возможностью къ пріобрѣтенію необходимаго.

Прибывающія части войскъ съ западнаго берега тоже были лишены необходимой помощи. Такимъ образомъ, еще до наступленія, были сформированы Обществомъ Крас-

наго Креста лазареты для Ширванскаго и Самурскаго батальоновъ, не говоря уже о перевязочныхъ средствахъ («первая помощь») и посилкахъ, которыми Красный Крестъ снабдилъ всѣ части экспедиціоннаго отряда.

Въ виду такого положенія дѣла, въ Закаспійскій край прибылъ военно-медицинскій инспекторъ Кавказскаго округа, д-ръ Ремертъ, для «окончательнаго и соотвѣтственнаго устройства всего необходимаго».

Къ сожалѣнію, пріѣздъ медицинскаго инспектора не устранилъ безпорядка.

Полагаясь на силу своихъ приказаній и широкія полномочія, г. Ремертъ мало обратилъ вниманія на практическую сторону дѣла. Вмѣсто принятія энергическихъ мѣръ еще на мѣстѣ, къ отправкѣ нужнаго матеріала, медицинскій инспекторъ ограничивался, главнымъ образомъ, распоряженіями на бумагѣ. На сколько цѣлесообразенъ и практиченъ былъ принятый имъ образъ дѣйствій, можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ фактовъ:

1) Лазаретъ 19-й пѣхотной дивизіи, долженствовавшій служить передовымъ лазаретомъ во время осады непріятельской крѣпости, прибылъ въ Закаспійскій край только послѣ окончанія войны. Одноколки *), для перевозки раненыхъ, находившіяся при этомъ лазаретѣ, были безъ лошадей.

2) Лазаретъ 21-й пѣхотной дивизіи носилъ только номинальное названіе, не имѣя ни твердыхъ, ни мягкихъ вещей. Все необходимое дано было ему Краснымъ Крестомъ (роль обоихъ лазаретовъ исполнялъ лазаретъ Краснаго Креста, на 150—200 мѣстъ).

3) Обоза для эвакуаціи больныхъ и раненыхъ у

*) Доставили ихъ только въ Кизилъ-Арватъ, верстъ на 160 отъ Геокъ-Тепе.

военно-медицинскаго вѣдомства не было. Перевозкой больныхъ и раненыхъ занимался Красный Крестъ, на своихъ экипажахъ.

4) Матеріала для перевязки раненыхъ тоже не было, кромѣ ничтожнаго количества. Все необходимое бралось изъ складовъ Краснаго Креста*) и т. д.

Прибывъ въ Чигишляръ, медицинскій инспекторъ заявилъ, на основаніи даннаго ему полномочія, о безусловномъ подчиненіи Краснаго Креста, въ Закаспійскомъ краѣ, военно-медицинскому начальству.

Такимъ образомъ, всѣ склады Общества, обозъ его, также и персоналъ, должны были сдѣлаться, въ извѣстной степени, достояніемъ хозяйства медицинскаго вѣдомства, что́, при несостоятельности его, давало возможность сдѣлаться сразу состоятельнымъ.

Подобное заявленіе, хотя въ этотъ разъ практическое, нарушало въ основѣ принципъ Общества добровольныхъ жертвователей, находившагося подъ покровительствомъ Императрицы и было, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ смѣло. Тѣмъ не менѣе, критическая минута и важность самаго дѣла отодвигали протестъ на второй планъ, до болѣе удобнаго времени, уступая мѣсто готовности работать и при этихъ условіяхъ.

Взявъ помощникомъ къ себѣ отряднаго врача, г. Ремертъ поспѣшилъ въ Дузъ-Олумъ, куда, въ концѣ октября, былъ переведенъ штабъ отряда и гдѣ находился уже генералъ Скобелевъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ отъѣзда инспектора,

---

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія о состояніи медицинской части, читатель можетъ найдти въ оффиціальномъ отчетѣ о дѣятельности Краснаго Креста въ Закаспійскомъ краѣ князя С. Шаховскаго.

Красный Крестъ получилъ отъ него распоряженіе депешей:

«Немедленно поставить два лазарета, по 50 мѣстъ каждый, на Михайловской линіи».

Но едва только упакованныя вещи свезены были на Чигишлярскую пристань, какъ вторая депеша инспектора отмѣняла первую приказаніемъ:

«Оставить Михайловскую линію и поставить два лазарета, по 25 мѣстъ, на Атрекской».

Наконецъ, третья депеша энергическаго инспектора требовала уже:

«Поставить лазареты по Атрекской линіи, не въ 25 мѣстъ каждый, а въ 50 мѣстъ».

Всѣ эти противорѣчивыя распоряженія, къ сожалѣнію, указывали на малую опытность и слабую подготовку къ дѣлу.

Къ счастію, однако, хаосъ этотъ продолжался не долго. Военно-медицинскій инспекторъ скоро былъ отозванъ обратно на Кавказъ, а дѣло организаціи медицинской помощи передано въ руки главноуполномоченнаго Общества Краснаго Креста.

Къ половинѣ ноября, въ передовой пунктъ были уже свезены боевые снаряды и довольствіе. Къ этому же времени туда стянулись почти всѣ войска.

Подготовительныя работы окончились.

ГЛАВА XI.

Густой туманъ, окутавъ сѣрой пеленой обнаженный хребетъ Копетдага, сливался съ облаками, повисшими надъ лагеремъ, близъ разрушенной Бамійской крѣпости.

Множество юломеекъ съ палатками группировались у обширныхъ бунтовъ со всякаго рода довольствіемъ, расположенныхъ по сосѣдству съ дивизіонными наметами военновременнаго госпиталя. Меньшая часть изъ нихъ разбрасывалась неправильными кучами въ стороны отъ центра лагеря. Изъ-за валовъ земляного укрѣпленія, окружавшаго нѣсколькими люнетами передовой бивуакъ, торчали стальныя орудія и при нихъ часовые, одѣтые въ короткіе полушубки. Воздухъ пронизывала холодная сырость. Моросившій дождь, перемѣшанный со снѣгомъ, превратилъ глинистый почвенный грунтъ въ тинистую грязь. Былъ 5-й часъ утра. Въ лагерѣ царила тишина, слабо прерываемая журчаньемъ быстраго ручья, вытекавшаго изъ горъ Бендесеновскаго перевала и проведеннаго множествомъ канавокъ во всѣ части бивуачной стоянки.

Но вотъ протрубилъ рожокъ, за нимъ другой, третій, нѣсколько... во всѣхъ частяхъ войска, успѣвшаго стянуться въ передовой пунктъ. Прогудѣлъ заревой выстрѣлъ... Раздались торжественные звуки гимновъ: «Коль славенъ Богъ» и «Боже, Царя храни»... лагерь пробудился.

Шумный говоръ, торопливая суетня выбѣгавшихъ солдатъ изъ кибитокъ и палатокъ, глухой стукъ колесъ орудій, выкатываемыхъ изъ укрѣпленія, отчаянные крики верблюдовъ, нагружаемыхъ разнообразнымъ провіантомъ, юломейками, ротными котлами, боевыми снарядами и т. п., все это скоро смѣнило утреннюю тишину, придавъ лагерю необычайно оживленный видъ, не походившій на многіе прошлые дни монотонной стоянки. Это былъ день, такъ долго, такъ томительно ожидаемый всѣми... День 26-го ноября — «общаго наступленія впередъ».

Какую массу труда нужно было вложить, чтобы создать этотъ день! Сколько энергіи требовалось затратить,

чтобы организовать тылъ экспедиціи, безъ чего не было бы мыслимо наступательное движеніе! Между тѣмъ, организаціи этой приходилось совершаться при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, благодаря внутреннему врагу—этой вѣчно гноящейся язвѣ всѣхъ войнъ и военныхъ кампаній—интендантству.

Несмотря на неутомимую энергію, здоровье генерала Скобелева едва не подломилось за послѣднее время организаціи тыла, вслѣдствіе постояннаго напряженнаго состоянія — какъ часоваго на аванпостѣ въ близи непріятеля. Недѣли на двѣ, однако, генералъ слегъ въ постель, но потомъ, къ счастью, сталъ быстро оправляться.

Большую помощь Скобелевъ встрѣтилъ, конечно, въ лицѣ своихъ главныхъ помощниковъ — генерала Петрусевича, человѣка съ желѣзной энергіей, котораго могла сломить развѣ только пуля, и оберъ-контролера Череванскаго, — глубоко честнаго, опытнаго дѣятеля, который, несмотря на свой преклонный возрастъ, работалъ, не зная отдыха. А работать приходилось очень и очень много.

Кромѣ исправленія пробѣловъ и прорѣхъ интендантской фабрикаціи на самомъ мѣстѣ экспедиціоннаго отряда, не мало труда и всякихъ невзгодъ приходилось испытывать пріемной коммисіи на западномъ берегу—въ Астрахани.

Борьба съ вампирной организаціей доходила тамъ чуть не до крупныхъ скандаловъ. Какъ бы то ни было, но всѣ затрудненія были устранены — и генералъ Скобелевъ могъ, наконецъ, назначить день «наступленія».

Горячее оживленіе, вызванное предстоявшимъ походомъ, рѣзко измѣнило въ живѣйшую радость то гнетущее настроеніе духа, которое являлось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вліянія безжизненной природы окружавшихъ мертвыхъ, необозримыхъ степей. Тоскливыя и усталыя лица

солдатъ, изнуренныхъ постояннымъ конвоированіемъ транспортовъ, быстро повеселѣли. Все заволновалось, забурлило — стали собираться въ походъ.

Въ 10 часовъ утра барабанъ забилъ «на молитву».

Посреди площади, за военно-временнымъ госпиталемъ, возвышался небольшой столъ, съ разложеннымъ на немъ антиминсомъ и другими церковными принадлежностями. Кругомъ, въ большой четырехъугольникъ, построились войска.

Раздалась команда: «Шапки долой»! и напутственный молебенъ начался. Службу отправлялъ іеромонахъ, отецъ Афанасій.

Низенькаго роста, но крѣпкій и сутуловатый, съ добродушными, хотя нѣсколько хитроватыми, голубыми глазами на красномъ, лоснящемся лицѣ, при почтенной лысинѣ, несмотря на свои 40 лѣтъ, отецъ Афанасій принадлежалъ къ той, весьма небольшой породѣ монаховъ, которая не отказывается отъ физическаго труда и готова исполнять всякую работу, могущую принести пользу ближнимъ. Хотя порою отецъ и прикладывался къ чаркѣ, послѣ чего онъ дѣлался нѣсколько меланхоличенъ и очень разсѣянъ, но это бывало не часто; а когда и бывало, то продолжалось не долго, и въ этомъ случаѣ, обыкновенно, послѣ божественной пѣсни, которую онъ напѣвалъ въ носъ, наступалъ быстрый сонъ. Проснувшись, отецъ іеромонахъ какъ-то конфузливо смотрѣлъ въ глаза, старательно избѣгалъ всякихъ разговоровъ и уже работалъ за троихъ. Попалъ онъ въ Закаспійскій край добровольно, заявивъ желаніе быть санитаромъ въ отрядѣ Краснаго Креста, когда послѣдній находился еще въ Петербургѣ. Отсутствіе священника въ передовомъ отрядѣ дало возможность отцу Афанасію предложить свои услуги — испол-

нять всѣ необходимыя требы. Это было тѣмъ болѣе удобно, что ему, какъ санитару, необходимо было находиться при перевязочномъ пунктѣ. Его зачислили въ Самурскій баталіонъ. Такимъ образомъ, отецъ Афанасій соединялъ въ себѣ двѣ обязанности, чѣмъ онъ былъ крайне доволенъ.

Молебенъ кончился, началось окропленіе Св. водой.

На столикъ посыпалось множество гривенниковъ—добровольныхъ приношеній солдатъ, считавшихъ священнымъ долгомъ внести свою лепту за благополучный путь.

«Поздравляю васъ, братцы, съ походомъ!...» привѣтствовалъ выступавшія войска генералъ Петрусевичъ, который, за отсутствіемъ командующаго войсками, отправившагося пятью днями раньше съ кавалеріей изъ Дузъ-Олума обходной дорогой, замѣнялъ его въ Бами.

Громкое «ура»! дружно пронеслось по рядамъ. Войска стали строиться въ походную колонну.

Выступилъ авангардъ, за нимъ резервъ; выѣхали фланговые разъѣзды; съ грохотомъ двинулась артиллерія съ одноколками и фургонами Краснаго Креста, составлявшими мой перевязочный пунктъ; заковыляли вереницей нагруженные верблюды, весело запѣли пѣсенники, и авангардная колонна вторженія, подъ начальствомъ командира Самурскаго баталіона, подполковника Гайдарова, вытянувшись въ длинную черную ленту, съ волнообразной полосой сверкавшихъ штыковъ, освѣщенныхъ лучами выглянувшаго изъ-подъ облаковъ солнца, двинулась вдоль горъ, по направленію къ Геокъ-Тепе.

ГЛАВА XII.

По приказу командующаго войсками, отрядъ вторженія, въ составѣ 47 ротъ, 17 эскадроновъ и сотенъ и 81 орудія, долженъ былъ выступить изъ Бами нѣсколькими колоннами, въ суточные промежутки, чтобы, такимъ образомъ, устроить между собою связь, т. е., когда первая колонна сдѣлаетъ второй привалъ, то вторая совершитъ первый и т. д. При этомъ на начальниковъ второй и послѣдующихъ колоннъ возлагалась организація постовъ на новой коммуникаціонной линіи. Порядокъ слѣдованія колоннъ находился, все-таки, въ зависимости отъ прихода въ Бами оставшихся частей войскъ и пригонки съ пастбищъ верблюдовъ.

Въ видахъ обезпеченія движенія отряда отъ могущихъ быть нападеній на правый флангъ его со стороны горъ, была сформирована особая кавалерійская колонна изъ 4-хъ сотенъ, дивизіона драгунъ и конно-горнаго взвода, которая должна была выступить раньше всѣхъ изъ Дузъ-Олума (21 ноября) обходной тропинкой по рѣкѣ Чандырю, вдоль цѣпи Копепетдага и разслѣдовать его со стороны тэкинскихъ разбойничьихъ шаекъ, производившихъ неоднократныя нападенія на мирныхъ нухурцевъ, жившихъ въ этихъ горахъ. Въ настоящее время шайки эти могли бы безпокоить отрядъ при движеніи.

Во главѣ кавалерійской колонны находился генералъ Скобелевъ; при немъ: полковникъ Навроцкій и командиръ Полтавскаго казачьяго полка, полковникъ князь Эристовъ. Кромѣ нихъ, при командующемъ войсками находилась еще часть штаба: старшій адъютантъ капитанъ Баранокъ *),

*) Въ настоящее время полковникъ.

исправляющій обязанности штабъ-офицера по порученіямъ, капитанъ генеральнаго штаба Недоманскій и другіе. Къ штабу Скобелева присоединился-было и докторъ Гейфельдеръ, но на первомъ-же привалѣ объявился нездоровымъ и, къ тому-же еще, занятымъ какими-то неотложными дѣлами. Генералъ сейчасъ-же отпустилъ его обратно въ Дузъ-Олумъ.

Параллельно съ кавалерійской колонной, но держась болѣе къ хребту, выступала охотничья команда подъ начальствомъ подпоручика 4-го Апшеронскаго баталіона Воропанова. На обязанности команды лежала тщательная развѣдка всего того, что могло встрѣтиться по пути и предупрежденіе о непріятельскихъ засадахъ.

Въ концѣ своего движенія, кавалерійская колонна, слѣдуя ущельемъ Арвазъ, соединявшимъ обѣ подгорныя стороны Копепетдага, должна была выйти на общій путь и въ аулѣ Келаты соединиться съ авангардной колонной *) подполковника Гайдарова.

Выступивъ изъ Бами около полудня, колонна Гайдарова сдѣлала въ первый день небольшой переходъ въ 17 верстъ, остановившись на ночлегъ у старинной тэкинской крѣпости Беурма, оставленной непріятелемъ еще во время первой рекогносцировки Геокъ-Тепе генераломъ Скобелевымъ, произведенной 6 іюня.

Типъ постройки тэкинскаго укрѣпленія весьма примитивный. Четырехъугольная земляная площадь, бо́льшей или меньшей величины, обнесенная высокой глиняной стѣной, шириной до одного аршина, съ двумя или тремя башнями по угламъ. Въ стѣнахъ входная дверь и дыры; послѣднія служатъ бойницами. Внутри крѣпости пѣтъ

*) Въ составѣ 9 ротъ, 20 орудій и двухъ сотенъ.

построекъ, но случаются иногда тонкостѣнныя перегородки и ямы; въ послѣднихъ зарывается зерновой хлѣбъ и саманъ *). Если огражденная площадь значительной ширины, то внутри перваго укрѣпленія, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ стѣнъ, иногда возвышается такое-же второе, что̀ представляла собою и Беурма. Крѣпость не рѣдко окружается рвомъ.

Было еще довольно свѣтло, когда отрядъ сталъ располагаться на ночлегъ. Верблюдовъ завели въ середину стоянки, гдѣ и развьючили; орудія расположили по фасамъ, выбрали мѣста для аванпостовъ, назначили дежурнаго по отряду, и когда все понемногу устроилось, принялись за изготовленіе ужина.

Несмотря на отсутствіе топлива, кромѣ жиденькаго сексаула, солдаты какъ-то ухитрились раздобыть нѣсколько деревянныхъ брусьевъ, выковыривая ихъ изъ глиняныхъ полуразрушенныхъ стѣнъ. Ловкими мастерами на этотъ счетъ были казаки, успѣвшіе раньше другихъ запастись драгоцѣннымъ матеріаломъ. Воды изъ ручья было вдоволь. Скоро задымились костры и бивуачный шумъ сталъ утихать.

Палатокъ не разбивали—развѣ у кого было подъ рукою, и то одни только верхи юломеекъ, въ которыя нужно было залѣзать, какъ въ нору.

Офицеры расположились группами, — больше по роду оружія, а то и какъ попало.

Къ 10-ти часамъ все стало погружаться въ сонъ, кромѣ дежурнаго, да неугомоннаго капитана М—каго, исправлявшаго обязанность начальника штаба при подполковникѣ Гайдаровѣ. Неутомимый работникъ и крайне подвижной, М—кій отличался какою-то особенною способ-

*) Измельченная солома.

постью быстро исчезать и не менѣе быстро появляться на томъ-же мѣстѣ, точно на сценѣ съ провалами. Въ этотъ разъ, провѣривъ посты, онъ сидѣлъ съ ручнымъ фонаремъ и строчилъ приказы по отряду на слѣдующій день...

«И кой чортъ дернулъ этого М—каго подымать въ такую рань, когда ни зги не видно»! проворчалъ чей-то сердитый голосъ близъ фургона, въ которомъ я спалъ.

Дѣйствительно, было только 3 часа утра, а рожокъ трубилъ уже «подъемъ».

Туманъ такъ густо обволокъ всю мѣстность и лагерь, что не было рѣшительно никакой возможности разглядѣть, что дѣлалось передъ глазами.

Шумъ, говоръ, крики верблюдовъ, скоро прогнали остатки утренней дремоты. Отрядъ сталъ выбираться на болѣе ровный путь, оставшійся въ сторонѣ отъ стоянки. Гдѣ-то, очень близко, но въ туманѣ, застучали колеса орудій.

«Стопъ! Дьяволъ»! заоралъ хриплый голосъ.

Орудіе въѣхало въ канаву и глубоко завязло колесами въ грязь. Стали вытаскивать. Вытащили.

Позади что-то грузно шлепнулось на землю. За первымъ паденіемъ, будто по командѣ, слѣдовало еще нѣсколько. Пронесся отчаянный крикъ, не то блеянье. Пять или шесть верблюдовъ, поскользнувшись, упали; двое переломили себѣ ноги. Начали подымать и съ калѣкъ переложили грузъ на здоровыхъ.

Прошло съ добрыхъ три часа, пока просвѣтлѣло. Туманъ рѣдѣлъ и скоро совсѣмъ исчезъ. Въ этотъ день необходимо было сдѣлать перевалъ въ 27 или 30 верстъ до аула Арчманъ.

Характеръ мѣстности, сравнительно съ Атрекской и Михайловской дорогами, значительно измѣнился. Тамъ песчаная голая степь съ тощими кустами сексаула, или

обширная, лоснящаяся, глинистая поверхность, съ бѣлыми полосами солончака, переходящая на горизонтѣ въ миражъ. Здѣсь — картина иная. Пустынный солончакъ остается только съ лѣвой стороны, переходя въ дали въ волнообразные барханы. Справа-же горная цѣпь Копетдага, со множествомъ вѣтвистыхъ отроговъ, поросшихъ мѣстами кустарникомъ. Почвенный грунтъ тверже, перемѣшанъ съ каменьями. Съ горъ пробиваются небольшіе ручьи. Во многихъ мѣстахъ значительныя полосы прошедшей жатвы или слѣды искусственнаго орошенія. Кое-гдѣ деревца и кустарники. Словомъ, видна жизнь, нѣтъ той мертвенности, которая царитъ въ области Балханскихъ горъ.

Наступалъ вечеръ, когда отрядъ подошелъ къ пустой тэкинской крѣпости Арчманъ. Стоянка для лагеря была избрана позади укрѣпленія, на полѣ, прорѣзанномъ въ разныхъ мѣстахъ канавами, изъ которыхъ, судя по значительной влажности, вода была отведена лишь недавно.

Генералъ Петрусевичъ, который нагналъ нашъ отрядъ, отправивши предварительно вторую колонну, взялъ нѣсколько казаковъ и джигитовъ и поскакалъ къ горамъ, гдѣ разсчитывалъ отыскать запрудъ отведеннаго ручья. Дѣйствительно, часа черезъ $1^1/_2$ запрудъ былъ найденъ и уничтоженъ. Въ канавахъ появился быстро текущій ручей, температура воды котораго доходила до 21^0 Р. Вода на вкусъ была довольно пріятная, хотя въ ней и ощущалось слабое присутствіе сѣро-водорода, весьма скоро улетучивавшагося, если подержать воду нѣсколько минутъ въ сосудѣ.

Котелки быстро наполнились драгоцѣнной влагой и началась повсемѣстная варка чая — этого благодѣтельнаго

напитка въ степи, которымъ въ изобилiи былъ снабженъ экспедиціонный отрядъ.

Нѣкоторые изъ солдатъ, соблазнившись теплой водой ручья, не ограничились простымъ умываніемъ, а наскоро расширивши въ разныхъ мѣстахъ канавы, стали съ наслажденіемъ купаться, забывъ и мѣсто, и время года.

Примѣръ оказался заразительнымъ для многихъ. Однако купальщиковъ, во избѣжаніе простудъ, скоро согнали съ импровизированныхъ ваннъ и купаться запретили. Несмотря на это, просьбы, обращенныя къ офицерамъ «о дозволеніи умыть рожу», продолжались еще долго.

На разсвѣтѣ, 28 числа, отрядъ двинулся дальше, не встрѣчая по пути никакого препятствія.

Въ Аулѣ Сунча сдѣланъ былъ кратковременный привалъ для корма верблюдовъ и варки пищи. Поздно ночью отрядъ прибылъ въ аулъ Дурунъ, а на другой день, 29 числа вечеромъ, въ аулъ Келаты, гдѣ находился уже генералъ Скобелевъ съ кавалерійской колонной.

Путь слѣдованія послѣдней былъ хотя и безпрепятственъ со стороны непріятельскихъ нападеній, но крайне утомителенъ и тяжелъ. Вслѣдъ за переходомъ Копетдагскаго хребта, по пути въ сборный пунктъ, кавалерійская колонна наткнулась на шайку тэкинцевъ, гнавшую передъ собою большое стадо барановъ (до 7,000 головъ). Непріятель, ограничившись нѣсколькими выстрѣлами, бросилъ стадо и скрылся по направленію къ Геокъ-Тэпе. Неожиданное пріобрѣтеніе такого количества мяса было весьма пріятно, тѣмъ болѣе, что въ отрядѣ барановъ находилось не много. Дальнѣйшій путь слѣдованія кавалерійской колонны обошелся безъ приключеній, кромѣ одного случая, кончившагося весьма благополучно. Объ немъ старались какъ-то не упоминать и скоро совсѣмъ забыли. Дѣло въ томъ, что

въ ущельи Арвазъ генералъ Скобелевъ отправилъ колонну дальше впередъ, подъ начальствомъ полковника Навроцкаго, а самъ, съ нѣсколькими офицерами штаба и тремя или четырьмя осетинами изъ своего постояннаго конвоя, остался, на короткое время, для просмотра набросковъ пройденнаго пути, предполагая скоро нагнать колонну.

Между тѣмъ, наступалъ вечеръ. Густыя туманныя массы, осѣвшія съ гребня горъ, наполнили все ущелье непроницаемою мглою. Маленькій отрядъ со Скобелевымъ сбился съ пути и сталъ блуждать, розыскивая тропинку, но найти ея не было возможности. Вся почва какъ будто ушла подъ ногами и осталось только облачное море, а въ немъ потонувшіе люди, поминутно наталкивающіеся другъ на друга. Ѣхать дальше, при такихъ условіяхъ, не представлялось возможнымъ; надо было остановиться и что-либо предпринять. На выручку попался джигитъ, оставшійся въ числѣ тѣхъ немногихъ, которые находились при генералѣ. Ему была дана записка къ начальнику охотниковъ, въ которой предписывалось послѣднему: «Спѣшить немедленно съ командой въ ущелье къ тому мѣсту, гдѣ находится генералъ; о своемъ-же приближеніи давать знать выстрѣлами». За доставленіе записки джигиту обѣщано солидное вознагражденіе, причемъ половина вручена ему впередъ.

По всѣмъ сдѣланнымъ предположеніямъ, подпоручикъ Воропановъ съ охотниками долженъ былъ находиться гдѣнибудь въ горахъ, по близости.

Отправивъ джигита, заблудившіеся стали приводить въ извѣстность средства своей обороны. На лицо оказалось: 6 или 7 ружей, нѣсколько револьверовъ и шашекъ, да штуки три кинжаловъ. Правда, немного для защиты отъ разбойничьей шайки, но въ придачу къ этому была еще охрана жизни доблестнаго начальника, на части котораго

лежала честь и боевая слава русскаго знамени. Такого рода придача имѣла способность удвоить силы и энергію.

Привязавъ лошадей и выбравъ изъ себя двухъ очередныхъ часовыхъ, всѣ остальные, присѣвъ на голую, сырую землю, съ терпѣніемъ стали ждать перемѣны своего положенія...

Прошло много часовъ. Леденящій холодъ пронизывалъ до костей, а голодъ еще болѣе давалъ себя чувствовать. Вся провизія и теплое платье были отправлены съ колонной. Нѣсколько сухарей, залежавшихся у кого-то въ сумкѣ, были сейчасъ-же уничтожены. Стали тщательно розыскивать у себя въ карманахъ, ну и конечно, ничего не нашли...

Мгла какъ-будто стала дѣлаться яснѣе—приближался разсвѣтъ, а съ нимъ и утренній вѣтерокъ, по рѣзкій, холодный, моментально превратившій усы и бороды въ ледяныя сосульки...

Прошло еще нѣсколько времени...

Въ рѣдѣющей, туманной пеленѣ, промелькнули тѣни и послышался шорохъ.

«Кто идетъ?» рѣзко прозвучалъ окликъ часового.

Всѣ стояли уже съ оружіемъ на-готовѣ.

«Гдѣ ёпоралъ?» былъ въ отвѣтъ голосъ изъ тумана... Издалека доносилась охотничья пѣсня и раздавались глухіе, отрывистые выстрѣлы.

Спрашивавшіе генерала составляли маленькій авангардъ изъ 4-хъ человѣкъ, посланный Воропановымъ впередъ. Скоро подошла и вся команда, съ начальникомъ своимъ во главѣ. Охотничья команда, стараясь сохранить связь съ кавалерійской колонной, слѣдовала по горамъ почти двое сутокъ безостановочно. Когда-же кавалерійская колонна вошла въ Арвазское ущелье, охотники соби-

рались сдѣлать, близъ него, привалъ для отдыха, но въ это время Воропановъ получилъ записку и, не медля ни минуты, двинулся съ командой и проводникомъ дальше. Пройдя безъ отдыха всю ночь, онъ прибылъ утромъ къ мѣсту назначенія.

Ни одна часть войска въ этой экспедиціи не выносила такого колоссальнаго труда, сопряженнаго съ различными матеріальными лишеніями, сколько выносила эта геройская команда и ея начальникъ.

Несмотря на свои закаленыя мышцы, нѣкоторые изъ охотниковъ въ этотъ разъ были видимо изнурены. Генералъ Скобелевъ приказалъ самымъ усталымъ ѣхать верхомъ, для чего всѣ имѣвшіяся лошади, въ томъ числѣ и бѣлый конь генерала, отданы были въ распоряженіе охотниковъ.

Штабъ и вообще всѣ, находившіеся при Скобелевѣ, отобрали отъ команды: ранцы, сумки и всякія тяжести, которыми и нагрузились. Но съ посадкой на лошадей вышло затрудненіе: на уговоры сѣсть, охотники страшно конфузились и не соглашались, отвѣчая: «Не могимъ-съ». Было приказано. Тогда дѣло уладилось.

Послѣ небольшого отдыха отрядъ двинулся впередъ и скоро вышелъ на дорогу.

Въ Келату былъ посланъ осетинъ съ приказаніемъ отъ генерала—приготовить для охотниковъ обильную пищу; кромѣ этого, командѣ давался цѣлый день отдыха и освобожденіе на это время отъ аванпостной службы.

На другой день прибытія кавалеріи въ аулъ Келату, который, такъ-же какъ и Дурунъ, былъ очищенъ текинцами, туда пришла и колонна подполковника Гайдарова. Вечеромъ тогоже дня генералъ Скобелевъ рѣшилъ, оставивъ резервъ въ Келатѣ, быстро двинуться ночью на текинское укрѣпле-

ніе Егинъ-батырь-калы, находившееся въ 14-ти верстахъ отъ Геокъ-Тэпе, и занять его, какъ временный опорный пунктъ, для дальнѣйшихъ военныхъ операцій.

ГЛАВА XIII.

По диспозиціи командующаго войсками, часть авангардной колонны Гайдарова, въ соединеніи съ кавалерійской, выступала изъ Келаты на Егинъ-батырь-калы ночью, 29 ноября, тремя отдѣленіями:

1-е, изъ команды охотниковъ и роты Красноводскаго мѣстнаго баталіона, подъ начальствомъ капитана Баранка, совершало обходное движеніе горами, со стороны праваго фланга выше названнаго кишлака. Время выступленія ея назначалось въ 10 часовъ вечера.

2-е, состоявшее изъ 6 сотенъ, 2 дивизіоновъ и конногорнаго взвода, подъ начальствомъ полковника князя Эристова, выступало въ 12 часовъ ночи и производило обходное движеніе на пески, съ лѣвой стороны кишлака. При этомъ отдѣленіи слѣдовалъ генералъ Скобелевъ.

3-е, составлявшее фронтальную колонну, изъ 3 ротъ Самурскаго баталіона, полубатареи дальнобойной и взвода казаковъ, подъ начальствомъ полковника Навроцкаго, съ находившимся при немъ генеральнаго штаба капитаномъ Недоманскимъ, двигалось къ кишлаку прямой дорогой. Въ этой колоннѣ находился и мой перевязочный пунктъ. Время выступленія ея въ 12 часовъ ночи.

Всѣ три отдѣленія должны были сойтись у кишлака на разсвѣтѣ.

Оставшійся резервъ, подъ командою подполковника

Гайдарова, выступалъ изъ Келаты въ Егинъ-батырь-калы, на слѣдующій день, 30 ноября, въ 8 часовъ утра.

Въ назначенное время, всѣ отдѣленія колонны, при соблюденіи необходимыхъ предосторожностей, быстро двинулись къ кишлаку и, сдѣлавъ около 20-ти верстъ каждое, на разсвѣтѣ подошли къ Егинъ-батырь-калы. Кишлакъ оказался незанятымъ непріятелемъ. Тэкинцы, повидимому, только-что оставили его. По пути къ кишлаку, кавалерія съ охотниками нагнала небольшую партію тэкинцевъ и отбила у нея до 4,000 барановъ, что съ отбитыми прежде, близъ Келаты, составляло уже 11,000 головъ скота. Все это было сейчасъ-же отдано въ распоряженіе купца Громова, главнаго поставщика верблюдовъ въ экспедиціонномъ отрядѣ.

Кишлакъ Егинъ-батырь-калы, расположенный на небольшой плоской возвышенности, состоялъ изъ многихъ загородей, надъ которыми въ нѣсколькихъ пунктахъ возвышаются три высокія калы, съ башнями по угламъ. Верстахъ въ 14-ти отъ него, по направленію къ пескамъ, черезъ волнистую широкую степь, выступаетъ неясное очертаніе стѣны, съ черпѣющимъ изъ-за нея холмомъ, — это Геокъ-Тэпе. Правѣе отъ него и ближе къ горамъ, виднѣются изгороди и деревья — ближайшее къ Геокъ-Тэпе тэкинское поселеніе — Янги-кала.

По прибытіи отряда, людямъ приказано было варить пищу, а также и розыскивать саманъ, спрятанный непріятелемъ въ неглубокихъ ямахъ. Генералъ Скобелевъ, съ частью драгунъ и нѣсколькими лицами изъ своей свиты, отправился версты на три впередъ, обозрѣвать въ бинокль непріятельскія укрѣпленія.

Между тѣмъ, въ степи, до того времени спокойной, задвигались черныя точки... все больше и больше... Вотъ

онѣ превратились въ цѣлыя группы, быстро приближавшіяся къ занятой нами позиціи... Раздались отдѣльные выстрѣлы,— это была тэкинская кавалерія на своихъ быстроногихъ скакунахъ, желавшая, вѣроятно, взглянуть на насъ поближе, да оттянуть что-либо изъ захваченной нами баранты, которая паслась недалеко отъ кишлака. Въ началѣ на нихъ никто не обращалъ вниманія, будучи занятъ своимъ дѣломъ; но, вотъ, нѣсколько смѣльчаковъ изъ непріятельской кавалеріи врѣзались чуть не въ середину стада и начали поспѣшно угонять, что было подъ рукою. Сейчасъ-же послали имъ на перерѣзъ 20 человѣкъ казаковъ.

Смѣлые наѣздники, повидимому, не хотѣли бросить добычи и оставили ее лишь тогда, когда казаки были уже совсѣмъ близко...Завязалась бѣглая перестрѣлка...Въ стоянку залетали шальныя пули и кого-то угораздило въ щеку, но ранило легко.

Стоявшій, по близости раненаго, казакъ фыркнулъ отъ смѣха и поздравилъ потерпѣвшаго съ тэкинскимъ поцѣлуемъ.

Послѣдовало распоряженіе: раскинуть цѣпь изъ охотничьей команды, чтобы удержать на благородной дистанціи назойливыхъ скакуновъ. Стада загнали въ калу.

— Павелъ Васильевичъ, не спрыснуть-ли? обратился одинъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ къ командиру дальнобойной батареи.

— Что-жъ, пожалуй, можно и спрыснуть,— отвѣчалъ тотъ.

Навели орудіе, вложили шрапнель... «Первое!»

Орудіе грохнуло... Съ рѣзкимъ визгомъ прогудѣла удалявшаяся граната и скоро пыхнула бѣлымъ дымкомъ высоко надъ группою двигавшихся точекъ, которыя быстро раздались въ стороны.

«Второе!..» Первое!..» и пошли катать, пока прискакав-

шій ординарецъ генерала Скобелева не объявилъ, что командующій войсками приказалъ беречь снаряды и расходовать ихъ только въ случаяхъ крайней надобности. Тогда спрыскиваніе закончилось; только охотники продолжали еще долго перестрѣливаться и одного изъ текинцевъ чуть не поймали живьемъ.

Къ вечеру подошелъ съ резервомъ и подполковникъ Гайдаровъ.

Занявъ Егинъ-батырь-калы, генералъ Скобелевъ сталъ тотчасъ-же приводить ее въ строго-оборонительное положеніе, такъ какъ въ ней предполагалось сосредоточить запасы довольствія, артиллерійскій и инженерный парки, и т. д.

На слѣдующій-же день, 1-го декабря, бо́льшая часть войска, не исключая и казаковъ, принялась за возведеніе люнетовъ на разныхъ фасахъ позиціи; ближайшій холмъ, выступавшій отдѣленно на нѣсколько десятковъ сажень отъ кишлака, преобразовали въ редутъ. Весь кишлакъ былъ распланированъ на нѣсколько отдѣленій для различныхъ частей войска, которое должно было скоро стянуться сюда. Центральная кала выбрана складочнымъ мѣстомъ для артиллерійскихъ запасовъ. На одной изъ башень ея уже развѣвался россійскій Императорскій флагъ и, съ момента поднятія его, укрѣпленіе Егинъ-батырь-калы переименовалось въ «Самурское» — въ честь перваго, запявшаго его, баталіона. Въ виду-же скорой рекогносцировки Геокъ-Тэпе, приказано было развернуть лазаретъ Самурскаго баталіона на 20 мѣстъ, сформированный Краснымъ Крестомъ. Кромѣ этого лазарета и перевязочнаго пункта Краснаго Креста *).

*) Перевязочный пунктъ былъ разбитъ въ первый день занятія кишлака и состоялъ: изъ нѣсколькихъ наметовъ, склада вещей, перевязочныхъ средствъ. 8-ми одноколокъ, нѣсколькихъ фургоновъ и санитарнаго персонала.

въ отрядѣ вторженія матеріальной помощи со стороны военно-медицинскаго вѣдомства не существовало.

Предвидя возможность такой неурядицы и не придавая практическаго значенія многорѣчивымъ обѣщаніямъ кавказскаго медицинскаго инспектора, оказавшимся, въ дѣйствительности, пусторѣчивыми, генералъ Петрусевичъ обратился въ Красный Крестъ еще раньше, до выступленія отряда, съ просьбою — организовать какъ вышесказанный лазаретъ для Самурскаго баталіона, такъ и сто запасныхъ мѣстъ для передового лазарета, который долженъ былъ быть отправленнымъ съ послѣдующими колоннами. Просьба Петрусевича была немедленно исполнена.

ГЛАВА XIV.

По приведеніи занятой позиціи въ оборонительное положеніе и по приходѣ изъ Бами слѣдующей колонны, командующій войсками назначилъ, на 4-е декабря, рекогносцировку южнаго и западнаго фронтовъ укрѣпленій Геокъ-Тэпе, съ цѣлью — дополнить имѣвшіяся уже свѣдѣнія, добытыя первой рекогносцировкой 6-го іюня и узнать приблизительно численность непріятеля, о которомъ получались весьма разнообразныя извѣстія. По сообщенію однихъ лазутчиковъ, — тэкинцы собрались въ Геокъ-Тэпе со всего оазиса въ числѣ 40,000; другіе утверждали, что ихъ не болѣе 25,000. Нѣкоторые присоединяли къ послѣднему числу и мервскую кавалерію, въ количествѣ 5,000 человѣкъ. Въ общей сложности, непріятеля считали до 30,000, и т. д.

Диспозиціей, данной генераломъ Скобелевымъ 3-го декабря, рекогносцировочный отрядъ въ составѣ 7 ротъ,

команды охотниковъ, 3-хъ сотенъ, 16-ти орудій и роты саперъ *), т. е., всего: пѣхоты — 1,040 штыковъ, кавалеріи — 337 сабель и артиллеріи — 120 сабель,—долженъ былъ выступить изъ Самурскаго укрѣпленія 4-го декабря, въ 5 часовъ утра. При отрядѣ геліографная команда, съ двумя станками, подъ командою поручика Петникова, и перевязочный пунктъ Краснаго Креста.

Было еще довольно темно, когда отрядъ, выйдя частями изъ укрѣпленія, сталъ выстраиваться въ резервный порядокъ, фронтомъ къ Геокъ-Тэпе. Пѣхота въ колоннахъ изъ середины, имѣя позади себя артиллерію по 4 орудія; на правомъ флангѣ — саперную роту, впереди — команду охотниковъ и на лѣвомъ флангѣ — кавалерію. Скоро появился и генералъ Скобелевъ.

Объѣхавъ войска и поздоровавшись съ ними, генералъ отдалъ приказаніе двинуться, а самъ, окруженный ординарцами и неразлучнымъ конвоемъ изъ осетинъ, среди которыхъ развѣвался его значокъ, поѣхалъ впередъ отряда, въ сопровожденіи начальника штаба, полковника Иванова **).

Отрядъ медленно вытянулся вдоль горъ, по дорогѣ къ кишлаку Янги-Кала, лежавшему на южномъ фронтѣ Геокъ-Тэпе.

Утро стояло холодное, но безвѣтренное. Прозрачный

---

*) 13, 14 и 15 роты 4 бат. 81 пѣх. Апшер. полка, подъ командою князя Магалова; 1, 2, 3 и 4 роты 81-го пѣх. Шир. полка, подъ командою подполк. Гогоберидзе; охотничья команда подпоручика Воропанова; полсотни 3-й сотн. и 5-я сотн. Там. полка; полсотни 2-й сотн. и 3-я сотн. Оренб. № 5 полка; полуб. 4 бат. 20 арт. бриг., 3-я бат.; морскія картечницы и рота саперъ.

**) Полковникъ Ивановъ замѣнялъ временно отсутствовавшаго начальника штаба, генерала Гродекова, который еще не возвратился изъ Персіи.

чистый воздухъ дѣйствовалъ на нервы возбуждающимъ образомъ. Солдаты шли бодро и весело, втихомолку перекидываясь словами. Кругомъ — тишина, нарушаемая равномѣрнымъ маршемъ и глухимъ стукомъ колесъ орудій по мягкому грунту...

Легкая краснота на горизонтѣ багровѣла... Подулъ холодный вѣтерокъ, предвѣстникъ близкаго восхода солнца, которое скоро выглянуло изъ-за горизонта, заливъ лучами всю окрестность.

Отрядъ прошелъ уже верстъ шесть. Сдѣлали небольшую остановку.

На одномъ изъ холмовъ быстро очутились 2 треножника, съ маленькими круглыми металлическими зеркалами, возлѣ которыхъ суетился Петниковъ. Тутъ-же стоялъ и генералъ Скобелевъ. Вдали, со стороны Егинъ-батырькалы, блеснула яркая звѣздочка... Геліографное сообщеніе установилось. Необходимо было предупредить подполковника Гайдарова, оставшагося съ нѣсколькими ротами, въ качествѣ коменданта, въ Самурскомъ укрѣпленіи, о появленіи въ пескахъ непріятеля, двигавшагося въ сторону названнаго укрѣпленія. Онъ замѣченъ былъ нашими джигитами, которые дали знать тотчасъ-же генералу.

Минутъ черезъ 10, двинулись дальше.

Охотничья команда раскинута была вдоль, впереди фронта отряда и на его флангахъ. Предполагалось дойти до рѣчки Секизъ-Ябъ, вытекавшей изъ горъ, по ущелью, въ Янги-кала. Съ этого мѣста должно было произвести съемку...

Вдругъ донесся пушечный выстрѣлъ; черезъ нѣкоторый промежутокъ времени — другой. Это были сигналы тревоги, даваемые текинцами съ холма Геокъ-Тэпе. Непріятеля, однако, не было еще видно.

Отрядъ находился уже въ 2-хъ верстахъ отъ Секизъ-Яба. Приказано было строиться въ боевой порядокъ: каждый баталіонъ въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ; артиллерія въ резервѣ, по 4 орудія въ колоннѣ; между ротами первой линіи каждаго изъ баталіоновъ — двѣ морскія картечницы. За артиллеріей слѣдовали саперы и одноколки Краснаго Креста. Кавалерія построилась на лѣвомъ флангѣ, причемъ начальнику кавалеріи, полковнику Моренгильду, приказано: въ случаѣ появленія непріятеля въ тылу, разсыпать кавалерійскую цѣпь и сомкнуться съ цѣпью охотниковъ. Джигиты посланы въ стороны для развѣдокъ.

Впереди раздались отдѣльные выстрѣлы... Отрядъ подошелъ къ Секизъ-Ябу. Съ этого мѣста открывался кишлакъ Янги-Кала, прорѣзанный множествомъ изгородей, съ разбросанными между ними башнями и маленькими каламн. Все это было усѣяно тэкинцами. Позади Янги-Калы виднѣлась крѣпость Геокъ-Тэпе, откуда, по направленію къ первой, быстро двигались непріятельская кавалерія и пѣхота.

Ружейный огонь со стороны непріятеля все усиливался и перешелъ, наконецъ, въ непрерывный грохотъ.

Артиллерія наша, занявъ возвышенную позицію, открыла по непріятелю огонь шрапнелью. Офицеры корпуса топографовъ, помѣстившись на выдающихся мѣстахъ, быстро производили съемку. Что-же касается до генерала Скобелева, то онъ расположился на холму, близъ цѣпи, занявъ, такимъ образомъ, самый передовой пунктъ, откуда производилъ наблюденіе.

Между тѣмъ, стало замѣтно подкашивать больше на правомъ флангѣ. Одноколки то и дѣло подъѣзжали къ раненымъ. Двое изъ конвоя у генерала были уже убиты.

Охотники, разгорячившись, бросились-было на изгороди, но имъ приказали успокоиться и не ввязываться въ дѣло.

Прошло около часу. Съемку окончили. Отряду приказано было, въ виду рекогносцировки западнаго фронта Геокъ-Тэпе, перестроиться и наступать, въ боевомъ порядкѣ, по направленію къ одиноко-стоящей калѣ впереди этого фронта, стараясь притомъ держаться внѣ ружейныхъ выстрѣловъ со стѣны крѣпости.

Лишь только отрядъ двинулся по новому направленію, какъ масса тэкинцевъ стремительно бросилась обратно въ крѣпость, другая-же часть стала нападать на тылъ и флангъ отряда. Для удержанія ихъ вызваны были наѣздники отъ кавалеріи.

Поровнявшись съ холмомъ Геокъ-Тэпе, находившимся внутри крѣпости, отрядъ былъ остановленъ въ лощинѣ. Артиллерія, ставъ на позицію, открыла учащенный огонь по внутренности крѣпости.

Для испытанія навѣсной ружейной стрѣльбы по закрыто-стоящему непріятелю, генералъ Скобелевъ вызвалъ Ширванскій баталіонъ и, объяснивъ ему практическое значеніе навѣснаго огня, повелъ солдатъ, подъ градомъ пуль, къ стѣнамъ крѣпости. При этомъ баталіономъ сдѣлано было три послѣдовательныхъ залпа.

Рекогносцировка западнаго фронта длилась сравнительно недолго и скоро была окончена.

Отряду приказано повернуть обратно на Егинъ-батыръ-калы.

Приближался вечеръ. Тэкинская кавалерія насѣдала съ разныхъ сторонъ все тѣснѣе и тѣснѣе. Орудія поминутно снимались съ передковъ, удерживая натискъ картечью. Въ ходъ пошли уже сосредоточенные залпы.

Свистъ пуль, косившихъ по всѣмъ направленіямъ, грохотъ ружей и орудій, веселый маршъ ширванцевъ, съ дружнымъ хоромъ пѣсенниковъ,— все это вмѣстѣ возбуждало какое-то опьяненіе... Генералъ Скобелевъ находился безотлучно въ цѣпи.

Наступила ночь.

Бѣлесоватый свѣтъ луны, освѣщая мѣстность, обманчиво сокращалъ разстояніе. Отрядъ стройно, какъ на маневрахъ, окруженный облаками порохового дыма, подвигался къ опорному бивуаку. Вдругъ стемнѣло и все, неожиданно, погрузилось въ глубокій мракъ, будто провалилось въ исполинскую бездну и замерло въ гробовомъ молчаніи. Прошло нѣсколько мгновеній... могильная тишина смѣнилась бѣшеными порывами вихря, закружившаго въ песчаный смерчъ все: лошади въ ужасѣ рванулись въ стороны, люди перемѣшались... Это было лунное затмѣніе...

... Опять звуки ширванскаго марша, снова хоръ пѣсенниковъ, но ужъ безъ акомпанемента ружейнаго грохота. Вдали замерцали огни — это сигнальные костры изъ сексаула, разставленные Гайдаровымъ впереди Самурскаго укрѣпленія, куда скоро пришелъ и отрядъ.

Раненыхъ, числомъ 23, помѣстили въ лазаретъ. Надъ убитыми поставили караулъ и на другой день, съ похоронным маршемъ, опустили ихъ въ могилы, до которыхъ несли попеременно генералъ Скобелевъ, вмѣстѣ съ солдатами.

Рекогносцировка достаточно убѣдила, что непріятель не имѣетъ намѣренія упорно оборонять кишлакъ Янги-Кала, а сосредоточиваетъ центръ своего сопротивленія въ въ крѣпости Геокъ-Тэпе и что численность его превышаетъ 25,000.

ГЛАВА XV.

Время рѣшительныхъ дѣйствій приближалось. Войска прибывали съ каждымъ днемъ. Приходили и верблюжьи транспорты съ довольствіемъ. Подъѣхали также различныя части полеваго управленія: казначейство, почта, контроль и т. п. Впослѣдствіи многіе изъ нихъ неоднократно каялись, зачѣмъ только понесла ихъ нелегкая въ Закаспійскій край. Появились маркитанты съ лавченками и нѣсколько персовъ, спеціально занимавшихся приготовленіемъ мучныхъ лепешекъ на бараньемъ салѣ, которыя у нихъ моментально разбирались. Словомъ, лагерь сталъ какъ-то проникаться духомъ мирныхъ гражданъ.

Кто-то изъ очень запасливыхъ гражданскихъ чиновъ прихватилъ съ собою изъ Бами даже ломберный столъ, что дало возможность устраивать винтъ... Однако, этому невинному развлеченію пришлось существовать не долго, благодаря сильной назойливости тэкинскихъ наѣздниковъ, которые, въ одну изъ ночей, произвели такую шумную демонстрацію на лагерь, пробивъ въ немъ пулями верхушки нѣсколькихъ юломеекъ, что на другой день нельзя уже было узнать веселыхъ «самурскихъ» гражданъ. Оживленіе куда-то исчезло и на лицахъ явилась озабоченность. Нѣкоторые стали поспѣшно переносить свои юломейки вплотную къ стѣнамъ или-же втискивали ихъ между кулями съ овсомъ, пытливо осматривая при этомъ новое положеніе своего обиталища съ окружающей мѣстностью. Послѣ этой злополучной ночи, составленіе партіи въ винтъ встрѣчало большія затрудненія, а если и устраивалось, то съ наступленіемъ темноты, когда требовались свѣчи, игра

быстро прекращалась, во избѣжаніе привлечь на огонь зоркіе глаза тэкинцевъ.

Было бы, однако, несправедливо сказать, чтобы уже всѣ гражданскіе чины выказывали такую щепетильную озабоченность о своихъ особахъ. Между ними находились и менѣе заботливые. Напримѣръ, одинъ изъ чиновниковъ, обладавшій штуцеромъ и большимъ запасомъ коньяку, имѣлъ такую безмятежную наружность «широкой русской натуры», и разсказы его о русско-турецкой войнѣ, гдѣ онъ былъ не только очевидцемъ, но зачастую и участникомъ, были полны такихъ ужасовъ, что, казалось, для него еще не создана та опасность, которая могла бы родить не только чувство страха, но и даже просто ощущеніе неловкости.

«Погодите, господа, это что еще; даже не цвѣточки, а только листья, а вотъ какъ пойдутъ ягоды — вотъ когда вы затанцуете. Я уже много и видалъ, и слышалъ, и Скобелева знаю хорошо», — говаривалъ не разъ «чиновникъ со штуцеромъ» въ кругу гражданскихъ обывателей, у которыхъ, несмотря на вытянутыя и печальныя физіономіи, появлялась саркастическая улыбка, точно они сомнѣваются въ правдивости разсказчика и давно привыкли къ его разглагольствованіямъ.

11-го числа, утромъ, джигиты-развѣдчики принесли извѣстіе, что, будто бы, тэкинцы массами уѣзжаютъ на верблюдахъ изъ крѣпости, по направленію къ Мерву. Извѣстіе это весьма успокоительно подѣйствовало на сильно бьющіяся сердца «самурскихъ гражданъ». Но, увы! не на долго. Генералъ Скобелевъ рекогносцировкой того-же дня и слѣдующаго, 12-го числа, убѣдился, что численность непріятеля не только не уменьшилась, но даже еще увеличилась прибывшей мервской кавалеріей, которая была ошибочно принята джигитами за удалявшихся тэкинцевъ. Въ

эту послѣднюю рекогносцировку, въ свитѣ генерала Скобелева былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ плеча, докторъ Малышевскій, находившійся въ цѣпи подлѣ генерала. Раненаго, по причинѣ сильнаго раздробленія кости, несли до самаго укрѣпленія на носилкахъ. Потеря въ людяхъ была больше, нежели въ рекогносцировку 4-го декабря, благодаря многочисленной непріятельской кавалеріи, сильно насѣдавшей на нашъ маленькій отрядъ.

По прибытіи въ укрѣпленіе, всѣхъ раненыхъ помѣстили въ лазаретъ Самурскаго баталіона, который накануѣ былъ опорожненъ отъ находившихся въ немъ прежнихъ раненыхъ,—эвакуаціей послѣднихъ въ Бамійскій госпиталь.

Съ наполненіемъ Самурскаго лазарета, увеличеннаго еще палаткой съ носилками отъ перевязочнаго пункта, больничныхъ мѣстъ для передоваго отряда болѣе не имѣлось. Въ этотъ критическій моментъ на выручку явился главноуполномоченный Краснаго Креста, князь С. Шаховской, прибывшій въ Самурское укрѣпленіе 12-го числа, вечеромъ, который привезъ съ собою: перевозочный транспортъ (одноколки и фургоны), лазаретъ на 250 мѣстъ для передоваго отряда и запасный складъ вещей для лазарета и перевязочныхъ пунктовъ. Помимо этого, проѣхавъ по новой коммуникаціонной линіи, главноуполномоченный Краснаго Креста устроилъ на постахъ медицинскіе околодки съ маленькими складами и поставилъ еще два небольшихъ лазарета.

Помощь, оказанная княземъ Шаховскимъ, явилась, какъ манна небесная, въ самыя критическія минуты.

Куда исчезли дивизіонные лазареты *), которые должны были составить передовой лазаретъ? Остались-ли они на за-

*) 19-ой и 21-ой пѣх. дивизій.

падномъ берегу, или затерялись гдѣ-нибудь въ степи — объ этомъ никто не зналъ, а тѣмъ менѣе отрядный врачъ Гейфельдеръ, пріѣхавшій въ Самурское укрѣпленіе спустя нѣсколько дней послѣ князя Шаховскаго.

Чуждый интересовъ того вѣдомства, въ которомъ онъ служилъ и поглощенный другими занятіями, въ родѣ изученія слабыхъ сторонъ генерала Скобелева или заботой о производствѣ своемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники «для пользы дѣла», отрядный врачъ провелъ совершенно безполезно почти 4 мѣсяца своего пребыванія въ Закаспійскомъ краѣ, до начала наступательныхъ дѣйствій.

Несмотря на очевидную несостоятельность въ дѣлѣ, представителемъ котораго онъ являлся, отрядный врачъ все-таки не терялъ своего гонора и пускался на всевозможныя средства, подъ общимъ названіемъ «ловить рыбу въ мутной водѣ», для поддержанія своего престижа. Описаніе ихъ *), какъ мало интересныхъ для читателя, я оставляю въ сторонѣ. Невольно рождался вопросъ: чѣмъ-же руководствовалось кавказское военно-медицинское вѣдомство при назначеніи на такой важный и отвѣтственный постъ, какъ мѣсто главнаго врача экспедиціоннаго отряда, подобнаго эскулапа? По счастью, однако, личность, въ родѣ отряднаго врача, являлась почти исключеніемъ. Весь остальной военно-медицинскій персоналъ съ полнымъ геройствомъ и самоотверженіемъ исполнялъ свою трудную задачу. Особенно выдѣлялись врачи при частяхъ войскъ, подвергавшіе свою жизнь одинаковой опасности, наравнѣ съ солдатами.

Вмѣстѣ съ отряднымъ врачемъ, въ Самурское укрѣпленіе доставленъ былъ и полугоспиталь, долженствовавшій служить первымъ эвакуаціоннымъ госпиталемъ опорнаго

*) Объ этихъ средствахъ существуютъ оффиціальные документы.

пункта. Скудныя средства его были пополняемы складомъ Краснаго Креста.

Прибылъ, наконецъ, изъ форта Александровска на Аму-Дарьѣ, прямо въ Самурское, и полковникъ (теперь генералъ) А. Н. Куропаткинъ, сдѣлавшій въ 22 дня 673 версты по необозримому солончаку, рискуя не только заблудиться, но и совершенно исчезнуть въ невѣдомой пустынѣ, по которой рыскали только дикіе кочевники. Отрядъ его состоялъ изъ 2-хъ ротъ, $2^1/_2$ сотенъ и 2-хъ орудій.

Пріѣзда Куропаткина генералъ Скобелевъ ожидалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, цѣня въ немъ не только храбраго, высоко-талантливаго офицера, но и смотря на него, какъ на правую руку всѣхъ своихъ военныхъ начинаній. Въ отрядъ возвратился также и начальникъ штаба, генералъ Гродековъ, исполнившій въ Персіи возложенное на него порученіе. Ожидался только приходъ послѣдней колонны войска.

Для ознакомленія начальниковъ частей съ мѣстомъ, на которомъ имъ придется вскорѣ дѣйствовать, генералъ Скобелевъ назначилъ 18-го числа практическое чтеніе диспозиціи вблизи непріятельской крѣпости, для чего имъ взята была только кавалерійская колонна. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Скобелева, находился изъ любознательности, между прочими, и начальникъ военныхъ сообщеній, генералъ-лейтенантъ Анненковъ. Послѣ окончанія кратковременной рекогносцировки, когда Скобелевъ собирался возвратиться обратно въ Самурское, непріятельская конница стала упорно насѣдать на отрядъ, осыпая его пулями по всѣмъ направленіямъ. Одна изъ нихъ зацѣпила генерала Анненкова въ руку, но легко, такъ что раненія въ дѣйствительности не было, а былъ скорѣе ушибъ, не требовавшій, въ первое время, даже перевязки, а лишь двѣ рюмки

краснаго портвейну, до котораго потерпѣвшій генералъ былъ великій охотникъ. Ушибъ вражьей пулей, надо полагать, былъ настолько силенъ, что генералъ Анненковъ въ послѣдствіи долго носилъ руку на повязкѣ.

Къ 19-му числу всѣ войска стянулись къ опорному пункту (Самурское укр.), запасы довольствія также.

Численность отряда вторженія къ этому времени была нѣсколько меньше предполагаемой въ началѣ. Отрядъ состоялъ: изъ 35 ротъ и 3 командъ, т. е., 3,240 штыковъ, 11½ сотенъ, т. е., 1,045 сабель и 71 орудія. Довольствія на 2 мѣсяца, въ количествѣ 54,318 пудовъ.

Наступилъ моментъ рѣшительныхъ дѣйствій.

ГЛАВА XVI.

Въ основѣ плана общей аттаки Геокъ-Тэпе лежало первоначальное занятіе кишлака Янги-калы, долженствовавшаго служить исходнымъ и опорнымъ пунктомъ осады, для постепенной аттаки непріятельской крѣпости.

20-го декабря, войска дѣйствующаго отряда, въ 7 часовъ утра, построились передъ фронтомъ Самурскаго укрѣпленія, раздѣлившись на 3 части.

Торжественная минута освящалась скромнымъ молебномъ.... Ряды вскорѣ заволновались... Командующій войсками, медленно объѣзжая части войскъ, поздравлялъ ихъ съ наступающимъ боемъ.

Объѣхавъ войска и сказавъ послѣднее слово начальникамъ частей, генералъ Скобелевъ отдалъ приказаніе «выступать».

Первою двинулась вдоль горъ, къ ручью Секизъ-Ябъ, штурмовая колонна полковника Куропаткина, въ составѣ:

8¹/₄ ротъ, 2-хъ сотенъ, 10-ти орудій и 2-хъ ракетныхъ станковъ. При колоннѣ—перевязочный пунктъ Краснаго Креста, завѣдуемый мною. Задача Куропаткина заключалась въ аттакѣ юго-восточной окраины Янги-калы.

Спустя полчаса, должна была выступить колонна полковника Козелкова, въ составѣ: 8¹/₂ ротъ, 3-хъ командъ *) и 10-ти орудій. Они вели аттаку на сѣверную окраину Янги-калы. Съ этою-же колонной, подъ личнымъ наблюденіемъ командующаго войсками, выступали и главныя силы, въ составѣ: 18¹/₂ ротъ, 7-ми эскадроновъ и сотенъ и 32-хъ орудій. Направленіе главныхъ силъ было на крайній пунктъ лѣваго фаса сѣверной окраины кишлака, гдѣ находилась непріятельская кала, названная «Опорное». Какъ при колоннѣ Козелкова, такъ и при главныхъ силахъ, находились перевязочные пункты Краснаго Креста и военно-медицинскаго вѣдомства.

За войсками слѣдовали: инженерный паркъ, лазаретъ Самурскаго баталіона на 20 мѣстъ, передовой лазаретъ Краснаго Креста на 150 мѣстъ и при немъ одноколки, фургоны и скады Краснаго Креста.

Въ Самурскомъ укрѣпленіи оставались: 2 роты, 2 сотни и 19-ти орудій. Комендантомъ его назначенъ былъ войсковой старшина Верещагинъ.

Колонна Куропаткина, въ своемъ движеніи до ручья Секизъ-Ябъ, сначала ограничивалась незначительной перестрѣлкой въ цѣпи, усилившейся во время переправы черезъ ручей, обрывистые берега котораго быстро соединили небольшимъ мостикомъ изъ взятыхъ съ собою фашинъ, лѣстницъ и пустыхъ зарядныхъ ящиковъ. Артиллерія, переправившись изъ первыхъ, немедленно заняла позицію и

*) Осинина, Моряковъ и охотничья эсаула Церенталова.

открыла усиленный огонь шрапнелью по непріятелю, наполнявшему изгороди и башни аттакованнаго кишлака. Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, зайдя правымъ плечомъ впередъ, колонна перешла въ наступленіе...

Густой огонь непріятеля сталъ ослабѣвать... Онъ дрогнулъ и массы его быстро задвигались обратно въ Геокъ-Тэпе.

На сѣверо-западной окраинѣ Янги-калы забѣлѣли густые клубы дыма, изъ которыхъ доносился рѣзкій гулъ орудійныхъ залповъ: это была аттака сѣверной окраины кишлака и калы «Опорное» — лѣво-фланговой колонной Козелкова.

Часть тэкинской кавалеріи и часть пѣхоты оставались еще въ кишлакѣ и укрывались въ аррыкахъ, продолжая отстрѣливаться... Но, вотъ и онѣ бросились въ разсыпную въ крѣпость. На перерѣзъ имъ неслись двѣ сотни Таманскаго полка, подъ предводительствомъ войсковаго старшины графа Орлова-Денисова... Столкнулись... до 40 человѣкъ изрубили, остальные спаслись въ крѣпость.

Обѣ колонны быстро занимали уже кишлакъ, заходя съ юга и съ сѣвера, и скоро соединились между собой. Минутъ черезъ 20 къ нимъ присоединились и главныя силы.

Кишлакъ Янги-калы былъ взятъ однимъ изъ тѣхъ красивыхъ штурмовъ, которые удается видѣть только на маневрахъ.

Предположеніе генерала Скобелева, относительно незначительныхъ потерь, оказалось вѣрнымъ. На правомъ флангѣ — 12 раненыхъ; на лѣвомъ — 5 раненыхъ и одинъ убитый.

По занятіи кишлака, обѣ колонны, съ артиллеріей и кавалеріей, расположились на сѣверной окраинѣ его, въ

950 саженяхъ отъ стѣнъ непріятельской крѣпости, противъ исходящаго угла ея, кавалерія при этомъ стала на крайнемъ правомъ флангѣ; лѣвѣе ея — колонна полковника Куропаткина; на лѣвомъ флангѣ — колонна Козелкова, между обѣими колоннами стала артиллерія. Главныя силы расположились позади, занявъ часть изгородей и двѣ калы внутри кишлака.

Въ обезпеченіе лѣваго фланга, калу «Опорное» привели въ оборонительное положеніе и помѣстили въ ней одну роту и два орудія.

Впереди фронта расположенія стали немедленно рыть ложементы для секретовъ и постовъ и, вообще, занялись укрѣпленіемъ позиціи. Ставка генерала Скобелева устроена была впереди, недалеко отъ ложементовъ.

Внутри бивуачной стоянки шла также дѣятельная работа надъ установкой лазарета, склада и обоза Краснаго Креста, возлѣ которыхъ хлопоталъ кн. Шаховской со своимъ персоналомъ.

Ночь прошла въ перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, насѣдавшимъ особенно сильно на лѣвый флангъ и калу «Опорное».

На другой день, 21-го декабря, установили геліографное сообщеніе съ Самурскимъ укрѣпленіемъ, куда отправили фургонный транспортъ и артиллерійскихъ лошадей, за различными войсковыми тяжестями и оставшимися орудіями. Въ прикрытіе транспорта даны были: одинъ баталіонъ Ширванскаго полка, 2 сотни и 2 орудія. Одновременно съ фургоннымъ транспортомъ, но въ другую сторону, для рекогносцировки сѣвернаго и восточнаго фронтовъ крѣпости, отправлена была кавалерійская колонна изъ 6-ти сотенъ и 2-хъ орудій, подъ начальствомъ генерала Петрусевича, съ которымъ поѣхалъ также и начальникъ

инженернаго парка, подполковникъ Рутковскій, съ 3-мя офицерами корпуса топографовъ; послѣдніе для съемки окрестностей.

Движеніемъ этимъ, кромѣ рекогносцировки, имѣлось также въ виду отвлечь вниманіе непріятеля отъ посланнаго транспорта.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда Петрусевича, съ сѣверо-восточной стороны непріятельской крѣпости стала доноситься усиленная ружейная перестрѣлка. Повидимому, между кавалерійской колонной и непріятелемъ завязался горячій бой. Тотчасъ-же, на поддержку Петрусевича, двинулись: одинъ баталіонъ, сотня и 4 орудія, во главѣ съ генераломъ Скобелевымъ, вдоль западнаго фронта крѣпости. Оба отряда соединились близъ тэкинскаго кладбища, противъ сѣверо-западнаго угла. Потеря наша состояла изъ пяти раненыхъ и одного убитаго.

Результаты рекогносцировокъ, какъ настоящей, такъ и, кромѣ того, произведенной въ этотъ-же день инженерами рекогносцировки южнаго фронта — дали возможность генералу Скобелеву избрать, для аттаки крѣпости, юго-восточный уголъ ея.

Однако, прежде чѣмъ начать осадныя работы, необходимо было обезпечить правый флангъ аттаки опорными пунктами, точно такъ-же, какъ это было сдѣлано на лѣвомъ (кала «Опорное»).

Съ этою цѣлью полковникъ Куропаткинъ получилъ приказаніе: овладѣть двумя непріятельскими калами *), находившимися на крайнемъ правомъ флангѣ.

Раннимъ утромъ, 22-го декабря, небольшой отрядъ, въ составѣ: 1-го баталіона Ширванскаго полка, 2-хъ орудій,

*) На планѣ: Ольгинская и Правофланговая.

2-хъ морскихъ картечницъ и 1/2 сотни казаковъ, съ геліографнымъ станкомъ и перевязочнымъ пунктомъ, завѣдуемымъ мною, быстро двинулся къ вышеназваннымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ.

Первое изъ нихъ, «Ольгинская кала», было не занято тэкинцами. Въ немъ оставили часть казаковъ.

Со втораго — Право-фланговой калы — непріятель открылъ перестрѣлку, но, скоро очистивъ ее, отступилъ въ сады, за изгороди и въ небольшую калу, находившуюся противъ сѣверо-восточнаго угла крѣпости.

Овладѣвъ калой и поставивъ орудія и картечницы впереди ея, полковникъ Куропаткинъ сталъ обстрѣливать непріятеля на занятой имъ позиціи (около 600 шаговъ), изъ которой тэкинцы, въ свою очередь, открыли бѣглый ружейный огонь.

Для защиты отъ пуль—людей, лошадей и перевязочный пунктъ помѣстили за стѣной и на одной изъ башенъ калы сейчасъ-же установили геліографное сообщеніе съ Янги-калы.

Желая подробнѣе ознакомиться съ характеромъ мѣстности впереди занятой калы, по направленію къ крѣпости, а также и съ позиціей непріятеля, Куропаткинъ для этой рекогносцировки потребовалъ геліограммой немедленной присылки 2-хъ сотенъ: Оренбургской и Уральской, входившихъ въ составъ его Туркестанскаго отряда.

Съ прибытіемъ вызванныхъ частей и послѣ достаточнаго обстрѣливанія артиллерійскимъ огнемъ непріятельской позиціи, приказано было Оренбургской сотнѣ занять мѣсто сѣвернѣе Право-фланговой калы, а двумъ ротамъ ширванцевъ, подъ начальствомъ подполковника Гогоберидзе, двинуться съ фронта на сады и калу.

Лишь только роты прошли половину разстоянія до мѣ-

ста, занимаемаго непріятелемъ, какъ Оренбургская сотня, поскакавъ впередъ, огибала уже непріятельскую позицію съ сѣвера,— мѣсто ея заняла Уральская сотня; въ этотъ моментъ, ширванцы, съ крикомъ: ура! — бросились въ штыки... Оренбургцы уже были въ садахъ и залѣзли въ калу. Непріятель бѣжалъ. Одного тэкинца все-таки удалось поймать живымъ.

Въ калѣ и садахъ найдены были значительные запасы пшеницы, клеверу и саману, что́ составляло весьма пріятную находку для кавалеріи, терпѣвшей недостатокъ въ фуражѣ. Казакамъ приказано было забрать всего столько, сколько можно нагрузить на лошадь. Затѣмъ отрядъ вернулся обратно въ Право-фланговую калу, но не успѣлъ еще дойти до нея, какъ былъ раненъ въ ногу подполковникъ Гогоберидзе.

Потеря наша, кромѣ Гогоберидзе и раненаго въ ногу сотника Кременцова, состояла еще: въ трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ и въ двухъ, незвѣстно куда пропавшихъ, казакахъ. Предполагали, что бѣдняки попались въ плѣнъ.

Назначивъ комендантомъ Право-фланговой калы командира пѣхоты Туркестанскаго отряда, маіора Богаевскаго, и оставивъ въ его распоряженіи баталіонъ ширванцевъ, орудія и картечницы, полковникъ Куропаткинъ, вмѣстѣ съ двумя сотнями казаковъ, возвратился обратно въ Янги-калы.

ГЛАВА XVII.

Овладѣвъ опорными пунктами для аттаки праваго фланга, генералъ Скобелевъ отдалъ приказаніе на 23 декабря — приступить къ открытію 1-й параллели, въ 500

саженяхъ отъ крѣпости, противъ юго-восточнаго угла ея. Правый флангъ траншейныхъ работъ подчиненъ былъ полковнику Куропаткину, а лѣвый — полковнику Козелкову. Для производства этихъ работъ назначалось 1,250 человѣкъ изъ разныхъ баталіоновъ. Вмѣстѣ съ этимъ, имѣя въ виду большой запасъ фуража, найденнаго Куропаткинымъ въ непріятельскихъ садахъ и крѣпости, генералъ Скобелевъ хотѣлъ занять ихъ и перевести туда кавалерію. Исполненіе этого дѣла поручено было генералу Петрусевичу, какъ уже знакомому съ тою мѣстностью, послѣ рекогносцировки 21-го числа. Съ этою цѣлью, кавалерійскій отрядъ въ составѣ: 1-го и 2-го эскадроновъ 16-го Тверскаго драгунскаго полка, 1-й сотни Таманскаго, 2-й сотни Полтавскаго и 5-й сотни Лабинскаго полковъ и конно-горнаго взвода, подъ начальствомъ генерала Петрусевича, долженъ быть на разсвѣтѣ, 23-го декабря, двинуться изъ Янги-калы и, соблюдая всѣ предосторожности, для сохраненія возможной тишины, быстро овладѣть названными мѣстами. Занятіе ихъ въ то-же время служило-бы демонстраціей, могущей отвлечь вниманіе непріятеля отъ нашихъ траншейныхъ работъ.

Ночь съ 22-го на 23-е прошла тревожно.

Изъ непріятельской крѣпости, освѣщенной багровымъ заревомъ горѣвшихъ внутри ея костровъ, неслись дикіе крики и протяжный гулъ тысячей голосовъ... Ожидали вылазки... Однако, кромѣ рѣдкой перестрѣлки съ секретами, ничего пока не происходило.

«Гражданскіе чины» вибрирующимъ голосомъ, тихо переговаривались между собою. Одинъ «чинъ», бывшій семинаристъ, низенькаго роста, очень юркій и большой хвастунъ, служившій въ Красномъ Крестѣ, для безопасности зарылся между вещами, въ фургонѣ. Его обрѣлъ

случайно кучеръ, залѣзшій туда спать и навалившійся, съ размаха, всею тяжестью на бурсака, который съ пронзительнымъ крикомъ: «О Господи Іисусе, помилуй мя», выскочилъ изъ фургона, съ легкостью резиноваго мячика. Испуганнаго «чина» долго не могли успокоить.

Джигиты, посланные для развѣдокъ поближе къ стѣнамъ, прибывъ черезъ нѣсколько времени обратно въ лагерь, разсказывали, что тэкинцы въ эту ночь приносятъ торжественную клятву — «бороться до послѣдней капли крови и не сдаваться», а въ освященіе своей клятвы — казнятъ плѣнныхъ.

Кто были жертвами этой казни?.. Плѣнные персы!.. А можетъ быть, тѣ двое бѣдныхъ казаковъ, которые пропали безслѣдно утромъ изъ отряда Куропаткина, во время занятія Право-фланговой калы и садовъ!..

Ночная мгла еще не успѣла пройти, какъ генералъ Петрусевичъ, съ кавалерійскимъ отрядомъ, выступилъ изъ Янги-калы по направленію къ Право-фланговой. Заѣхавъ въ нее и предупредивъ маіора Богаевскаго выслать на подмогу пѣхоту только въ случаѣ усиленной перестрѣлки, генералъ Петрусевичъ двинулъ отрядъ къ садамъ и крѣпости, причемъ полсотни 2-й сотни Полтавскаго полка направилась сѣвернѣе Право-фланговой калы, къ разрушенному непріятельскому укрѣпленію, гдѣ она и остановилась, выславъ цѣпь кругомъ себя; вторая полусотня того-же полка, подъ командою флигель-адъютанта, подполковника князя Голицына, отправилась нѣсколько южнѣе, — въ обходъ садовъ и крѣпости; остальная кавалерія, съ генераломъ Петрусевичемъ и при немъ полковникъ кн. Эристовъ, маіоръ Булыгинъ, эсаулъ Ивановъ и др., имѣя впереди 1-ю сотню Таманскаго полка; позади ея оба эскадрона съ конногорнымъ взводомъ, а въ резервѣ 5-я сотня

Лабинскаго полка, наступали прямо. По случаю тумана, передъ головной сотней разсыпана была цѣпь джигитовъ.

Мѣстность, по которой двигалась кавалерія, была сильно пересѣчена множествомъ рытвинъ и канавъ, затруднявшихъ движеніе. Отрядъ приблизился уже къ садамъ и крѣпостцѣ, менѣе нежели на 300 шаговъ. Въ это время, со стороны непріятеля, не дано было ни одного выстрѣла. Кругомъ тишина... Джигиты, ѣхавшіе впереди всѣхъ, тоже ничего не замѣчали. Тогда генералъ Петрусевичъ приказываетъ ускорить шагъ... Но въ этотъ моментъ со стѣнъ и башни крѣпостцы прогремѣлъ убійственный залпъ, свернувшій съ лошадей до 15 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ...

Приказавъ спѣшить людей, генералъ Петрусевичъ, вмѣстѣ съ Эристовымъ, Гельмгроссомъ и нѣсколькими драгунами, крикнувъ — «за нами»! — подскакалъ къ стѣнамъ крѣпостцы и выѣхалъ черезъ узкій проходъ во внутренній дворъ ея, гдѣ очутился противъ толпы тэкинцевъ, стоявшей шагахъ въ 30-ти у противоположной стѣны...

Въ моментъ появленія Петрусевича, съ сопровождавшими его во дворъ, тэкинцы даютъ залпъ, свалившій Гельмгросса и нѣсколькихъ драгунъ...

Не теряя хладнокровія, Петрусевичъ и Эристовъ, обернувшись къ проходу и крикнувъ: «Драгуны, впередъ!.. Ура!..» — бросаются на тэкинцевъ съ обнаженными шашками... Въ упоръ имъ раздается нѣсколько выстрѣловъ...

Смертельно раненый, Петрусевичъ, медленно сваливаясь съ лошади, тихо проговорилъ: «Не робѣйте... спасите»... и упалъ на землю... Нѣсколько человѣкъ тэкинцевъ, кинувшись впередъ, успѣли схватить тѣло умирающаго и оттащить его къ себѣ, но, въ ту-же минуту, князь Эристовъ, съ прибывшимъ къ нему сотникомъ Исаковымъ и нѣсколькими драгунами, врубаются въ толпу и отнимаютъ

тѣло обратно... Въ проходъ и черезъ заднюю стѣну быстро лѣзли казаки и драгуны... всѣ спѣшились... рубятся на шашкахъ...

Въ тотъ моментъ, когда генералъ Петрусевичъ, съ Эристовымъ и другими, бросился ко входу въ калу, спѣшившіеся казаки кинулись вслѣдъ за ними также, но узкій проходъ въ нее, дававшій возможность пролѣзть только двумъ человѣкамъ, задержалъ ихъ на нѣсколько времени. Тэкинцы, стрѣлявшіе изъ-за гребней стѣнъ, отгоняли казаковъ, стоявшихъ подъ ними, шашками, но тѣ, въ свою очередь, старались схватить дула ихъ длинныхъ ружей...

Услышавъ сильную перестрѣлку, князь Голицынъ, находившійся съ полусотней въ другой сторонѣ, поспѣшилъ на помощь черезъ садъ; но едва только онъ далъ шпоры лошади, перескочилъ черезъ ограду, какъ на него кинулось нѣсколько тэкинцевъ. Не успѣвъ обнажить шашки, Голицынъ пустилъ въ дѣло плеть и вытянулъ нѣсколько разъ по лицу опѣшившихъ враговъ, которыхъ прихлопнули подоспѣвшіе казаки...

Дѣло приближалось къ развязкѣ.

Казаки занимали большую часть садовъ, выбивъ оттуда непріятеля. Толпа тэкинцевъ, находившаяся внутри двора крѣпостцы, была вся изрублена. Непріятель, въ небольшомъ числѣ, занималъ только одинъ изъ садовъ и башню крѣпостцы. Въ послѣдней, изъ дыры, тэкинцы клали нашихъ на выборъ. Одного изъ драгунъ, желавшаго оттащить лежавшихъ близъ башни убитыхъ товарищей, повалили тремя пулями; тогда нѣсколько казаковъ, наведя ружья на отверстія башни, начали стрѣлять, не останавливаясь, нарушая тѣмъ мѣткость выстрѣловъ противника, пока тѣла убитыхъ не были отнесены въ другое мѣсто... Выбить непріятеля изъ башни можно было только орудіемъ, за которымъ

и послали. Между тѣмъ, изъ Геокъ-Тэпе показалась непріятельская конница, двигавшаяся на сады, которая, однако, скоро остановилась... Изъ Право-фланговой калы быстро приближалась стрѣлковая рота 13-го линейнаго баталіона, съ маіоромъ Богаевскимъ во главѣ...

Въ это время раздается сигналъ: «отступать!»

— Что это?!.. Быть не можетъ!.. спрашивали другъ у друга нѣкоторые удивленные офицеры.

Сигналъ уже повторяли всѣ части.

Непріятельскую позицію, стоившую такъ много дорогой крови, должно было оставить.

Отступать приказалъ командиръ Таманскаго полка, полковникъ Арцишевскій, заступившій мѣсто убитаго Петрусевича.

Скоро подъѣхали одноколки и фургоны Краснаго Креста. Положили въ нихъ убитыхъ и раненыхъ и повезли въ Янги-калу.

Потеряли много для маленькаго отряда, и много незамѣнимаго. Убиты: генералъ-маіоръ Петрусевичъ, маіоръ Булыгинъ, эсаулъ Ивановъ и 19-ть нижнихъ чиновъ. Ранены: сотникъ Алейниковъ и 19-ть нижнихъ чиновъ. Всего потери: 72 человѣка и, кромѣ того, 28 лошадей.

Убитыхъ помѣстили въ пустую палатку, гдѣ надъ ними отслужена была панихида.

Среди павшихъ, рѣзко бросались въ глаза тѣ два казака, которые, 22-го числа, куда-то пропали. Ихъ нашли въ калѣ, гдѣ былъ убитъ Петрусевичъ. Руки и ноги у несчастныхъ были отрублены, губы и уши вырваны, глаза выколоты. Изъ спинъ вырѣзаны ремни...

Смерть Петрусевича глубоко поразила Скобелева.

«Я потерялъ въ немъ правую руку», говорилъ онъ.

«Такіе люди, какъ Петрусевичъ, незамѣнимы — это фанатики дѣла имъ не нужны подмостки».

Унылые звуки похороннаго марша сопровождаютъ траурную процессію къ могильнымъ насыпямъ — близъ лагеря... Въ могилу Петрусевича положили драгуна и одного казака, убитаго рядомъ съ нимъ. Это вызвало шопотъ одобренія между солдатами. — Чей-то тихій голосъ произнесъ: «Передъ Богомъ всѣ равны»... Еще нѣсколько словъ послѣдней напутственной молитвы и множество рукъ съ горстями земли потянулись къ могиламъ...

Общій залпъ изо всѣхъ орудій по непріятельской крѣпости и отвѣтный ему перекатный грохотъ разрывавшихся въ ней снарядовъ былъ послѣдній салютъ павшему генералу и его сподвижникамъ.

Въ сторонѣ отъ могильныхъ насыпей, въ толпѣ собравшихся офицеровъ, раздавался уже звучный голосъ Скобелева, объяснявшаго окружавшимъ планъ веденія осады крѣпости и штурма юго-восточнаго угла ея.

Къ ночи этого дня, на обоихъ флангахъ были заложены участки 1-ой параллели, а на правомъ флангѣ—построена анфиладная батарея № 1 и два редута.

ГЛАВА XVIII.

Несмотря на конецъ декабря, погода стоитъ теплая. Близокъ полдень. Въ лагерѣ тихо. Солдатъ что-то не видно. Кое-гдѣ, между палатками и юломейками, небольшіе дымки изъ-подъ ротныхъ котловъ, у которыхъ толкутся кашевары. Позади лагеря, среди изгородей, замѣтно больше движенія. Тамъ расположились торговцы, прибывшіе изъ Буджнура и другихъ мѣстъ Персіи, пограничныхъ съ

Геокъ-Тепе — за Копетдагскимъ хребтомъ. Торгуютъ орѣхами, сыромъ, изюмомъ, мучными лепешками, сваренными въ бараньемъ салѣ, сушеной рыбой и еще чѣмъ-то. «Персюки», какъ прозвали ихъ солдаты и казаки, все-же доступнѣе маркитантовъ-армянъ, устроившихся тутъ-же, и поудобнѣе своихъ собратовъ по искусству, расположившихся прямо подъ открытымъ небомъ. Маркитанты-же имѣютъ нѣчто въ родѣ палатокъ или брезентовъ, внутри которыхъ, на ящикахъ, разложены всякіе товары. Здѣсь найдете вино, водку, пиво, консервы и т. д., только цѣны колоссальныя: напримѣръ, бутылка пива — 5 р.; коробка сардинокъ — 2 р. 60 к., и т. п. О коньякѣ, хересѣ, шампанскомъ и говорить нечего: бутылка шампанскаго 30 р. и т. д.

Въ срединѣ лагеря, въ группѣ лазаретныхъ наметовъ и кибитокъ Краснаго Креста — еще болѣе тишины. Раненыхъ тамъ нѣсколько человѣкъ, за которыми ухаживаетъ графиня Милютина, прибывшая въ осадный лагерь изъ Самурскаго госпиталя, куда отправленна кн. Шаховскимъ бо́льшая часть раненыхъ изъ передоваго лазарета, чтобы освободить мѣста новымъ.

Очутилась графиня въ осадномъ лагерѣ, въ который, въ виду опасности, не допускались сестры милосердія,— совершенно случайно. Въ этомъ помогъ ей, быть можетъ, даже и противъ желанія, — начальникъ военныхъ сообщеній, просившій у генерала Скобелева 2 роты для усиленія слабой защиты Самурскаго поста. Просьбу свою начальникъ военныхъ сообщеній мотивировалъ, между прочимъ, пребываніемъ въ названномъ укрѣпленіи дочери военнаго министра.

Генералъ Скобелевъ дорожившій каждымъ солдатомъ, которыхъ у него было весьма ограниченно, не могъ испол-

нить подобной просьбы и отвѣтилъ лишь «разрѣшеніемъ графинѣ Милютиной прибыть въ осадный лагерь, если она пожелаетъ». Графиня, мечтавшая объ этомъ со дня прибытія въ Самурскій госпиталь, сейчасъ-же воспользовалась даннымъ позволеніемъ, скрѣпленнымъ также и разрѣшеніемъ главно-уполномоченнаго Краснаго Креста. Вскорѣ къ ней присоединили сестру милосердія Стрякову.

У ставки генерала Скобелева, въ юломейкахъ и на открытомъ воздухѣ, чуть не цѣлая канцелярія: пишутъ, чертятъ, литографируютъ, и т. д. Генерала самого нѣтъ здѣсь,—онъ въ траншеяхъ, которыя открываются впереди лагеря, въ видѣ длинной черной насыпи, тянущейся параллельно стѣнамъ непріятельской крѣпости,—съ праваго фланга на лѣвый. Тамъ виднѣется множество солдатъ и оттуда раздается сухой трескъ одиночныхъ выстрѣловъ.

Отъ черной насыпи отдѣлилось нѣсколько человѣкъ и медленно двигаются черезъ поле къ лагерю. Несутъ кого-то на носилкахъ.

— Какого баталіона?

— Апшеронскаго, ваше благородіе!

— Куда раненъ?

— Въ плечо, ваше благородіе! отвѣчаетъ глухо раненый, изъ носилокъ.

Понесли дальше — въ лазаретъ.

Черезъ нѣсколько времени несутъ другаго, потомъ третьяго и такъ до 5. Болѣе потерь въ траншеяхъ, среднимъ числомъ за день, не бываетъ.

Работы подвигаются весьма успѣшно. Численность работающихъ нѣсколько увеличилась прибытіемъ изъ Бами еще небольшой части войскъ. Въ распоряженіи начальниковъ обоихъ фланговъ находятся уже по 15-ти ротъ. Для охраны лагеря остается 7 ротъ.

Къ 26-му декабря, 1-ая параллель была сомкнута и выведены подступы ко второй; установили также геліографное сообщеніе редута № 1-й съ лагеремъ и Правофланговой калой. На послѣдней, въ этотъ день, былъ раненъ, въ мягкія части бедра, комендантъ ея — капитанъ-лейтенантъ Зубовъ *). На мѣсто его былъ назначенъ командиръ морской батареи, лейтенантъ Шеманъ. Въ этотъ-же день въ лагерь возвратился небольшой отрядъ изъ кавалеріи и пѣхоты, отправленный, еще накапунѣ, по дорогѣ къ Асхабаду — къ югу отъ Геокъ-Тепе, для розыскиванія фуража. Поиски увѣнчались успѣхомъ и отрядъ, не встрѣчая особеннаго сопротивленія со стороны непріятеля, привезъ съ собой большой запасъ саману и немного пшеницы, найденныхъ имъ въ тэкинскихъ селахъ, оставляемыхъ непріятелемъ по мѣрѣ приближенія отряда. Поплатились только три перса-торговца, заѣхавшіе слишкомъ впередъ. Они были зарѣзаны тэкинцами.

Къ 28-му числу открыта была 2-ая параллель и закончены въ ней всѣ ходы сообщенія. Въ самой параллели устроили батареи: демонтирную, мортирную и батарею съ горными орудіями. Въ центральномъ ходѣ сообщенія 1-ой параллели со второй, былъ расположенъ перевязочный пунктъ Краснаго Креста.

Солдаты работаютъ безъ устали. Постоянное пребываніе въ средѣ ихъ генерала Скобелева дѣйствуетъ на работающихъ экзальтирующимъ образомъ, усиливая ихъ энергію. Боевая школа выработала въ молодомъ генералѣ стараго солдата. Опытъ прошлой военной жизни, ясный взглядъ

*) Капитанъ-лейтенантъ Зубовъ смѣнилъ маіора Богаевскаго, который былъ назначенъ со своею частью въ траншеи. Зубовъ, спустя мѣсяцъ или нѣсколько болѣе послѣ раненія, умеръ въ Самурскомъ госпиталѣ, вслѣдствіе гнойнаго зараженія крови.

на дѣло и умѣнье найтись въ критическую минуту — подкладка его боеваго воспитанія. «Сѣрая шинель» видитъ, понимаетъ и глубоко чтитъ военныя доблести, а потому слова генерала дѣйствуютъ на нихъ магическимъ образомъ.

Въ ночь, 28-го числа, приказано было закладывать подступы къ третьей параллели и участокъ ея.

Былъ 9-ый часъ. На небѣ ни одной звѣздочки. Все задернуто тучами и утонуло въ ночномъ мракѣ. Въ лагерѣ тлѣютъ костры. Гдѣ-то слышится говоръ, но онъ скоро смолкаетъ. Скобелевъ только-что возвратился изъ траншей и завернулъ въ Красный Крестъ выпить стаканъ чаю.

Вездѣ тихо... не на долго...

На черномъ фонѣ ночи, впереди лагеря, блеснуло множество огоньковъ и пронесся прерывистый ружейный залпъ... Огоньки сливаются въ длинную искрящуюся полосу. Перекатный ружейный трескъ, съ грохотомъ орудій, покрывается гуломъ тысячей голосовъ... Алла! Ла-ла! Алла!.. Въ тылу лагеря раздаются одиночные ружейные выстрѣлы, которые быстро учащаются... Пули свистятъ по разнымъ направленіямъ. Всѣ на ногахъ. Огонь уже открыли съ орудій передъ лагеремъ, черезъ головы своихъ, въ непріятельскую крѣпость...

Чей-то запыхавшійся голосъ изъ темноты спрашиваетъ генерала Скобелева.

Ему отвѣчаютъ, что генералъ поскакалъ къ траншеямъ.

Требуютъ одноколки или фургоны!!.. Шаховской уже послалъ ихъ съ ротмистромъ Максимовымъ...

Гулъ ослабѣвалъ. Ружейные залпы становятся все рѣже и рѣже...

Траншеи полны солдатъ. Прижавшись къ насыпи, судорожно сжимая ружья, всѣ напряженно вглядываются въ черную мглу. Другіе быстро двигаются на площади,

между параллелями... На перевязочномъ пунктѣ Краснаго Креста, освѣщенномъ нѣсколькими фонарями, лежатъ, покрытые сѣрыми шинелями, не то убитые, не то раненые. Тутъ суетня...

Приближаясь къ батареѣ и редуту, спотыкаешься о трупы. Чѣмъ ближе, тѣмъ больше. Ноги шлепаются въ лужахъ крови.

Узкая траншея мѣстами запружена тѣлами. Пахнетъ пороховымъ дымомъ. На банкетѣ двѣ сцѣпленныя фигуры,— у одной въ груди штыкъ, у другой разрублена голова: шашка и штыкъ въ тѣсномъ союзѣ съ омертвѣлыми пальцами...

Слабый свѣтъ фонаря едва освѣщаетъ молчаливую батарею; тутъ тихо.— Изрубленныя тѣла, сдвинутыя орудія и нѣсколько санитаровъ, съ ротмистромъ Максимовымъ и докторомъ, убираютъ ихъ въ фургоны и одноколки, стоявшія по близости... Гдѣ-то, во мракѣ, несутся звуки веселаго марша и раздается громкій голосъ генерала Скобелева, отдающаго приказаніе — «продолжать работы!»...

Тэкинцы, въ огромномъ числѣ, сдѣлавъ вылазку изъ крѣпости, произвели неожиданное нападеніе, главнымъ образомъ, на правый флангъ осадныхъ работъ и въ обхватъ его; частью, — на Право-фланговую калу и тылъ лагеря.

Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ:

Съ наступленіемъ ночи, инженеры: Сандецкій и Чернякъ, съ частью рабочихъ, вышли изъ второй параллели, по направленію къ крѣпости, для трассировки новыхъ работъ. Не успѣли они сдѣлать и 50-ти шаговъ, какъ одинъ изъ солдатъ, шедшій впереди, крикнулъ:

«Ваше благородіе, тэкинцы!»...

Сандецкій и Чернякъ, увидя вблизи двигающуюся чер-

ную массу и не имѣя на себѣ оружія *), кинулись къ траншеямъ. Добѣжавъ до насыпи, Сандецкій едва успѣлъ закричать: «Рота, пли!», какъ былъ изрубленъ настигнувшими его тэкинцами. Та-же участь предстояла и Черняку, если бы не подвернувшійся его преслѣдователямъ солдатъ, расправа надъ которымъ отняла у нихъ нѣсколько секундъ, давшихъ возможность Черняку вскочить въ траншеи, гдѣ, въ это время, наступала очередная смѣна частей.

Командиръ 4-го Апшеронскаго баталіона, князь Магаловъ, со своими офицерами и частью солдатъ, находясь во второй параллели, спокойно поджидалъ очередной смѣны, какъ вдругъ, неожиданно для всѣхъ, на траншею бросается масса полуобнаженныхъ, съ шашками въ рукахъ, тэкинцевъ... Натискъ былъ такъ стремителенъ, такъ нежданъ, что солдаты едва успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, какъ на головы ихъ съ насыпи посыпались шашечные удары...

Узкія траншеи затрудняли штыковую работу. Въ короткое время траншея заваливается тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Тэкинцы, не занимая ее, несутся къ первой параллели, куда отступаютъ уцѣлѣвшіе апшеронцы. Резервы непріятеля, слѣдуя по пятамъ за авангардомъ, забираютъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, стаскивая что можно съ нашихъ, предпочитая всему — ружья и патроны.

Другая часть непріятельскаго авангарда врывается на батареи. Артиллеристы, не успѣвшіе зарядить орудій, защищаютъ ихъ саблями и револьверами, но ихъ искрошиваютъ до половины; при этомъ непріятель успѣваетъ за-

*) Не предполагая, конечно, нападенія, Сандецкій и Чернякъ оставили свои револьверы и шашки въ траншеяхъ.

хватить одно горное орудіе. Мортиру, забранную имъ, отбиваютъ. Непріятель съ батарей мчится дальше...

Аттака тэкинцевъ на Право-фланговую калу встрѣчается лейтенантомъ Шеманомъ непрерывными залпами изъ морскихъ картечницъ—это удерживаетъ натискъ.

Массы непріятеля не успѣваютъ еще достигнуть слѣдующей траншеи, какъ въ нее дѣлаются нѣсколько дружныхъ залповъ, а потомъ бросаются въ штыки. Это Красноводскій мѣстный баталіонъ. Тэкинцы смѣшиваются и быстро отступаютъ. Красноводскій баталіонъ занимаетъ вторую параллель и преслѣдуетъ отступающаго непріятеля учащенными залпами... Въ темнотѣ раздается удалая пѣсня охотниковъ. Воропановъ съ командой спѣшитъ въ подмогу. Еще нѣсколько залповъ...

Аттака непріятеля отбита на всѣхъ пунктахъ.

Лопаты и кирки снова врѣзываются въ землю; работы, временно прерванныя, продолжаются съ лихорадочной энергіей.

Наша потеря: убиты: подполковникъ Мамацевъ *), князь Магаловъ; подпоручики: Сандецкій, Чикаревъ, Готте, врачъ Апшеронскаго баталіона Троцкій и 90 нижнихъ чиновъ.

Ранены: штабсъ-капитанъ Прогульбицкій и до 40 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, мы потеряли: одно горное орудіе и знамя Апшеронскаго баталіона, но, въ то-же время убиты: командиръ баталіона, субалтерные офицеры, знаменщикъ и почти всѣ солдаты, находившіеся при немъ. За честь,—болѣе жизни,—отдавать было нечего...

Уже за полночь. Въ лазаретныхъ наметахъ Краснаго

---

*) Командиръ 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады, подполковникъ Мамацевъ, былъ изрубленъ впереди батареи, изъ которой онъ вышелъ для осмотра новой позиціи.

Креста лежатъ живые люди съ изрубленными головами, челюстями, плечами, суставами и т. д. Все это покрыто слоемъ крови съ землей и глухо стонетъ. Опытныя руки докторовъ Слижневскаго и Трейберга быстро накладываютъ швы и перевязываютъ. Возлѣ нихъ, бѣлая какъ статуя, автоматически помогаетъ графиня Милютина. Раны нанесены исключительно холоднымъ оружіемъ — по четыре и по пяти на каждомъ.

Забрежжился востокъ... Ночная мгла смѣняется блѣдноватымъ свѣтомъ. Изъ лазарета доносятся тихіе стоны. — кропотливая перевязка еще не окончена...

На кладбище пошли рыть новыя могилы...

— ——

ГЛАВА XIX.

Утромъ, 29-го декабря, тэкинцы привѣтствовали нашъ лагерь выстрѣлами изъ двухъ орудій — изъ своего единственнаго, которое они перетаскивали на всевозможныя мѣста; другой же выстрѣлъ — изъ горнаго орудія, забраннаго отъ насъ ночью; да притомъ, нашей же гранатой. Артиллеристовъ разбирала злость. Къ «дѣду» лучше не подходи — совсѣмъ освирѣпѣлъ: «Орудіе-то, пожалуй и не вернуть! можетъ, стащутъ въ Мервъ, или, чортъ ихъ знаетъ, куда!»...

Въ лагерѣ толкотня. Приказано перетащиться на 200 саженъ впередъ,— ближе къ 1-й параллели, чтобъ тѣснѣе связать войска лагеря съ войсками въ траншеяхъ. Ночное нападеніе показало неудобство перваго расположенія.

— Тьфу! Скверное дѣло!— проговорилъ кто-то изъ чиновъ гражданскаго управленія, кажется, «чиновникъ со штуцеромъ», узнавъ приказаніе.

— Ну, батюшка! Вѣдь вамъ въ Болгаріи-то и не такіе ужасы приходилось видывать, такъ что для васъ это не въ диковинку,— рекли съ усмѣшкой золотые очки.

— Ну, да!.. положимъ... Но понимаете ли, что это игра ва-банкъ!! Вотъ, если бы я, на его мѣс...

— А коньякъ зачѣмъ вы требовали сегодня ночью?— вмѣшался «почтовый чинъ».

— Какой коньякъ!?

— Обыкновенный. Помните? Сегодня ночью! Когда тэкинцы нападали.

— Ну!

— Такъ вотъ я спрашиваю, зачѣмъ вы умоляли дать вамъ коньяку?

— Да что вы пристали ко мнѣ съ коньякомъ! А самъ, вѣдь, какъ оглашенный метался въ кибиткѣ... не на шутку уже озлился «чиновникъ со штуцеромъ».

— Полноте, господа, ссориться! Не сегодня, такъ завтра тэкинцы насъ всѣхъ перерѣжутъ. Кто рискнулъ ѣхать со Скобелевымъ, тотъ долженъ быть готовымъ ко всему,— успокоивалъ расходившихся нѣкто, по должности статскій совѣтникъ, по чину, кажется, титулярный.

Въ 2 часа пополудни, полковникъ Куропаткинъ, согласно диспозиціи командующаго войсками, долженъ былъ начать наступленіе и овладѣть сильно-укрѣпленной непріятельской позиціей, названной Велико-княжеской, находившейся въ саженяхъ 80-ти отъ стѣнъ крѣпости, на правомъ флангѣ осадныхъ работъ. Позиція эта заключала въ себѣ три калы, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, и между ними невысокія изгороди.

Занятіе этого укрѣпленія имѣло существенное значеніе для энергическаго продолженія осады на правомъ флангѣ давая возможность перенести туда центръ ея, такъ какъ,

на лѣвомъ флангѣ движеніе подступами было необходимо пріостановить и заняться лишь укрѣпленіемъ фланга — все это по причинѣ малочисленности дѣйствующаго отряда, ослабленнаго предшествовавшими потерями, отъ котораго потребовалась бы значительная затрата и въ силахъ, и во времени.

Въ распоряженіе полковника Куропаткина, кромѣ его колонны, назначены были: $^1/_2$ роты саперъ и команда моряковъ, съ динамитными и пироксилиновыми патронами. Для поддержанія Куропаткина у Ольгинской калы, поставили резервъ въ составѣ: 11-ти ротъ, 3 эскадроновъ и сотенъ и 20-ти орудій. Четвертой батареѣ 20-й артиллерійской бригады приказано было стать на правомъ флангѣ лагеря и оттуда поддерживать огонь по восточному фасу крѣпости.

Иниціатива дѣйствій предоставлена полковнику Куропаткину.

Около 2 часовъ пополудни, всѣ осадныя батареи, а также и батареи резерва у Ольгинской калы, открыли бомбардировку.

Послѣ сильнаго артиллерійскаго огня, не дававшаго возможность непріятелю двинуться изъ крѣпости въ подмогу на аттакованную нами позицію, штурмующая колонна, выйдя изъ траншей, бросилась впередъ, подъ градомъ пуль, черезъ небольшую площадку, отдѣлявшую 2-ую параллель отъ Велико-княжеской позиціи и, въ короткое время, была уже у стѣнъ главной калы. Пробивъ кирками и лопатами входъ, ширванцы и саперы вошли въ калу, выбивая непріятеля штыками. Передъ самымъ входомъ въ нее, раненъ былъ въ локтевой суставъ флигель-адъютантъ, подполковникъ князь Голицынъ, командовавшій Ширванскимъ баталіономъ, вмѣсто раненаго подполковника Гого-

беридзе. Охотничья команда съ Воропановымъ, находясь впереди всѣхъ, быстро перелѣзла изгороди, выбивъ оттуда непріятеля, и заняла передовую калу, ближайшую къ крѣпости, названную «Охотничьей». Третья кала, занимавшая фланговое положеніе, была также сейчасъ-же занята. Ее назвали «Туркестанской». Попыткамъ непріятеля двинуться изъ крѣпости на аттакующихъ препятствовалъ мѣткій артиллерійскій огонь.

Велико-княжеская позиція была занята. Громадную услугу при этомъ оказала артиллерія.

Обаяніе непріятеля, вызванное удачной ночной вылазкой, значительно понижалось.

Наша потеря: убито нижнихъ чиновъ 16 чел.

Ранено: офицеровъ—5, нижнихъ чиновъ 46 чел.

До наступленія вечера, часть раненыхъ, находившихся въ калахъ, не могла быть доставлена въ лазаретъ, такъ какъ пришлось бы переносить въ траншеи, черезъ площадку, сильно обстрѣливаемую со стѣны крѣпости, и раненые могли быть переранены или убиты.

Большую услугу оказалъ какъ раненымъ, такъ и штурмующимъ, ротмистръ Максимовъ, служившій въ Красномъ Крестѣ уполномоченнымъ. Несмотря на градъ свинца, осыпавшій со стѣнъ крѣпости площадку, Максимовъ нѣсколько разъ проносилъ по ней воду и вино въ занятую калу—для изнемогавшихъ отъ жажды раненыхъ и здоровыхъ. Поплатился за это онъ только пробитымъ боченкомъ и нѣсколькими бутылками вина, разбитыми пулями въ его рукахъ. На обязанности Максимова лежало завѣдываніе санитарной командой, съ которою онъ, во время аттаки позиціи, слѣдуя за штурмующей колонной, подбиралъ раненыхъ. Послѣдніе относились, смотря по близости, или въ траншею, или къ стѣнамъ калы.

Занявъ Велико-княжескую позицію, Куропаткинъ сталъ немедленно приводить ее въ оборонительное положеніе. Работать приходилось подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но, съ наступленіемъ вечера, огонь непріятеля ослабъ и работы пошли живѣе.

Главная кала, съ высокими глиняными стѣнами, пробитыми во многихъ мѣстахъ нашими гранатами, заключала въ себѣ 4 отдѣленія, раздѣленныя другъ отъ друга невысокими перегородками, кромѣ продольной,—въ уровень съ наружной стѣной. Три переднихъ отдѣленія заняты были: Куропаткинымъ со штабомъ, моимъ перевязочнымъ пунктомъ и частью Ширванскаго баталіона, съ маіоромъ Сивинусомъ. Въ заднемъ отдѣленіи, болѣе похожемъ на дворъ, расположились резервы. У правой стѣны его, съ большими дырами отъ нашихъ снарядовъ, поставили морскія картечницы и 2 горныхъ орудія.

Впереди Главной калы, шаговъ на 50 ближе къ стѣнамъ непріятельской крѣпости, находилась Охотничья кала, съ башней на лѣвомъ углу ея. По величинѣ она значительно меньше первой и безъ отдѣленій. Такой-же величины и почти на такомъ-же разстояніи Туркестанская кала, съ башней на углу. Она находилась съ правой стороны Главной и занимала фланговое положеніе. Обѣ эти калы сейчасъ-же стали соединять траншеями съ Главной, впереди которой устраивали стрѣлковую позицію. Кромѣ всѣхъ этихъ работъ, начальникъ лѣваго фланга, полковникъ Козелковъ, долженъ былъ соединить, въ эту-же ночь, ходомъ сообщенія, свои работы съ Велико-княжеской позиціей. Въ то-же время предполагалось соединить ходомъ сообщенія и траншеи праваго фланга.

Работа кипѣла всю ночь напролетъ и къ утру, 30-го декабря, всѣ три калы Велико-княжеской позиціи были

соединены между собой траншеями и ходомъ сообщенія съ лѣвымъ флангомъ осадныхъ работъ. Съ праваго фланга ходъ сообщенія не былъ еще доконченъ, хотя оставалось еще додѣлать немного.

ГЛАВА XX.

День 30-го числа прошелъ спокойно. Небольшой ружейный огонь поддерживался только съ Велико-княжеской позиціи, отстоявшей шаговъ на 250 отъ крѣпости. На другихъ пунктахъ перестрѣлка была значительно рѣже.

Съ наступленіемъ вечера, посты наблюдательныхъ станцій, въ башняхъ Охотничьей и Туркестанской калы, замѣтили движеніе непріятеля, спускавшагося со стѣнъ крѣпости въ ровъ: текинцы имѣли, повидимому, намѣреніе напасть на правый флангъ нашъ и на Велико-княжескую позицію. Вслѣдствіе этого, послѣдовало тотчасъ-же приказаніе: кавалерійскому отряду, подъ начальствомъ полковника князя Эристова, въ составѣ: дивизіона драгунъ, 2-й Полтавской сотни и 2-хъ орудій, стать у право-фланговаго редута № 1, для охраны праваго фланга и поддержки Право-фланговой калы. Изъ этого-же резерва, постъ въ 20 человѣкъ, долженъ былъ занять Ольгинскую калу.

Прошло нѣсколько томительныхъ часовъ въ ожиданіи нападенія. Со стороны непріятеля происходили лишь одиночные выстрѣлы, но и тѣ утихали. Приближалась полночь.

Непроницаемая темень скрывала отъ глазъ самые ближайшіе предметы...

Измученные работами солдаты, смѣненные очередной частью, отдыхали въ повалку на заднемъ отдѣленіи Велико-

княжеской калы. Немногіе возились у котелковъ съ чаемъ. Въ отдѣленіи полковника Куропаткина виднѣлся еще свѣтъ изъ кибитки, служившей какъ жилищемъ, такъ и столовой его штаба. Тамъ шелъ разговоръ о будущихъ минныхъ работахъ. Скоро утомившаяся публика стала расходиться на ночлегъ. Въ этотъ моментъ, со стороны лѣваго фланга, раздались учащенные выстрѣлы, перешедшіе въ стрѣльбу залпами...

Солдаты быстро повскакали... Офицеры бросились къ своимъ частямъ...

По всему лѣвому флангу заблестѣло множество огоньковъ... Черезъ головы въ крѣпость завизжали гранаты... Пронзительно зашипѣли боевыя ракеты, освѣщая на нѣсколько секундъ, огненными слѣдами, прилегавшую мѣстность, которая, затѣмъ, какъ будто-бы, погружалась еще въ бо̀льшій мракъ... Зловѣщіе крики, гулъ, трескъ... и знакомая картина нападенія 28-го числа снова воскресла передъ глазами.

Съ Велико-княжеской позиціи дано было немного залповъ. Непріятель ограничился произведеніемъ на нее демонстраціи, аттаковавъ главными своими силами лѣвый флангъ осадныхъ работъ, обхватъ его и частью тылъ лагеря, съ того-же фланга.

Самое ожесточенное нападеніе было произведено на лѣво-фланговый редутъ № 3, гдѣ находилась 3-я рота Закаспійскаго мѣстнаго баталіона и 2 горныхъ орудія. 2-я рота того-же баталіона занимала въ это время ближайшую къ редуту батарею и смежные ложементы.

Встрѣтивъ нападающихъ залпами, 3-я рота бросилась въ штыки и отбивалась до послѣдней крайности отъ бѣшено врывавшагося непріятеля, превышавшаго ее своею громадною численностью. Потерявъ болѣе половины людей, въ томъ числѣ убитымъ ротнаго командира, поручика

Яповскаго, 3-я рота вынуждена была отступить; при этомъ наводчики успѣли вытащить замки изъ орудій, но одного изъ нихъ тэкинцы изрубили, другой, хотя и былъ раненъ, но спасъ замокъ. Въ этотъ критическій моментъ, командиръ другой роты того-же баталіона, находившійся по близости, вмѣсто того, чтобы оказать помощь, — отступилъ *). На выручку явился резервъ въ составѣ двухъ ротъ **) (1-й Самурс. б. и 16-й Дагест. б.), который, быстро выбивъ тэкинцевъ изъ редута и занявъ его, сталъ преслѣдовать отступающаго непріятеля дружными залпами. Въ промежутокъ между отступленіемъ 3-й роты и приходомъ резерва, тэкинцы утащили одно горное орудіе, а также и замокъ, взятый ими отъ убитаго наводчика. Замокъ этотъ оказался для нихъ безполезнымъ, такъ какъ былъ отъ другаго орудія.

Нападеніе скоро было отбито на всѣхъ пунктахъ и, вслѣдъ за этимъ, по непріятельской крѣпости открытъ артиллерійскій огонь съ осадныхъ батарей.

Тэкинцы, сдѣлавъ неудачную попытку ко вторичному нападенію, ограничились усиленнымъ ружейнымъ огнемъ по Велико-княжеской позиціи, который поддерживали до разсвѣта.

Потеря наша: убитыхъ нижнихъ чиновъ до 70 человѣкъ и одинъ офицеръ; ранено — нижнихъ чиновъ около 50 человѣкъ.

Между непріятельскими тѣлами, во множествѣ наполь-

*) Въ свое оправданіе, командиръ этой роты приводилъ, между прочимъ, что его спутали слова команды съ батареи, имъ охраняемой: «въ лѣво раздайся!» а такъ какъ на лѣво былъ лагерь, то онъ и пошелъ себѣ въ лагерь.

**) Къ нему вскорѣ присоединилась 2-я рот. 3-го бат. Ставропольскаго полка, взводъ 1 бат. 19 арт. бриг. и полуэскадронъ драгунъ.

нявшими редутъ и траншею, находилась старая женщина, державшая въ омертвѣлыхъ рукахъ пику, остріе которой состояло изъ половинки ножницъ. Разсказываютъ, что громкую клятву этой женщины, доносившуюся изъ крѣпости — отмстить за убитыхъ сыновей, слышали еще наканунѣ, въ башнѣ Охотничьей калы.

Во время разгара нападенія, одинъ изъ рядовыхъ 11-й роты Ширванскаго полка, добѣжавъ до стѣны крѣпости, ухитрился взлѣзть на нее, чтобы осмотрѣть внутреннее расположеніе, но, будучи замѣченъ сейчасъ-же бросившимися на него текинцами, смѣльчакъ благополучно ретировался обратно въ Охотничью калу. По словамъ этого рядоваго, главная масса непріятеля держится въ сѣверной части крѣпости, но не въ юго-восточномъ углу ея, какъ это предполагалось нѣкоторыми.

На слѣдующій день, 31-го числа, послѣдовало распоряженіе, — перенести лагерь вплотную къ первой параллели. Сдѣлано это было въ виду необходимости еще болѣе сблизить резервы съ осадными работами, чтобы, на случай нечаянныхъ нападеній, имѣть ихъ всегда подъ руками, и, съ другой стороны, — оградить себя отъ отдѣльныхъ нападеній на лагерь и на траншеи. Въ послѣднемъ случаѣ, резервы могли бы быть парализованы. Какъ на лѣвомъ флангѣ, такъ, частью, и на правомъ, приказано не оставлять солдатъ на ночь въ траншеяхъ, а выводить ихъ на площадь, позади траншей. Предшествовавшія ночныя вылазки и нападенія текинцевъ указали крайнее неудобство рукопашнаго сопротивленія въ такой тѣсной канавѣ, какою, по необходимости, являлись траншеи, при неожиданномъ нападеніи непріятеля, рубившаго сверху внизъ, и приближеніе котораго значительно скрывалось передней насыпью. Кромѣ этого, назначены были усиленные кава-

лерійскіе разъѣзды между редутами и опорными пунктами праваго и лѣваго фланговъ, также и въ тылу лагеря, которые должны были совершать свои ночные объѣзды черезъ каждые 1½ часа. Такимъ образомъ, были предприняты всѣ мѣры предосторожности на случай будущихъ нападеній.

Въ 12 часовъ ночи, данъ былъ залпъ изъ 8 мортиръ, и вслѣдъ за нимъ всѣ хоры музыки торжественно проиграли народный гимнъ.

Это была встрѣча новаго года.

Тэкинцы на залпъ отвѣтили нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій и громко кричали, что будутъ бороться до послѣдняго человѣка. Остатокъ ночи прошелъ спокойно.

Утромъ, 1-го января, генералъ Скобелевъ отдалъ приказъ, нѣсколько измѣнившій существовавшій порядокъ въ распредѣленіи частей войскъ и въ завѣдываніи осадными работами.

Согласно новому приказу, полковникъ Куропаткинъ завѣдывалъ всѣми осадными работами центра *). Для производства ихъ и обороны, въ распоряженіе его назначались: 11 ротъ, 1 команда и 100 спѣшенныхъ казаковъ.

Начальство надъ правымъ флангомъ **) ввѣрено состоящему при командующемъ войсками, полковнику Навроцкому и при немъ 4 бат. 84 Апшеронскаго полка. Завѣдываніе осадными работами лѣваго фланга оставлено, по-прежнему, за командиромъ Ставропольскаго полка, полковникомъ Козелковымъ. Въ распоряженіе его—8 ротъ.

Прибывшіе наканунѣ, 31-го декабря, саперная и же-

*) Велико-княжеская позиція, плотина, 2-я параллель отъ мортирной бат., до редута № 2.

**) Редутъ № 1, Ольгинская кала и Право-фланговая.

лѣзно-дорожная роты — отданы въ распоряженіе начальника инженеровъ, подполковника Рутковскаго.

Резервъ въ главномъ лагерѣ назначенъ былъ состоять: изъ 16-ти ротъ, 1-й команды, 7-ми эскадроновъ и сотенъ и 30-ти орудій.

Коменданту лагеря, подполковнику Гайдарову, приказано вести кавалеріи нарядъ *), кромѣ полусотни казаковъ, остававшихся на ночь въ его распоряженіи. Затѣмъ, начальнику инженеровъ предписывалось озаботиться изготовленіемъ возможно-бо́льшаго количества туровъ **) и фашинъ и отправлять ихъ въ Велико-княжескую калу, какъ въ главное складочное мѣсто. Туда-же приказано было посылать, изъ интендантскаго склада, пустые мѣшки и ящики, для будущихъ шанцевыхъ работъ.

Начались подготовительныя дѣйствія къ приступу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утомительныя кротовыя работы саперъ.

Какъ сказано было выше, для штурма крѣпости выбранъ юго-восточный уголъ ея. Желая возможно болѣе обезпечить успѣхъ дѣла, генералъ Скобелевъ рѣшился овладѣть этимъ угломъ при посредствѣ двухъ брешей: одной—артиллерійской, въ юго-западной стѣнѣ,—пробить ее возлагалось на лѣвый флангъ. Другой,— обвалъ, при помощи мины, въ юго-восточной стѣнѣ. Выполненіе этого дѣла должно было произойти со стороны праваго фланга и требовало отъ работавшихъ большой стойкости, энергіи и не малой траты во времени.

Минный спускъ, начатый 2-го января, у стѣны Охот-

*) По полусотнѣ: въ Право-фланговую калу, къ редуту № 1 и къ Ставропольскому редуту. Оставшіеся посылались въ выше уже сказанные разъѣзды.

**) Для рубки хворосту приказано было: съ фуражировочной колонной отправлять особую команду, съ офицеромъ во главѣ.

ничьей калы, приходилось бросить, такъ какъ въ галлереѣ дѣлались постоянные обвалы, вслѣдствіе влажнаго и рыхлаго грунта земли, отъ близкаго присутствія плотины и протекавшаго ручья. Послѣдній хотя и былъ отведенъ въ сторону, но дѣло отъ этого мало выигрывало. Да къ тому-же, и разстояніе до крѣпостной стѣны было слишкомъ значительное. Выборъ другого мѣста былъ порученъ инженеру, капитану А. Маслову *), назначенному, въ это время, завѣдующимъ осадными работами на Велико-княжеской позиціи, вмѣсто Яблочкина, тяжело раненаго при траншейныхъ работахъ.

Произведя рекогносцировку мѣстности впереди Охотничьей калы, Масловъ остановился на выборѣ небольшого загона, въ шагахъ около 100 отъ рва, какъ важнаго опорнаго пункта для веденія дальнѣйшихъ подступовъ къ стѣнамъ крѣпости и для защиты миннаго спуска. Послѣдній предполагалось заложить нѣсколько лѣвѣе и немного впереди загона.

Занятіе этого загона и устройство на немъ редута—генералъ Скобелевъ поручилъ капитану Маслову, назначивъ для этого ночь съ 3-го на 4-е января. Съ этою цѣлью, въ распоряженіе послѣдняго дано было 110 человѣкъ рабочихъ Апшеронскаго баталіона и 20 саперъ; въ прикрытіе ихъ—часть охотничьей команды, а въ резервъ—рота ширванцевъ.

Ночь 3-го января была свѣтлая и лунная. Рабочіе, выйдя изъ траншей, впереди Охотничьей калы, быстро заняли загонъ въ разныхъ пунктахъ и принялись рыть ложементы подъ руководствомъ капитана Маслова. Работы въ началѣ шли весьма оживленно. Тэкинцы со стѣны

*) Сподвижникъ генерала Скобелева въ туркестанскихъ походахъ.

пока ничего не замѣчали. Полковникъ Куропаткинъ, находившійся въ Охотничьей калѣ, слѣдилъ за работами изъ амбразуры. При немъ находился ординарецъ генерала Скобелева, прапорщикъ Абадзіевъ. Генералъ Скобелевъ пользовался имъ въ случаяхъ серьёзныхъ, требовавшихъ точнаго, пунктуальнаго исполненія. Въ данномъ случаѣ, генералъ послалъ Абадзіева съ двумя осетинами къ полковнику Куропаткину еще наканунѣ, 2-го числа, поручивъ Абадзіеву измѣрить глубину и ширину непріятельскаго рва. Благодаря свѣтлой ночи, Куропаткинъ не рѣшился отпустить Абадзіева на такое опасное предпріятіе и оставилъ его при себѣ, до болѣе удобнаго момента.

Между тѣмъ, работавшіе въ загонѣ, несмотря на стараніе сохранить тишину, все-таки возбудили вниманіе непріятеля, который, замѣтивъ ихъ со стѣны и изъ рва, открылъ густой ружейный огонь. Посыпался градъ пуль. Между рабочими, ничѣмъ не прикрытыми, произошло нѣкоторое замѣшательство. Порядокъ скоро былъ возстановленъ. Абадзіевъ въ эту ночь поплатился тяжелою раною въ грудь и плечо, съ раздробленіемъ плечевой кости.

Услышавъ перестрѣлку, генералъ Скобелевъ тотчасъ-же появился на загонъ. Присутствіе его вызвало сильную экзальтацію въ солдатахъ; дружное «ура!» служило ему привѣтствіемъ. Работы закипѣли еще съ бо́льшимъ оживленіемъ, несмотря на градъ свинца.

Благодаря энергіи капитана Маслова, редутъ былъ устроенъ къ разсвѣту. Скобелевъ назвалъ его Ширванскимъ.

Кромѣ редута, въ эту ночь была окончательно укрѣплена плотина; ручей отведенъ въ ровъ и сдѣланы еще нѣкоторыя другія работы.

Потеря наша состояла: изъ 2-хъ убитыхъ и 7-ми раненыхъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Абадзіевъ.

На слѣдующій день, 4-го января, къ вечеру, подъ наблюденіемъ капитана Маслова, приступлено къ устройству овальной траншеи, которая должна была соединить Ширванскій редутъ съ плотиной. Въ то-же время, съ наблюдательныхъ станцій предупредили, что непріятель спускается со стѣнъ крѣпости въ ровъ.

Ожидалось нападеніе.

Воспользовавшись темнотой, между закатомъ солнца и восходомъ луны, огромная масса тэкинцевъ ринулась на Велико-княжескую позицію и лѣвый флангъ осадныхъ работъ.

Въ этотъ разъ вылазка непріятеля обошлась ему слишкомъ дорого.

Тэкинцы не успѣли добѣжать до траншей, какъ были встрѣчены дружными залпами нашихъ солдатъ, приготовившихся къ нападенію. Сильнѣйшій натискъ выдержала мортирная батарея, командиръ которой, Ростовцевъ, несмотря на сабельный ударъ въ голову, геройски отбилъ нападающихъ, положивъ на мѣстѣ, шашкой и изъ револьвера, пятерыхъ тэкинцевъ. Особенно отличались стойкостью и хладнокровіемъ: Туркестанскій отрядъ, 10-я рота 3-го баталіона Ставропольскаго полка и горсть храбрецовъ въ Ширванскомъ редутѣ, дававшіе по командѣ залпъ за залпомъ.

Непріятель не выдержалъ и побѣжалъ къ крѣпости, преслѣдуемый убійственнымъ огнемъ и картечью съ Ставропольскаго редута.

Во время общей свалки, саперы, не оставляя лопатъ, съ замѣчательнымъ мужествомъ продолжали работы, побуждаемые примѣромъ руководителя своего, капитана Маслова и подчиненныхъ ему офицеровъ.

Потеря наша состояла: изъ 37-ми раненыхъ нижнихъ чиновъ и одного офицера; убитыхъ — 8 нижнихъ чиновъ.

Утромъ, 5-го числа, глазамъ открылась мрачная картина ночного нападенія... Груды непріятельскихъ тѣлъ и множество оружія усѣевали пространство отъ траншей до крѣпостного рва. Труповъ насчитали до 400.

Овальная траншея окончена въ прошлую ночь. Въ этотъ-же день вышли изъ нея перекидной сапой двумя ходами сообщенія; а 6-го января, утромъ, въ глубокой соединительной траншеѣ обѣихъ сапъ, шаговъ на 75 отъ крѣпостной стѣны, былъ начатъ минный колодецъ.

ГЛАВА XXI.

Томительно-долго текутъ послѣдніе дни осады.

Отбывъ свой караулъ въ траншеяхъ, офицеры стараются какъ-нибудь убить время, — играютъ въ шахматы, читаютъ старыя газеты; по рукамъ ходятъ даже романы, въ родѣ: «Старость Лекока», «Дѣло подъ № 113», «Нана» и т. п. Все это перечитывалось по-многу разъ.

Въ Велико-княжеской калѣ, какъ болѣе удобной, чѣмъ траншеи, задумали даже «винтить», но это не клеилось, изъ опасенія попасть на глаза къ вездѣсущему генералу, который не любитъ картъ и жестоко разнесетъ, увидя ихъ въ офицерскихъ рукахъ.

Солдаты балагурятъ, вспоминая разные случаи изъ недавнихъ аттакъ непріятеля.

— Рубнулъ это онъ меня по головѣ, а я его штыкомъ въ морду. Тутъ онъ шашку выпустилъ, да уцѣпился за

штыкъ руками — такъ и кончился, — разсказывалъ казакъ-уралецъ, съ перевязанной головой, не желавшій идти въ лазаретъ и снова вступившій въ строй.

— Народъ, братцы мои, отборный. Ничего не пужается. Идетъ голышемъ, чтобы ловче было. Шашкой-же съ нимъ, поди, и не управишься,—говорилъ другой.

— Богъ дастъ, заберемъ, да поминки по Новаку справимъ!

— Хорошій былъ казакъ!...

Изъ передняго входа въ Велико-княжескую калу показывается высокая фигура офицера. Сюртукъ и брюки его покрыты пылью, съ прилипшими комками глины. На блѣдномъ, но пріятномъ лицѣ сквозитъ досада:

— Ну что, капитанъ Масловъ, какъ дѣла?—раздаются вопросы.

— Ничего, подвигаемся,—туровъ только мало!...

— А мина?

— Сажень на 7 ушли.

— Господи! скорѣе бы только!—проговорилъ кто-то съ тяжелымъ вздохомъ.

Саперамъ не до скуки. На плечахъ ихъ теперь лежитъ все дѣло. Труженики забываютъ усталость. Все роютъ и роютъ. Дорылись многіе уже и до могилъ.

День смѣняется вечеромъ. Смѣняется и душевное настроеніе.

Солнце давно опустилось за горизонтъ. Темнота густѣетъ и скоро все погружается въ бездонный мракъ.

— Въ которомъ часу сегодня луна?

— Кажется, въ 10-ть!—Циферблатъ карманныхъ часовъ освѣщается горящей папиросой. — Еще два часа до восхода ея!...

Напряженіе нервовъ ростетъ...

Сухіе отрывистые выстрѣлы становятся какими-то вопросительными!... Такъ, вотъ, и кажется, что это только прелюдія къ общей свалкѣ, которая, вотъ-вотъ, и начнется... Вдругъ выстрѣлы зачастили и слились въ перекатный грохотъ.—Ну! Нападеніе!!

Нѣтъ—снова тишина, прерываемая одиночнымъ ружейнымъ трескомъ...

Темень—хоть глазъ выколи. Траншейный караулъ напряженно пронизываетъ ее, стараясь не попасть въ расплохъ. — Нападеніе 28-го декабря еще свѣжо въ памяти. Кому-то показалось, что впереди траншеи кто-то двигается...

— Глядь! ползетъ!...—шепчетъ одинъ солдатикъ другому—и стрѣляетъ; за нимъ другіе, и пошла трескотня.

— Да что, у тебя,—глаза во лбу?... сердито напускается караульный офицеръ.

— Виноватъ, ваше благородіе, померещилось!

Лагерь будто провалился въ землю; одни только верхи юломеекъ торчатъ на поверхности. Насыпь 1-й параллели не защищаетъ его, такъ что, въ первый-же день новой стоянки, выбыло оттуда до 15-ти человѣкъ ранеными. Охваченные ужасомъ, гражданскіе обыватели стали зарываться съ какимъ-то остервенѣніемъ. Кто-то вопилъ страдальческимъ голосомъ, что не пожалѣетъ 25 р. тому благодѣтелю, который вроетъ поглубже его юломейку. Подѣлали нѣчто въ родѣ нишей или маленькихъ пещерокъ, гдѣ, несмотря на спертый воздухъ, съ терпѣніемъ высиживаютъ до наступленія темноты. Лица у многихъ блѣдныя, вытянутыя, въ глазахъ—безнадежность и отчаяніе. Говорятъ тихо, чуть не шепотомъ, будто опасаются пробудить вниманіе непріятеля, который не жалѣетъ ни простыхъ пуль,

ни большихъ фальконетныхъ *), ни, даже, ядеръ,—осыпая ими бѣдныхъ лагерныхъ жителей.

— Не хотите ли повинтить?... У насъ есть уже тросъ,— спрашиваетъ офицеръ, пришедшій съ Велико-княжеской позиціи, наклонившись въ юломейку, точно въ колодецъ.

Но голосъ изъ подземелья бормочетъ что-то отрицательное.

Офицеръ не унываетъ и, продолжая шествіе къ другимъ юломеечнымъ колодцамъ, предлагаетъ уже партію въ шахматы.

Въ отвѣтъ ему слышатся только сдавленные голоса: «Будетъ ли ночное нападеніе?...»

Большія палатки передового лазарета Краснаго Креста служатъ удобною мишенью для непріятеля. Пули пробиваютъ ихъ и перераниваютъ вторично или даже третично несчастныхъ раненыхъ. Тамъ порядокъ и тишина, прерываемая изрѣдка тихими стонами.

Заваленные по горло перевязками и операціями, военные доктора, Слижневскій и Трейбергъ, мало обращаютъ вниманія на опасность и своимъ хладнокровіемъ дѣйствуютъ благотворно какъ на раненыхъ, такъ и на больничную прислугу. Имъ помогаетъ сестра милосердія Стрякова. Она легко контужена пулею въ грудь. Врачи частей войскъ изъ траншей также являются на подмогу.

Населеніе кладбища съ каждымъ днемъ увеличивается. Траурная риза отца Афанасія постоянно виднѣется на немъ.

Чтобы сколько нибудь оградить лазаретъ отъ непріятельскихъ пуль, уполномоченный Краснаго Креста, И. П. Балашевъ, недавно прибывшій въ осадный лагерь съ новымъ обозомъ и складомъ вещей, энергически принялся

*) Длинныя крѣпостныя ружья.

обноситъ его провіантскими бунтами и, при помощи кучеровъ, скоро вывелъ порядочную стѣну. Пули стали залетать рѣже.

Въ избѣжаніе переполненія лазарета, раненыхъ постоянно эвакуируютъ въ Самурскій госпиталь. Вся забота объ этомъ лежитъ на князѣ Шаховскомъ. Военно-медицинскаго принципала мало видно. Онъ постоянно исчезаетъ въ нѣдра земли, особенно съ того момента, когда, рядомъ съ нимъ сидѣвшаго на совѣщаніи, военнаго врача Малиновскаго, ранило пулею въ бокъ. Тогда отрядный врачъ заболѣлъ страшнымъ флюсомъ и, повязавъ щеку широкой косынкой, скрылся надолго съ поверхности земли.

Съ наступленіемъ вечера тэкинцы прекращали стрѣльбу по лагерю и подземные жители быстро выныряли изъ своихъ ямъ, спѣша расправить онѣмѣвшіе члены. Появлялись на земную поверхность и маркитанты. Гражданскій лагерь будто воскресалъ — но не надолго. Ночной мракъ снова загонялъ обывателей въ норы и снова трепетное ожиданіе, съ минуты на минуту, ночного нападенія.

ГЛАВА XXII.

По отбитіи непріятельской аттаки 4-го января, наши земляныя работы подвигались безостановочно. Много способствовала этому хорошая погода, стоявшая во всѣ предшествовавшіе дни осады. 6-го числа, вечеромъ, хотя и разыгралась сильная буря, но она не причинила ущерба, заставивъ только всѣхъ пробыть ночь напролетъ въ напряженномъ ожиданіи нападенія, которое, однако, не послѣдовало, несмотря на весьма благопріятныя условія къ тому. Порывы вѣтра напосили тучи песку во фронтъ на-

шего расположенія, засыпая глаза траншейному карауду, и тѣмъ лишали его возможности видѣть что-либо спереди. Какъ оказалось впослѣдствіи, тэкинцы въ эту ночь сами ждали аттаки съ нашей стороны и простояли до разсвѣта на стѣнахъ крѣпости съ пиками и обнаженными шашками, готовясь встрѣтить штурмующихъ. Непріятель, повидимому, отказался отъ дальнѣйшихъ вылазокъ, подъ впечатлѣніемъ неудачной своей аттаки 4-го января и ограничивался только усиленной перестрѣлкой и бросаньемъ каменьевъ, съ валовъ крѣпости, въ саперъ, работавшихъ перекидной сапой недалеко отъ рва, причемъ награждалъ ихъ разными эпитетами—въ родѣ: свиней, роющихся въ землѣ, полевыхъ мышей и т. п. Саперы, въ свою очередь, не оставаясь въ долгу, отвѣчали сосѣдямъ за стѣной динамитными патронами.

Утромъ, 7-го числа, по приказанію генерала Скобелева, на всѣхъ позиціяхъ данъ былъ сигналъ «отбой», и съ Ширванскаго редута, какъ ближайшаго къ крѣпости, закричали тэкинцамъ,—не желаютъ ли они убрать тѣла своихъ, которыя были разбросаны въ громадномъ количествѣ впереди нашихъ траншей до рва и начали разлагаться, распространяя страшное зловоніе. Непріятель, изъявивъ на это свое согласіе, въ свою очередь пріостановилъ стрѣльбу. Черезъ нѣсколько минутъ, все пространство осадныхъ работъ, вмѣстѣ съ непріятельской крѣпостью, походило на гигантскій муравейникъ, съ высыпавшимъ на поверхность земли и валовъ крѣпости множествомъ солдатъ и тэкинцевъ. Траншейная и крѣпостная публика съ любопытствомъ оглядывали другъ друга. Изъ-за насыпи 1-й параллели слегка высунулись блѣдныя лица и подземныхъ обывателей лагеря.

Нѣкоторые изъ солдатъ, знакомые съ языкомъ туркменъ, пустились въ разговоры, любопытствуя знать, хо-

рошо ли тэкинцамъ живется отъ нашихъ гранатъ и бомбъ. Послѣдніе увѣряли, что снаряды приносятъ имъ ничтожный вредъ и т. д.

Для переговоровъ съ непріятелемъ, отправился маіоръ Іомудскій, знавшій хорошо ихъ языкъ, такъ какъ былъ самъ родомъ туркменъ. Кромѣ его, отправилось нѣсколько другихъ офицеровъ съ переводчиками.

На предложеніе «сдаться»,—тэкинцы отвѣчали отказомъ, ссылаясь на то, что будто они подчинены Хивинскому хану и переговоры нужно вести съ нимъ. На совѣты-же, съ нашей стороны, отправить женъ и дѣтей своихъ въ болѣе безопасное мѣсто, нежели крѣпость, во избѣжаніе излишнихъ жертвъ, тэкинцы отвѣчали съ насмѣшкой: «Наши жены и дѣти такъ прекрасно укрыты, что ни одинъ вашъ снарядъ не приноситъ имъ теперь вреда и вы можете добраться до нихъ, лишь перейдя черезъ наши трупы».

Наблюдательные посты въ траншеяхъ не дремали. Воспользовавшись кратковременнымъ перемиріемъ, маіоръ Богаевскій быстро составилъ набросокъ внутренности крѣпости, съ расположеніемъ въ ней кибитокъ, которыхъ насчитали до 9,300. Приблизительная численность въ нихъ населенія предполагалась отъ 36,000 до 45,000. Кибитки стояли близъ и вдоль крѣпости—группами. Возлѣ нихъ виднѣлись какія-то ямы,—нужно полагать, входы въ землянки. Кромѣ земляныхъ работъ у холма, съ котораго непріятель давалъ сигнальные пушечные выстрѣлы, никакихъ другихъ укрѣпленій внутри крѣпости не было замѣчено. Верблюдовъ и лошадей было немного. Непріятель, по всей вѣроятности, угонялъ ихъ постоянно въ пески.

Между тѣмъ, уборка тѣлъ подходила уже къ концу. Тэкинцы, должно быть, недовольные слишкомъ назойли-

вымъ осмотромъ стѣнъ и рва нѣсколькими офицерами и солдатами, не дождались окончанія уборки труповъ и объявили, что они сейчасъ-же дадутъ сигналъ тремя холостыми выстрѣлами о концѣ перемирія. Выстрѣлы не замедлили послѣдовать и всѣ поспѣшили убраться во-свояси. Замѣшкались только двое солдатъ. Тогда одинъ изъ тэкинцевъ, стоя на валу крѣпости, замахалъ имъ папахой, крича, чтобы они скорѣе убрались въ траншеи, и лишь только солдаты скрылись, какъ со стѣнъ крѣпости прогремѣлъ дружный залпъ по траншеямъ; оттуда отвѣтили тѣмъ-же, и обычная перестрѣлка вступила снова въ свою прежнюю колею.

8-го января, съ брешь-батареи, построенной во 2-й параллели, на лѣвомъ флангѣ осадныхъ работъ, открытъ былъ сильный артиллерійскій огонь по стѣнѣ непріятельской крѣпости. Огонь былъ настолько мѣтокъ и дѣйствителенъ, что, въ короткое время, въ стѣнѣ крѣпости, на протяженіи приблизительно 7-ми сажень, образовался проломъ. Тэкинцы, при этомъ, выказали замѣчательную стойкость и энергію, стараясь задѣлать обвалъ, подъ градомъ разрывавшихся снарядовъ.

На разсвѣтѣ, 9-го числа, несмотря на сильный огонь ружейный и шрапнелью въ продолженіе всей ночи по мѣсту бреши, послѣдняя оказалась задѣланною и стѣна крѣпости выведена до прежней высоты. Съ брешь-батареи снова былъ открытъ огонь, но генералъ Скобелевъ, въ виду сбереженія снарядовъ, приказалъ отложить стрѣльбу до послѣдней минуты. Въ этотъ день капитанъ Масловъ, двумя перекидными сапами дошелъ почти до рва *). Сапы были

*) Имѣлось въ виду, на случай неудачи въ проведеніи минной галлереи, вѣнчать гласисъ рва и произвести взрывъ открыто.

выведены изъ редута, названнаго «Саперным» и построеннаго еще въ ночь съ 7-го на 8-е число, для непосредственной защиты минnаго спуска. Къ вечеру всѣ подземныя осадныя работы были окончены, но мина не была еще готова, по причинѣ поврежденія вентилятора, безъ котораго нельзя было работать подъ землею. Вслѣдствіе этого, штурмъ пришлось отложить съ 10-го числа, какъ это предполагалось прежде, на 12-е число. По исправленіи вентилятора, подземныя работы закипѣли съ усиленной энергіей. Саперы торопились. Наконецъ, 11-го числа минная галлерея была закончена и приступили къ заряженію камеръ 72-мя пудами пороха. Въ то-же время на различныхъ пунктахъ траншей были намѣчены значками мѣста, для прохода артиллеріи и штурмовыхъ колоннъ; также сдѣланы необходимыя къ этому приспособленія.

Вздохнулось свободнѣе. Наконецъ-то финалъ утомительной военной драмы, поднявшей всѣ чувства до высокой степени напряженія! Въ успѣхъ штурма вѣрили почти всѣ. Сомнѣвались только въ количествѣ времени, которое потребуется на занятіе всей крѣпости. Беря во вниманіе храбрость и громадную энергію, не разъ уже выказанную непріятелемъ, нѣкоторые предполагали, что на это потребуется дней 5 или 6, такъ какъ придется брать каждый шагъ съ боя. Другіе, разсчитывая на впечатлѣніе взрыва, полагали значительно меньшій срокъ, но не менѣе дней 2-хъ или, въ случаѣ очень большаго успѣха—и одного.

О таинственныхъ подземныхъ стукахъ, слышанныхъ, нѣсколько дней тому назадъ, въ Велико-княжеской калѣ, совсѣмъ забыли. Стуки эти въ первое время вызвали предположеніе, что непріятель, провѣдавъ о нашихъ минныхъ работахъ, повелъ контръ-мину. Кто-то даже съ увѣренностью высказалъ мнѣніе, что тэкинцевъ въ этихъ рабо-

тахъ руководитъ англійскій инженеръ. Воображеніе уже рисовало воздушный полетъ Велико-княжеской калы, со всѣми обывателями, высоко къ облакамъ. Донесли объ этихъ стукахъ полковнику Куропаткину. Невозмутимый и симпатичный полковникъ, хотя и отнесся къ этому скептически, но все-таки приказалъ, на всякій случай, вырыть слуховые колодцы: одинъ—въ Охотничьей калѣ, другой—въ Велико-княжеской. Вырыли; спустили въ нихъ караульныхъ матросовъ. Стали слушать—тихо. Стуки, какъ нарочно, исчезли. Кто-то изъ офицеровъ съострилъ, что это, должно быть, продѣлки тэкинскихъ спиритовъ. Интересовались всѣмъ этимъ очень недолго и скоро перестали обращать вниманіе.

Наканунѣ штурма, 11-го числа, рѣшено было увеличить артиллерійскую брешь въ крѣпостной стѣнѣ, на лѣвомъ флангѣ, двумя взрывами изъ пироксилина и динамита. Охотниками для производства этихъ взрывовъ вызвались: мичманъ Майеръ и поручикъ желѣзно-дорожнаго баталіона Остолоповъ. Въ распоряженіи перваго находилось 14 человѣкъ. Въ распоряженіи втораго—10 человѣкъ. Для прикрытія ихъ назначалась 13-я рота Апшеронскаго полка. Общее начальство надъ всѣмъ поручено флигель-адъютанту, графу Орлову-Денисову.

Часовъ въ 10 вечера, маленькій отрядъ, соблюдая всѣ предосторожности, тихо двинулся изъ траншей ко рву непріятельской крѣпости. Темень стояла непроглядная, да вдобавокъ, шелъ проливной дождь. Отрядъ держался направленія къ маленькой овальной непріятельской траншеѣ, сообщавшейся со рвомъ и носившей названіе «Подковы». Тэкинцы давно бросили ее.

Скользя по вязкой грязи, спотыкаясь ежеминутно о гніющіе непріятельскіе трупы, которые не успѣли убрать

7-го числа, — маленькій отрядъ добрался до «Подковы». Чтобы убѣдиться, нѣтъ ли во рву непріятеля, минманъ Майеръ, съ однимъ изъ осетиновъ, поползли впередъ и, спустившись въ ровъ, тщательно осмотрѣли его, прислушиваясь ко всякому подозрительному шуму. Говоръ и кашель раздавались только за стѣной крѣпости, но во рву никого не было.

Возвратившись къ командѣ и сообщивъ графу Орлову о результатахъ своего изслѣдованія, Майеръ, вмѣстѣ съ Остолоповымъ и минёрами, забравъ съ собой три пуда пироксилина и столько-же динамита, поползли ко рву и, войдя въ него, стали быстро и осторожно выдалбливать въ стѣнѣ ниши для закладки минъ, шаговъ на 20 одна отъ другой.

Работали около часу. Мина Майера была уже готова. Отдавъ приказаніе зажечь шнуръ Бикфорда, Майеръ поспѣшилъ къ выходу, но, ослѣпленный на мгновенье свѣтомъ при зажиганіи фитиля, вспыхнувшимъ на нѣсколько секундъ и погрузившимъ затѣмъ все окружающее еще въ большій мракъ, и страдая, притомъ, близорукостью, Маеръ не нашелъ сразу выхода и сталъ блуждать... Фитиль быстро догоралъ... Выходъ, наконецъ, найденъ; но въ этотъ моментъ раздался страшный взрывъ. Отважный юнопа сильнымъ толчкомъ былъ отброшенъ вверхъ и ударился со всего размаха головою объ землю. Безчувственнаго Майера сейчасъ-же подхватили свои матросы.

Вслѣдъ за взрывомъ, масса тэкинцевъ бросилась къ мѣсту бреши, думая, вѣроятно, что ихъ штурмуютъ. Въ это время, въ другомъ мѣстѣ, прогремѣлъ второй взрывъ Остолопова. Съ траншей неслось дружное «ура!»

Генералъ Скобелевъ, выжидавшій взрыва въ 3-й па-

раллели, благодарилъ возвратившихся минеровъ, наградивъ каждаго 100 руб. и георгіевскимъ крестомъ.

Въ первомъ часу ночи была разослана начальникамъ частей диспозиція на 12-е января. — Содержаніе ея, въ краткихъ чертахъ, слѣдующее:

«Завтра, 12-го января, имѣетъ быть взятъ штурмомъ главный валъ непріятельской крѣпости у юго-восточнаго угла ея.

«Для штурма назначаются колонны:

1) «Полковника Куропаткина (въ составѣ $11^1/_2$ ротъ, 1-ой команды, 6-ти орудій, 2-хъ ракетныхъ станковъ и 1-го геліографнаго станка); овладѣваетъ обваломъ, произведеннымъ взрывомъ Велико-княжеской мины; утверждается на немъ прочно; укрѣпляется въ юго-восточномъ углу крѣпости и входитъ въ связь со второю колонной полковника Козелкова.

«Сборный пунктъ — Велико-Княжеская позиція, въ 7 часовъ утра.

2) «Полковника Козелкова (въ составѣ $8^1/_4$ ротъ, 2-хъ командъ, 3-хъ орудій, 2-хъ ракетныхъ станковъ и 1-го геліографнаго станка). Овладѣваетъ артиллерійскою брешью; входитъ въ связь съ первой колонной; прочно утверждается и укрѣпляется на бреши, въ общей обоюдной зависимости съ колонною полковника Куропаткина.

«Сборный пунктъ — 3-я параллель, къ 7-ми часамъ утра — въ передовомъ плацдармѣ.

3) «Подполковника Гайдарова (въ составѣ $4^1/_2$ ротъ, 2-хъ командъ, $1^1/_2$ сотни, 5-ти орудій, 5-ти ракетныхъ станковъ и 1-го геліографнаго станка); овладѣваетъ Мельничной калой *) и ближайшими къ ней ретраншементами,

*) Опорный пунктъ на лѣвомъ флангѣ осады, близъ непріятельской

съ цѣлью подготовленія и обезпеченія успѣха для второй колонны; затѣмъ, усиленнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ дѣйствуетъ по внутренности крѣпости, обстрѣливая ее продольно и въ тылъ непріятелю, сосредоточенному противъ главной аттаки, и, наконецъ, только въ зависимости отъ успѣха главной аттаки, наступаетъ на главный валъ.

«Сборный пунктъ — Опорная кала, — въ 3 часа утра.

«Общій резервъ въ распоряженіи командующаго войсками, у Ставропольскаго редута, въ составѣ: 21-ой роты, 24-хъ орудій и геліографнаго станка.

«Аттаку начинаетъ подполковникъ Гайдаровъ, въ 7 часовъ утра.

«Одновременно вся артиллерія дѣйствуетъ по крѣпости.

«Штурму обваловъ предшествуетъ усиленная бомбардировка крѣпости въ теченіи получаса.

«Аттака обоихъ обваловъ начинается одновременно, — тотчасъ послѣ взрыва мины у Велико-княжеской позиціи.

«Приказаніе взорвать мину получаетъ начальникъ инженеровъ, на Велико-княжеской калѣ, отъ временно-командующаго войсками.

«Перевязочные пункты находятся: 1) на Велико-княжеской позиціи; 2) на лѣвомъ флангѣ 3-й параллели; 3) въ Ставропольскомъ редутѣ; 4) при колоннѣ подполковника Гайдарова, — спачала въ Опорномъ, а потомъ въ Мельничной калѣ; 5) въ ходѣ сообщенія между 1-й и 2-й параллелями; 6) въ лагерѣ. Кромѣ того, два перевязоч-

---

крѣпости, соединенный со рвомъ послѣдней,—траншеей. Названная кала не была занята нами прежде, во избѣжаніе значительной растянутости осадной линіи, по причинѣ малочисленности дѣйствующаго отряда.

ныхъ пункта Краснаго Креста обоихъ фланговъ располагаются на стѣнахъ непріятельской крѣпости, тотчасъ за занятіемъ обваловъ штурмовыми колоннами».

ГЛАВА XXIII.

12-е января. Утро сѣренькое, пасмурное. Въ воздухѣ пахнетъ сыростью и слегка мороситъ. 6 часовъ. Солдаты повставали и какъ-то особенно тщательно прибираются, заботясь, главнымъ образомъ, о чистыхъ рубахахъ. — У немногихъ сохранились цѣлыя, запасныя; другіе надѣваютъ старенькія, порванныя, но вымытыя. Обращаются въ Красный Крестъ, прося «одолжить». Тамъ не отказываютъ и даютъ сколько могутъ.

Лица у всѣхъ бодрыя, оживленныя, глаза смотрятъ серьёзно — въ ожиданіи чего-то торжественнаго.

Въ Апшеронскомъ баталіонѣ сознаніе важности наступившей минуты какъ-то рѣзче. Это тотъ баталіонъ, который такъ несчастливо и такой дорогой цѣной потерялъ свое знамя. Ему предоставлена честь умереть первымъ, находясь во главѣ штурмующей колонны лѣваго фланга. Боевая традиція баталіона должна въ этотъ день обогатиться новымъ славнымъ подвигомъ, который, быть можетъ, создастъ ему знамя. Пусть оно развѣвается хоть надъ общей могилой, сдѣлавшись достояніемъ страницъ исторіи, но оно должно развѣваться. Такъ говорятъ блестящіе глаза этихъ солдатъ. Такъ слышится это въ сдержанныхъ, отрывистыхъ фразахъ:

— Дай-то, Господи, побѣдить, да тамъ и умереть — по мертвому не спомянутъ лихомъ.

— А что, братцы? ежели знамя найти, то по мнѣ тогда хоть живымъ жги!

Въ средѣ охотничьей команды менѣе замѣтенъ этотъ возвышенный тонъ. Отважные смѣльчаки такъ сроднили жизнь со смертью, что для нихъ перипетіи боевой жизни вошли въ привычную колею. — Балагурятъ и острятъ по старому. Начальникъ ихъ, Воропановъ, нѣсколько озабоченъ. Ему первому съ командой предстоитъ овладѣвать обваломъ на правомъ флангѣ...

8-й часъ въ началѣ. Издали, со стороны крайняго лѣваго фланга, донеслись пушечные выстрѣлы и густой ружейный трескъ.

Началось!

Нѣкоторые изъ солдатъ, снявъ шапки, перекрестились...

Демонстрирующая колонна Гайдарова повела наступленіе на Мельничную калу.

Послѣ разбитія артиллеріей передней стѣнки калы и выбитія изъ нея непріятеля, послѣдняя скоро была занята нами и быстро приведена въ оборонительное положеніе. Непріятель массою устремился на часть стѣны крѣпости, противъ Мельничной калы, и открылъ сильнѣйшій огонь по занятому укрѣпленію; въ то-же время, непріятельская конница, появившаяся вдоль западнаго фронта, анфилировала позицію. Противъ нихъ и стоявшихъ на стѣнѣ открыли огонь шрапнелью изъ 4-хъ орудій. Изъ другихъ 4-хъ (4 бат. 19 ар. б.) фланкировали подступы къ калѣ и дѣйствовали по южному фасу крѣпости...

Орудія загремѣли по всей линіи. Началась канонада по бреши, подготовленной 8-го и 11-го числа. Съ брешь-батареи и другихъ орудій грохотъ неумолкаемый. Тэкинцы отважно кидаются задѣлывать брешь, но ихъ давятъ шрапнелью. — Адъютантъ Уткевичъ дѣйствуетъ молодецки...

Все кругомъ застлано дымомъ... Осколки бомбъ и гранатъ залетаютъ назадъ, въ траншеи...

Генералъ Скобелевъ сидитъ, въ походномъ креслѣ, впереди Ставропольскаго редута, откуда наблюдаетъ за аттакой. Его просятъ поберечься — пули то и дѣло ложатся возлѣ него, но генералъ ничего не слышитъ — онъ весь поглощенъ ходомъ боя...

11-й часъ въ началѣ... Генералъ Скобелевъ подзываетъ къ себѣ начальника штаба Гродекова, которому отдаетъ приказаніе относительно взрыва мины. Черезъ нѣсколько минутъ, Гродековъ уже на Велико-княжеской позиціи у полковника Куропаткина. — Потребовали начальника минныхъ работъ — капитана Маслова.

— По приказанію временно-командующаго войсками, мину взорвать въ 11 ч. 20 минутъ, — говоритъ ему Гродековъ, показывая часы для провѣрки.

— Слушаю-съ!

Провѣривъ свои часы, Масловъ спѣшитъ къ минному спуску.

Во избѣжаніе несчастья отъ могущаго быть паденія стѣнъ въ большой калѣ, вслѣдствіе сотрясенія, произведеннаго взрывомъ мины, полковникъ Куропаткинъ приказалъ вывести войска изъ нея на плацдармъ, заранѣе приготовленный позади калы.

Войска выводятъ.

Колонну свою Куропаткинъ раздѣлилъ на три части:

Первая — маіора Сивиніуса, съ охотничьей командой Воропанова во главѣ, — овладѣваетъ обваломъ и частью стѣнъ, распространяясь влѣво, до встрѣчи съ колонной Козелкова, и вправо, до перваго непріятельскаго траверса.

Вторая — штабсъ-капитана Фока — служитъ резервомъ

первой и овладѣваетъ внутренностью крѣпости, послѣ того, какъ первая овладѣваетъ обваломъ.

Третья часть — подполковника Гуляева, — составляетъ общій резервъ и занимаетъ послѣ взрыва Ширванскій и Саперный редуты, Туркестанскую калу и передовыя траншеи, обезпечивая, такимъ образомъ, тылъ и правый флангъ штурмовой колонны и служа ей главнымъ резервомъ.

Проходитъ немного времени... Земля дрогнула... глухой подземный шумъ... и гигантскій снопъ земли, камней и глины высоко взвился къ небу, унося съ собой часть крѣпостной стѣны...

Образовался широкій удобо-восходимый обвалъ...

Орудія, на минуту смолкнувъ, гремятъ снова... и масса чугуна несется на сѣверный фасъ крѣпости... Бурныя волны криковъ «ура»! повисшихъ въ воздухѣ, сливаются съ общимъ гуломъ... Въ густыхъ облакахъ дыма и пыли, застилавшихъ прилегающую мѣстность къ обвалу, быстро мелькаютъ черныя фигуры — это охотники съ Воропа́новымъ; — болѣе половины ихъ засыпано и задавлено землей; — съ охотниками ширванцы и саперы; во главѣ послѣднихъ капитанъ Масловъ. — Всѣ ринулись къ обвалу, подъ градъ свинца тэкинцевъ, бросившихся защищать проходъ на мѣстѣ взрыва... Столкнулись грудь съ грудью... дерутся штыками, копьями, шашками...

Изъ первыхъ убитъ на повалъ прапорщикъ Закаспійскаго мѣстнаго баталіона, Морицъ, посланный генераломъ впередъ, загладить провинность по службѣ — бѣлымъ крестомъ или деревяннымъ. Бездыханный трупъ его падаетъ на Воропанова. Послѣдній сваливается съ ногъ, чѣмъ случайно уклоняется отъ удара шашки, разсѣкшей только воздухъ, но, черезъ нѣсколько секундъ, тэкинецъ, нанесшій его, падаетъ съ разрубленной головой шашкой Во-

ропанова. Солдаты разъярились — бьютъ прикладами, какъ попало... Въ подмогу имъ примчались уральцы, стоявшіе въ резервѣ и кинувшіеся на обвалъ по собственной иниціативѣ...

Защитники обвала перебиты, но на прилегающихъ къ нему участкахъ стѣнъ дерутся еще съ остервенѣніемъ... Наконецъ, и тамъ тэкинцы сбиты и уничтожены.

Поручикъ Булыгинъ овладѣваетъ непріятельскимъ траверсомъ... Солдаты распространяются по стѣнамъ далѣе — въ обѣ стороны обвала, выбивая шагъ за шагомъ разъяреннаго противника... Капитанъ Масловъ съ саперами быстро вѣнчаетъ обвалъ, съ котораго бросился уже во-внутрь крѣпости штабсъ-капитанъ Фокъ съ частью своей колонны... Свалка кипитъ между кибитками... Тэкинцы дерутся, какъ львы, — солдаты имъ не уступаютъ... все пространство вымащивается тѣлами... Изъ кибитокъ въ кибитки и въ землянки мечутся, какъ безумныя, женщины, волоча за собой дѣтей. Вопли, слезы, крики, стоны, звонъ оружія, ружейные залпы — все это смѣшивается въ дикій хаосъ, гдѣ люди уподобились хищнымъ звѣрямъ...

Непріятель дрогнулъ — часть его бѣжитъ къ воротамъ сѣвернаго фронта, а оттуда — въ пески. Другіе продолжаютъ еще отчаянно сопротивляться...

Колонна Куропаткина сходится съ колонной Козелкова. Войска, съ развернутыми знаменами, при барабанномъ боѣ и съ музыкой, стройно наступаютъ на холмъ... Еще свалка... и тактическій ключъ крѣпости, холмъ Денгиль-тэпе, занятъ нашими войсками...

Въ часъ по-полудни на немъ развѣвалось знамя Ширванскаго баталіона, замѣненное вскорѣ Императорскимъ штандартомъ.

Непріятель, охваченный паникой, бѣжитъ изъ крѣпо-

сти въ пески. Никто изъ тэкинцевъ болѣе не сопротивляется—бѣгутъ массою всѣ. Ихъ преслѣдуетъ пѣхота, къ которой скоро присоединяется кавалерія съ княземъ Эристовымъ. Путь преслѣдованія, на протяженіи 7-ми верстъ, усѣянъ непріятельскими трупами.

Въ моментъ взрыва мины, штурмовая колонна лѣваго фланга, имѣя во главѣ у себя 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка съ штурмовыми лѣстницами, быстро двинулась къ бреши, осыпаемая дождемъ свинца со стѣнъ крѣпости. Но едва только 4-й баталіонъ перешелъ мостикъ черезъ Велико-княжескій ручей, какъ изъ строя былъ выбитъ командиръ баталіона, графъ Орловъ-Денисовъ, тяжело раненый въ бедро, съ раздробленіемъ кости, и не покидавшій до этого времени фронта, несмотря на первую рану въ руку. Почти въ то-же время, лѣвѣе отъ Орлова, свалился тяжело раненый мичманъ Майеръ, которому пуля раздробила верхнюю челюсть, порвала языкъ и пробила подключичную часть лѣгкаго. Обоихъ раненыхъ сейчасъ-же подхватили санитары, а командованіе баталіономъ принялъ маіоръ ханъ Нахичеванскій, стремительно бросившійся со своими солдатами на трудно-восходимую артиллерійскую брешь. Потребовались штурмовыя лѣстницы. Непріятель стрѣлялъ въ упоръ, бросая при этомъ громадными каменьями... Наступилъ моментъ, когда противниковъ раздѣляла только толщина стѣны. Головы съ обѣихъ сторонъ скрылись. Изъ-за стѣны торчали копья и шашки... Но это длилось нѣсколько секундъ...

«Впередъ, братцы! Надо умирать!» прозвучали хриплые голоса... Поручикъ Чукмасовъ, ханъ Нахичеванскій и капитанъ Мельницкій, вмѣстѣ съ переднимъ рядомъ солдатъ, очутились на вершинѣ стѣны. Съ ними вскочилъ и подпоручикъ Поповъ, который бросился сначала помочь

своему раненому отцу, командиру 3-го баталіона Апшеронскаго полка, пришедшаго въ подмогу къ 4-му баталіону, изъ котораго порядкомъ уже выбыло. Подполковникъ Поповъ успѣлъ дойти только до рва, гдѣ былъ тяжело раненъ въ голову. Увидѣвъ подбѣжавшаго къ нему сына, старикъ, обливаясь кровью, молча указалъ ему на брешь и упалъ безъ чувствъ. Молодой Поповъ моментально очутился на ней.

Цѣпляясь за стѣну и подсаживаемые задними рядами, апшеронцы скоро очутились на вершинѣ ея. Саперы въ это время, подъ начальствомъ капитана Васильева, находившагося все время въ головѣ штурмовой колонны, расширяли брешь, дѣлая ее удобо-проходимой. Часть апшеронцевъ, выбивая непріятеля, распространилась по стѣнамъ, другіе кинулись внизъ — во-внутрь крѣпости, гдѣ смѣшались въ общей свалкѣ между кибитками. Скоро подошли и другія части колонны, вошедшей потомъ въ связь съ Куропаткинымъ.

Тотчасъ послѣ взрыва, подполковникъ Гайдаровъ изъ Мельничной калы перешелъ въ наступленіе, направивъ часть колонны къ западному фасу крѣпости, для эскадпрованія стѣны штурмовыми лѣстницами; другую часть,— противъ позиціи непріятеля — между ручьемъ, Опорнымъ и крѣпостью, а кавалерію — преслѣдовать бѣгущихъ текинцевъ. Часть колонны, взобравшаяся на стѣну, вошла въ общую связь съ колоннами Куропаткина и Козелкова.

Геокъ-Тэпе палъ!!...

Наша потеря: убито офицеровъ — 4; нижнихъ чиновъ — 55. Ранено: офицеровъ — 18; нижнихъ чиновъ — 236. Контужено: офицеровъ — 10; нижнихъ чиновъ — 75. Охотниковъ, задавленныхъ землею, отрыли. Почти всѣ изъ нихъ остались живы.

Непріятель потерялъ: до 4,000 убитыми внутри крѣпости и до 2,000 убитыхъ во время преслѣдованія.

Ураганъ бойни стихалъ. Раздавались только глухіе выстрѣлы револьверовъ, а иногда и ружейные. Площадь крѣпости усѣяна тэкинскими трупами. Всюду лужи крови. На обвалѣ торчатъ головы и другія части туловища задавленныхъ взрывомъ. Изъ землянокъ, которыхъ тысячи — раздаются протяжные стоны. Тамъ укрывались отъ снарядовъ семьи тэкинцевъ, но осколки гранатъ и бомбъ проникали всюду. Между кибитками, мѣстами тлѣющими, снуютъ казаки и солдаты, нагруженные коврами, шелковой матеріей, серебряной сбруей и т. п. Въ средѣ ихъ также и «гражданскіе чины» разныхъ вѣдомствъ, бывшіе еще утромъ подземными жителями злополучнаго для нихъ лагеря, а теперь веселые, занятые пріобрѣтеніемъ тэкинскихъ издѣлій.—Въ этомъ отношеніи болѣе всего озабоченъ «чиновникъ со штуцеромъ». Возлѣ него лежитъ уже порядочный тюкъ всякаго добра, но онъ дѣятельно прикупаетъ все больше и въ особенности накидывается на серебряную сбрую. Военно-медицинскій представитель, такъ чудесно выздоровѣвшій отъ флюса, въ день штурма — также съ ковриками. Впрочемъ, это произведеніе тэкинскаго рукодѣлія имѣло притягательную силу на очень многихъ.

На перевязочномъ пунктѣ Краснаго Креста, во рву крѣпости, масса израненыхъ тэкинскихъ женщинъ и дѣтей. Ихъ не успѣваютъ перевязать, какъ снова набирается толпа. Раненія, почти исключительно, осколками снарядовъ. Пулевыхъ ранъ мало.—Плачутъ, стонутъ и шлютъ проклятія на голову Тыкма-Сердаря, котораго онѣ считаютъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій. Среди пожилыхъ женщинъ виднѣются молодыя, красивыя; — большая часть послѣд-

нихъ вымазались глиной, чтобы не привлекать вниманіе, но зоркій глазъ персидскаго агента, все-таки, признаетъ въ нѣкоторыхъ плѣнныхъ персіянокъ и онѣ отбираются въ сторону.

Холмъ уже укрѣпленъ и вооруженъ орудіями. Комендантомъ укрѣпленія назначенъ капитанъ Масловъ.

Вечеретъ... Задымились костры. Группы солдатъ, расположившись на богатыхъ коврахъ и одѣялахъ, одѣтые, нѣкоторые изъ нихъ, въ богатые шелковые халаты, усердно занимаются варкой мучныхъ лепешекъ въ бараньемъ салѣ, какъ дѣлаютъ это туркмены. Идутъ оживленные разсказы о драматическихъ перипетіяхъ дня. Вопросъ о найденномъ знамени Апшеронскаго баталіона остается спорнымъ. Одни говорятъ, что его нашли ширванцы, другіе утверждаютъ, что сами апшеронцы *). Кое-гдѣ раздаются пѣсни.

— Ваше вско-б-іе.

— Что тебѣ?

— Привелъ вамъ...

— Что-о-о?...

— Стадо вамъ привелъ, ваше вско-б-іе.

Изъ палатки вылѣзаетъ офицеръ. Передъ нимъ вѣстовой казакъ, со сворою борзыхъ и нѣсколькими соколами. Позади казака, освѣщенные свѣтомъ костра, красуются: верблюдъ, штуки три ословъ и корова съ теленкомъ.

— Что ты, братецъ! куда я все это дѣну?!..

— Ну, пущай идутъ,—говоритъ, ухмыляясь, импровизированный пастухъ, отгоняя животныхъ, по собакъ и птицъ привязывая у палатки...

— А вотъ еще вамъ букварь! продолжаетъ казакъ, вы-

*) Въ дѣйствительности, знамя было отыскано апшеронцами.

нимая изъ сумки огромный фоліантъ въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ.

— Ну, спасибо. Да ты бы этакъ коверъ притащилъ— гораздо лучше.

На слѣдующій день приказано зарывать трупы. Для семействъ тэкинцевъ отвели особое мѣсто и разрѣшили имъ брать хлѣбъ, утварь и другія вещи. Попеченіе надъ ними было возложено на князя Шаховскаго и оберъ-контролера.

Не давая опомниться непріятелю отъ нанесеннаго удара, генералъ Скобелевъ быстро сформировалъ два отряда, которые послалъ въ тотъ-же день: одинъ съ полковникомъ Куропаткинымъ на Асхабадъ — конечный пунктъ оазиса; другой, съ Гайдаровымъ,—въ пески. Самъ-же Скобелевъ остался еще на два дня въ Геокъ-Тэпе. Наканунѣ отъѣзда его въ Асхабадъ, отъ главнокомандующаго Кавказской арміей была получена генераломъ депеша:

«...Ты поймешь мою радость», телеграфировалъ покойный Императоръ своему августѣйшему брату. «Поздравь мои храбрыя войска. Произвожу Скобелева въ полные генералы и даю ему Гергія 2-й ст...»

Начальники частей быстро выстраивали войска передъ ставкой временно-командующаго.

Скоро передъ ними появился немного взволнованный генералъ Скобелевъ... Горячія поздравленія окружавшихъ слились съ дружнымъ, сердечнымъ «ура!» солдатъ. На генеральскихъ погонахъ Скобелева уже не было трехъ звѣздочекъ. Камердинеръ его Петровъ, услышавъ о полномъ генералѣ, моментально споролъ ихъ.

Вечеромъ того дня, генералъ Скобелевъ уѣхалъ къ Асхабаду.

Посланные имъ отряды нигдѣ не встрѣчали сопротивленія.

Населеніе Ахала, потрясенное въ основѣ, приходило отовсюду изъявлять покорность. Вмѣстѣ съ ними явился и главный вождь ихъ, Тыкма-Сердарь.

Занятіемъ Асхабада экспедиція окончилась...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ... Берегъ Волги въ Царицынѣ покрытъ сплошною массою десятковъ тысячъ народа.—Тутъ купцы, бурлаки, мастеровые, фабричные — все больше рабочій людъ.

Глаза толпы, въ напряженномъ ожиданіи, обращены на Волгу. Ждутъ!... Вдругъ бурный говоръ начинаетъ стихать, — раздаются возгласы: — ѣдетъ!... и наступаетъ тишина...

Бѣлые клубы дыма, показавшіеся въ дали, все ближе и ближе... Рѣзкій свистокъ, и маленькій пароходъ, отплывшій, нѣсколько дней тому назадъ, изъ Красноводска, причаливаетъ къ берегу. Черезъ нѣсколько минутъ изъ него выходитъ генералъ Скобелевъ съ адъютантомъ и ординарцами. Генералъ возвратился изъ Ахалъ-Тэке въ Россію.

Лишь только Скобелевъ вступилъ на берегъ, какъ пронесся такой оглушительный крикъ «ура»!.. что, казалось, будто онъ вылетаетъ изъ однихъ исполинскихъ устъ. Дождь шапокъ, армяковъ, платковъ, какъ бы лѣсомъ выросталъ надъ головами...

Это былъ взрывъ такого неподкупнаго народнаго энтузіазма, который выпадаетъ на долю тѣхъ немногихъ патріотовъ, славныя имена коихъ никогда не умираютъ въ памяти народа.

Медленно подвигался генералъ Скобелевъ, съ обнажен-

ной головой, среди восторженной массы привѣтствовавшаго его народа, — направляясь къ желѣзно-дорожной станціи. — Серьёзное лицо генерала и сосредоточенный взглядъ обнаруживали по временамъ признаки сильно сдерживаемаго душевнаго волненія...

Курьерскій поѣздъ стоялъ уже на-готовѣ.

Еще разъ генералъ глубоко поклонился русскому народу.—Въ глазахъ у него блестѣли слезы и онъ, что-то тихо проговоривъ, взошелъ въ вагонъ...

Поѣздъ, окруженный сплошною стѣной людей, съ обнаженными головами, сталъ медленно подвигаться впередъ...

Проходитъ годъ...

Со всѣхъ мѣстъ Россіи несется заупывный погребальный звонъ... Русскій народъ съ глубокою скорбью служитъ панихиды по скоропостижно скончавшемся доблестномъ патріотѣ своей родины...

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Періодъ I-й. Организація тыла.

стр.

Глава I. Красноводскъ. — Генералъ Петрусевичъ. — Отъѣздъ въ Чигишляръ 1

Глава II. Чигишлярскій постъ. — Комендантъ его—полковникъ Арцишевскій 5

Глава III. Жизнь въ Чигишлярѣ. — Состояніе медицинско-санитарной части. - Верблюжій транспортъ и его организація. — Пріѣздъ генерала Скобелева съ передового поста. — Новый отрядный врачъ. — Отъѣздъ Скобелева въ Красноводскъ и отправка начальника штаба въ Персію 10

Глава IV. Краткое топографическое описаніе Закаспійскаго края и коммуникаціонныхъ линій. — Оазисъ Ахалъ-Тэке 21

Глава V. Объѣздъ Чигишлярской линіи. — Посты Караджи-батырь и Ягды-Олумъ 25

Глава VI. Посты: Чатъ, Дузъ-Олумъ и Терсъ-Аканъ 33

Глава VII. Посты: Хаджамъ-кала и Бендесены. — Смерть Студитскаго. — Команда охотниковъ. — Перевалъ черезъ Копетдагъ. 40

Глава VIII. Передовой постъ Бами и его организація. — Первая рекогносцировка Геокъ-Тэпе генераломъ Скобелевымъ. 6-го іюля. — Жизнь на передовомъ пунктѣ. — Отъѣздъ на Сѣверную линію. . 48

Глава IX. Михайловская линія и ея посты. — Закладка желѣзной дороги. — Возвращеніе въ Красноводскъ 64

Глава X. Критическое положеніе экспедиціи. — Погромъ на интендантовъ. — Громовъ и его верблюжьи транспорты. — Безтолковость въ военно-медицинской организаціи. — Окончаніе организаціи тыла. 76

Періодъ II-й. Наступательныя дѣйствія.

стр.

Глава XI. Постъ Бами передъ выступленіемъ.—Краткій взглядъ назадъ 87

Глава XII. Выступленіе изъ Бами.—Обходное движеніе по Чандырю.—Приключеніе въ Арвбазскомъ ущельи.—Прибытіе въ Келаты 92

Глава XIII. Занятіе Егинъ-батырь-калы и его укрѣпленіе . . . 101

Глава XIV. Рекогносцировка Геокъ-Тэпе 4-го декабря 105

Глава XV. Самурскій постъ и его обыватели.—Военно-медицинскій представитель.—Прибытіе полковника Куропаткина.—Рекогносцировки 12-го и 18-го декабря.—Князь Шаховской . . . 111

Глава XVI. Штурмъ Янги-кала и его занятіе.—Занятіе другихъ опорныхъ пунктовъ и ихъ укрѣпленіе 116

Глава XVII. Смерть генерала Петрусевича и закладка 1-ой параллели 122

Глава XVIII. Осадный лагерь.—Траншейныя работы.—Вылазка непріятеля 28-го декабря 128

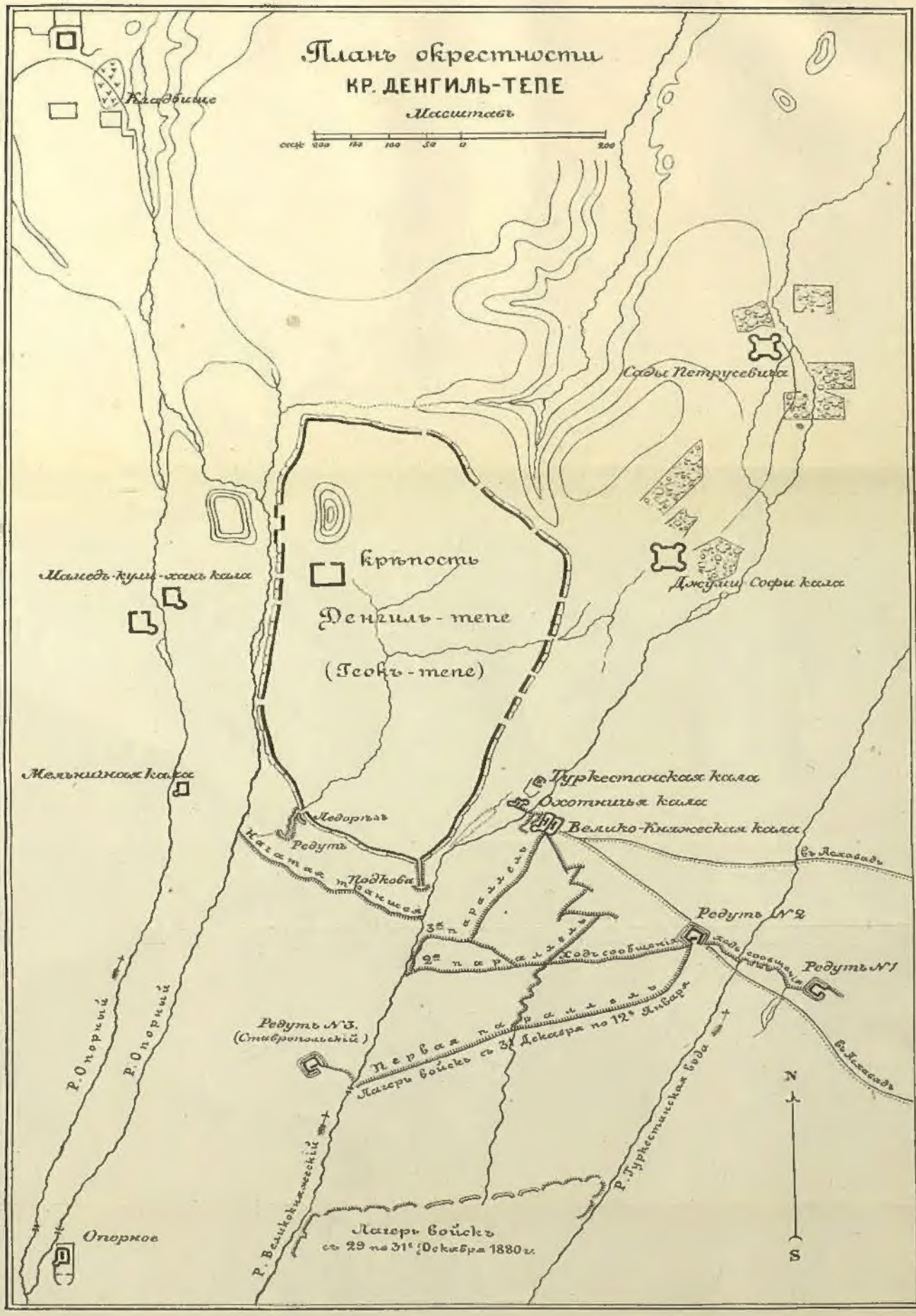
Глава XIX. Лагерь подвинутъ близко къ 1-й параллели.—Штурмъ и занятіе Велико-княжеской позиціи полковникомъ Куропаткинымъ 136

Глава XX. Вылазки непріятеля 30-го декабря.—Общій планъ штурма крѣпости.—Назначеніе капитана А. Маслова завѣдующимъ осадными работами на Велико-княжеской позиціи.—Минный спускъ.—Занятіе капитаномъ Масловымъ опорнаго пункта для веденія подступовъ къ крѣпости.—Вылазка непріятеля 4-го января 141

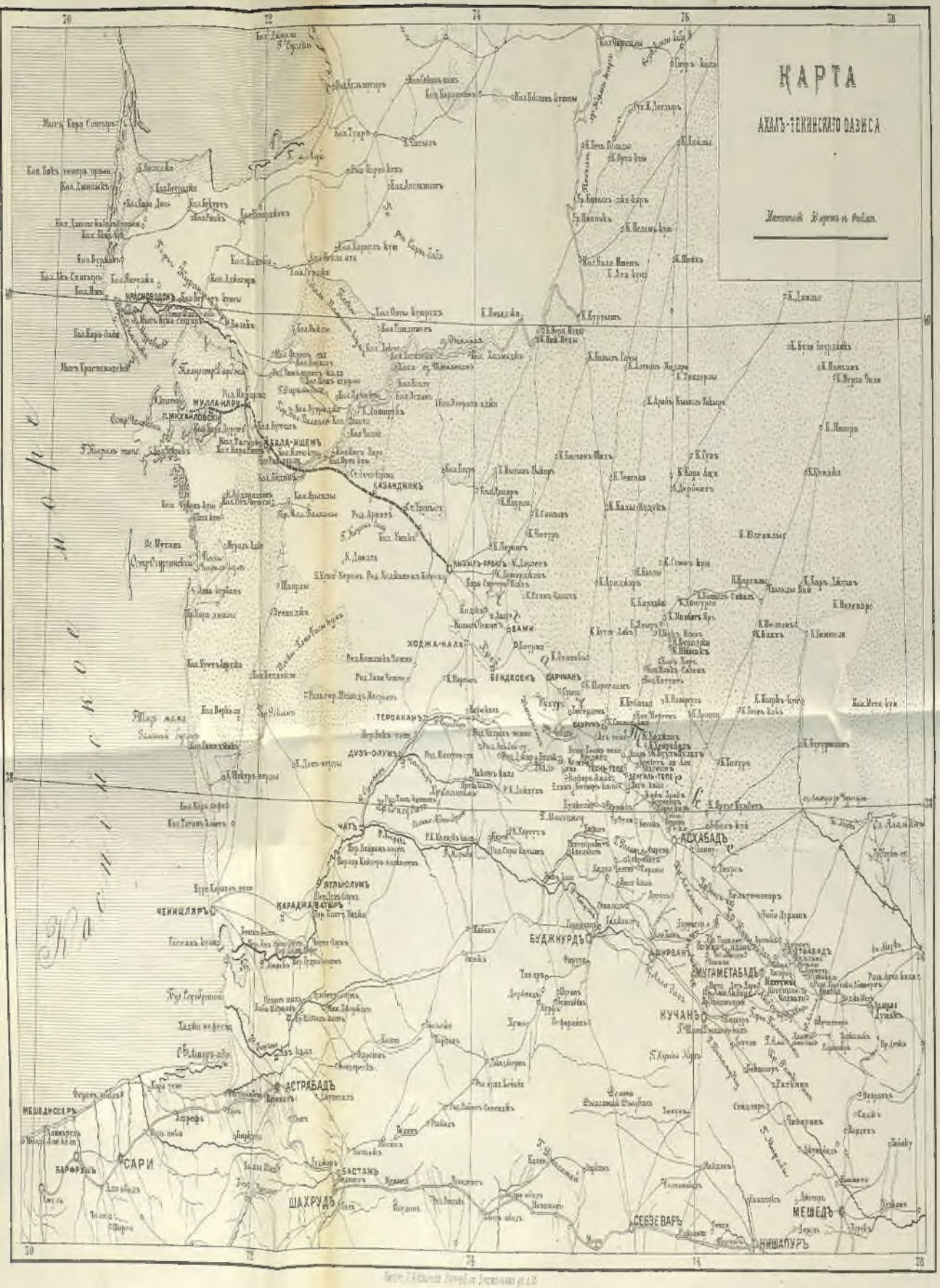
Глава XXI. Осадные дни послѣ вылазокъ.—Печальное положеніе «гражданскихъ чиновъ».—Дѣятельность передового лазарета . 150

Глава XXII. Послѣдніе дни осады.—Перемиріе на нѣсколько часовъ.—Гардемаринъ Майеръ 154

Глава XXIII. Штурмъ Геокъ-Тэпе.—Возвращеніе Скобелева въ Россію 163



Планъ окрестности
КР. ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ
Масштабъ
саж. 200 150 100 50 0 200
Кладбище
Сады Петрусевича
Джуми Софи кала
Крѣпость
Денгиль-тепе
(Геокъ-тепе)
Мамедъ-кули-ханъ кала
Мельничная кала
Туркестанская кала
Охотничья кала
Велико-Княжеская кала
Ледорѣзъ
Редутъ
Подкова
Начатая траншея
3я параллель
2я параллель
Ходъ сообщенія
Редутъ №2
Редутъ №1
въ Асхабадъ
Редутъ №3.
(Ставропольскій)
Первая параллель
Лагерь войскъ съ 31 Декабря по 12 Января
Р. Опорный
Р. Опорный
Р. Великокняжескій
Р. Туркестанская вода
Опорное
Лагерь войскъ
съ 29 по 31 Декабря 1880 г.
N
S


КАРТА
АХАЛЪ-ТЕКИНСКАГО ОАЗИСА
Масштабъ 1 верстъ въ 1 дюймъ.
КРАСНОВОДСКЪ
МУЛЛА-КАРИ
П. МИХАЙЛОВСКІЙ
БАЛА-ИШЕМЪ
КАЗАНДЖИКЪ
ХОДЖА-КАЛА
БЕНДЕСЕНЪ
ТЕРСАКАНЪ
ДУЗЪ-ОЛУМЪ
ЧАТЪ
ЯГЛЫ-ОЛУМЪ
КАРАДЖА-ВАТЫРЪ
ЧЕНИШЛЯРЪ
АСХАБАДЪ
БУДЖНУРДЪ
МУГАМЕТАБАДЪ
КУЧАНЪ
АСТРАБАДЪ
МЕШЕДИССЕРЪ
САРИ
БАРФРУШЪ
БАСТАМЪ
ШАХРУДЪ
СЕБЗЕВАРЪ
НИШАПУРЪ
МЕШЕДЪ

2007059289